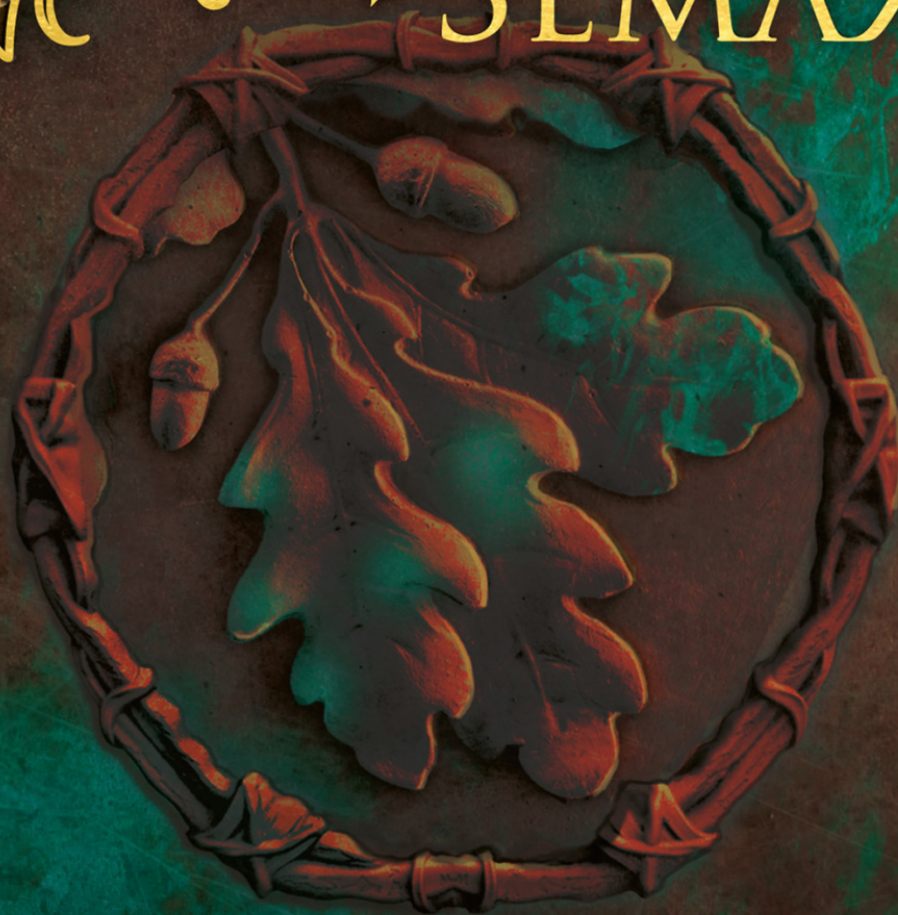

Впервые на русском!

Мертвая ЗЕМЛЯ

Расследует Мэтью Шардлейк

К. ДЖ. СЭНСОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Мэтью Шардлейк

Кристофер Сэнсом

Мертвая земля

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Сэнсом К. Д.

Мертвая земля / К. Д. Сэнсом — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (Мэтью Шардлейк)

ISBN 978-5-389-20989-3

Англия, 1549 год. После смерти Генриха VIII сыщик-адвокат Мэтью Шардлейк поступает на службу к младшей дочери почившего короля, юной Елизавете Тюдор, которая даже не подозревает, что в один прекрасный день ей предстоит стать королевой Англии. Наконец-то Шардлейк, уже немолодой и порядком уставший от придворных интриг, может вздохнуть свободно. Однако наслаждаться спокойной жизнью ему суждено недолго: Елизавета просит его поехать в Норидж и помочь Джону Болейну, дальнему родственнику своей покойной матери, которого обвиняют в злодейском убийстве жены. Мэтью отправляется в путь, ничуть не догадываясь, что ему суждено стать свидетелем роковых для королевства событий... В мире литературных героев и в сознании сегодняшнего читателя образ Мэтью Шардлейка занимает почетное место в ряду с такими известными персонажами, как Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, Ниро Вулф и комиссар Мегрэ. Впервые на русском!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20989-3

© Сэнсом К. Д., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	38
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	64
Глава 8	70
Глава 9	79
Часть вторая	85
Глава 10	86
Глава 11	96
Глава 12	102
Глава 13	108
Глава 14	116
Глава 15	125
Глава 16	133
Глава 17	137
Глава 18	145
Глава 19	153
Глава 20	158
Глава 21	166
Конец ознакомительного фрагмента.	167

К. Дж. Сэнсом Мертвая земля

C. J. Sansom

TOMBLAND

Copyright © 2018 by C. J. Sansom

All rights reserved

Серия «The Big Book»

Перевод с английского Екатерины Большелаповой

Оформление обложки Владимира Гусакова

Карты изготовлены Владимиром Гусаковым

© Е. Е. Большелапова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пребывание в лагере Роберта Кетта пошло мне на пользу, да и о самом капитане Кетте я ничего плохого сказать не могу. Вне всякого сомнения, он хотел, чтобы для людей, подобных мне, наступили иные дни.

Ральф Клакстон, норфолкский псаломщик, отданный под суд за эти слова

От автора

О поразительных событиях 1549 года мы, как это ни странно, до сих пор знаем чрезвычайно мало. Тем не менее, работая над романом «Мертвая земля», я черпал сведения из авторитетных исторических источников и старался по возможности опираться на факты. Так, например, огромный повстанческий лагерь на Маусхолдском холме действительно существовал.

Некоторые сюжетные повороты, например те, что связаны с пленными джентльменами в шестой части романа, или происшествие, описанное в главе 75, кажутся слишком невероятными, чтобы быть правдой; однако все это полностью основано на свидетельствах очевидцев.

Более подробную информацию можно почерпнуть в разделе «Исторические заметки: Осмысля восстание Роберта Кетта», который вы найдете в конце этой книги.

Пролог

Январь 1549 года

Я находился в своей конторе в Линкольнс-Инн, когда гонец, посланный мастером Пэрри, известил, что патрон безотлагательно требует меня к себе. О причинах столь срочного вызова я мог лишь догадываться. Он занимал пост гофмейстера леди Елизаветы, а также являлся главой финансового ведомства ее двора. Я служил под его началом вот уже два года, с тех пор как королева Екатерина Парр рекомендовала меня своей падчерице, а произошло это вскоре после смерти короля Генриха VIII. Старый король оставил каждой из двух своих дочерей огромную ренту – три тысячи фунтов в год – в расчете на то, что они превратят эти деньги в земельные угодья. Согласно решению лорда-протектора (а титул сей ныне носил Эдуард Сеймур, герцог Сомерсет, бывший регентом Англии при малолетнем Эдуарде VI), право первой выбрать из того, что предлагалось на рынке, было предоставлено леди Марии, хотя ее консервативные религиозные убеждения и находились в резком противоречии с протестантским радикализмом, каковой исповедовал он сам. Тем не менее Мария, будучи старшей дочерью Генриха, являлась наследницей престола, на который ей предстояло взойти, случись что-нибудь с юным королем Эдуардом. Благосостоянием леди Марии был также чрезвычайно озабочен ее кузен, император Священной Римской империи Карл V Габсбург, с которым лорд Сомерсет отнюдь не желал портить отношения. Роль леди Елизаветы в политической жизни была значительно скромнее. Ныне, когда Мария приобрела основную часть своих земельных владений в Норфолке, Пэрри получил возможность купить земли для Елизаветы; по большей части они находились в Хартфордшире. По всей видимости, он положил глаз на какой-то аппетитный кусок бывших монашеских угодий и хотел с моей помощью как можно быстрее законно оформить сделку.

Я сознавал, что многим обязан своей бесценной благодетельнице Екатерине Парр. Когда вскоре после смерти короля Генриха она вышла замуж за брата лорда-протектора, Томаса Сеймура, я был чрезвычайно огорчен, ибо новый супруг ее, помимо несомненной красоты и обаяния, отличался неразборчивостью в средствах и непомерными амбициями, ради удовлетворения которых готов был на многое. Поначалу леди Елизавета жила под одним кровом с мачехой и ее новым мужем, но прошлой весной, в мае, сочла за благо их оставить; ходили слухи, что Сеймур проявлял к четырнадцатилетней принцессе излишне назойливое внимание. Вскоре после этого, в сентябре, Екатерина Парр скончалась, произведя на свет ребенка от Сеймура. Смерть ее явилась для меня тяжким ударом, от которого я не оправился до сих пор.

Сообщив своему клерку Джону Скелли, что мне необходимо отлучиться, я пешком отправился из Линкольнс-Инн на Найтрайдер-стрит, где располагалась канцелярия мастера Пэрри; он не был законником и, соответственно, не являлся членом коллегии адвокатов. День выдался пронзительно-холодный; улицы покрывал грязный снег, и мне приходилось осторожно лавировать между спешащими горожанами. Я невольно покачал головой, отметив про себя, как много нынче развелось нищих; скрючившись у дверей, они кутались в свои жалкие лохмотья, ничуть не защищавшие от холода.

На протяжении последних двух лет положение бедняков становилось все более отчаянным, и отрицать этот факт было невозможно. Король Генрих, умирая, вручил бразды правления Регентскому совету, который должен был руководить страной до той поры, пока король Эдуард, ныне одиннадцатилетний мальчик, не достигнет совершеннолетия. Совет, однако же, в самом скором времени передал свои полномочия родному дяде короля, старшему из братьев его покойной матери Джейн Сеймур, Эдуарду Сеймуру, герцогу Сомерсету, власть которого ныне фактически равнялась королевской. В течение последних шестидесяти лет, когда на пре-

столе находились Генрих VII и Генрих VIII, Англией правила одна крепкая рука, и ныне высокопоставленные вельможи не представляли себе иной власти, кроме единоличной.

После пяти лет военных действий против Франции и Шотландии король Генрих, почив, оставил свою страну в состоянии мира. Мир был необходим Англии, ибо длительные войны разорили ее и привели к обесцениванию денег, которые теперь отливали не из серебра, а из меди. Многие торговцы отказывались принимать эти новые монеты, и по сравнению с минувшим десятилетием цены выросли едва ли не вдове. Последствия подобного удорожания жизни для неимущих классов были воистину разорительными, ибо плата за труд оставалась прежней.

Однако же герцог Сомерсет, став лордом-протектором, в самом скором времени развязал войну с Шотландией, рассчитывая на поддержку шотландских протестантов, численность которых была весьма значительна; он предполагал объединить два королевства, устроив брак между Эдуардом и шестилетней Марией Стюарт, королевой Шотландии. По распоряжению лорда-протектора в низменных районах Шотландии и вдоль по течению реки Тай было возведено по итальянскому образцу несколько фортов, которые он считал неприступными. Однако шотландцы сопротивлялись отчаянно; все форты, один за другим, пали под их натиском, а малолетняя королева Мария была отправлена во Францию; страна эта, являвшаяся заклятым врагом Англии, вновь стала союзницей Шотландии. Хотя война обернулась настоящей катастрофой, лорд-протектор отказывался признавать свое поражение; ходили слухи, что ныне он вынашивает планы новой кампании, невзирая на то что солдаты, давно не получавшие жалованья, покидают еще оставшиеся в руках англичан форты.

Я опустил монету в шапку очередного нищего, дрожавшего у стены. У него не было ноги – возможно, потерял ее на войне. Протектор не единожды заявлял, что печется о благе бедных людей, и утверждал, что источник всех экономических проблем – стремление землевладельцев отнять у арендаторов их наделы и превратить поля в пастбища, так как выращивать овец выгоднее, чем хлеб. В прошлом году в Хартфордшире вспыхнуло несколько мятежей, и Сомерсет обещал защитить права арендаторов.

Я спустился по улице вниз; впереди маячил остроконечный шпиль собора Святого Павла, отчетливо вырисовывавшийся на фоне холодного голубого неба. На память мне невольно пришло, что во время установки огромного креста на этом шпиле погибло двое рабочих; религиозные традиционалисты утверждали, что их наказал Бог. Церковные реформы, проводившиеся ныне даже с еще большим размахом, чем при короле Генрихе, сотрясали страну. Теперь, когда Англией правил лорд-протектор, протестантские радикалы получили невиданную прежде власть. Из всех церквей изъяли иконы, а настенные росписи повсюду замазали. Часовни, где читали молитвы за упокой души умерших, были уничтожены; имущество монастырей поступило в казну. В самом ближайшем времени должен был появиться новый молитвенник, на английском языке, а не на латыни. Говорили, что вскоре и месса – во время которой, согласно убеждениям верующих, хлеб и вино претворяются в тело и кровь Христову – будет считаться лишь воспоминанием о принесенной Спасителем жертве. Всего лишь три года назад за подобные убеждения можно было поплатиться жизнью, причем еретиков ожидала мучительная смерть на костре.

Оказавшись на Найтрайдер-стрит, я подошел к дому, где располагалась канцелярия Пэрри, и, прежде чем войти внутрь, тщательно сбил с башмаков снег. К моему удивлению, приемная была пуста, и мне пришлось постучать в двери кабинета моего патрона. Раздался голос, пригласивший меня войти. Войдя, я невольно подался назад от удивления. Человек, восседавший за массивным столом, отнюдь не походил на статного Томаса Пэрри; он был тщедушен, седовлас, а на груди у него поверх черного шелкового дублета сверкала золотая цепь лорда-канцлера. Сэр Ричард Рич, мой заклятый враг. Рядом с ним стоял худощавый молодой мужчина с каштановой бородой, в котором я с неменьшим удивлением узнал Уильяма Сесила. Три года назад, когда Сесил служил у Екатерины Парр, мне довелось с ним работать. С тех пор

он стремительно делал карьеру, поднимаясь все выше и выше. Хотя Уильяму еще не исполнилось и тридцати, он являлся одним из старших секретарей лорда-протектора и, следовательно, обладал немалой властью. В былые времена отношения у нас были дружеские. Но уже тогда я знал, что свой собственный успех Сесил ценит превыше всего и при этом является ярким приверженцем протестантизма. Ныне он был заодно с Ричем. Я пристально посмотрел на него. Сесил столь же пристально взглянул на меня в ответ, но не сказал ни слова. Рич тоже молчал, разглядывая меня с откровенной недоброжелательностью.

Выйдя из оцепенения, я осведомился:

– А где мастер Пэрри?

– В Тауэре, – процедил Рич; голос его был таким же ледяным, как этот январский день. Я в изумлении уставился на него. Не сводя с меня глаз, он продолжил суровым, обвинительным тоном: – Так же, как и главная камеристка леди Елизаветы Кэт Эшли и многие другие. Они обвиняются в государственной измене, ибо являются участниками заговора, который возглавлял Томас Сеймур. Сама леди Елизавета находится в Хатфилде, под следствием, которое ведет сэр Роберт Тайвит.

Сердце мое бешено заколотилось. Трясущейся рукой я схватился за спинку ближайшего стула.

– И в чем же состоит измена Сеймура? – выдавил я из себя.

Рич раздвинул губы в улыбке:

– Как видите, господин секретарь, этот человек еще не отдает себе отчета в том, что заговор полностью раскрыт.

Взгляд Сесила, устремленный на меня, по-прежнему не выражал никаких чувств. Переплета свои длинные тощие пальцы, Рич налег грудью на стол Пэрри. В голосе его звенело негодование.

– Вы спрашиваете, в чем заключалась измена Сеймура? Спросите лучше, каким предательством этот человек не запятнал себя. Заключив соглашение с пиратами, которых он в качестве лорда-адмирала должен был изгнать из наших морей, Сеймур получал часть их добычи. Вымогал взятки у главы Бристольского монетного двора. Превратил свой замок Садели в настоящий склад оружия. Замышлял похитить короля и, сместив своего брата, занять место лорда-протектора. И наконец, вступив в заговор с мастером Пэрри и миссис Эшли, задумал выдать замуж леди Елизавету без одобрения Тайного совета. Вам ничего об этом не известно, сержант¹ Шардлейк? Возможно, когда придет время, вы сможете сообщить нам немало важных фактов. Но прежде всего мы хотим выяснить, что вы знаете о планах Томаса Сеймура относительно брака леди Елизаветы. Миссис Эшли уже призналась, что неоднократно обсуждала с ним подобные перспективы, и мастер Пэрри обещал в награду за содействие приобрести для нее земельные угодья.

Я вопросительно взглянул на Сесила.

– Все это так, – веско изрек он.

– Милорд канцлер, я впервые об этом слышу, – произнес я, повернувшись к Ричу.

Однако сэр Ричард, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

– Мы располагаем информацией, – продолжал он, – что вы, в качестве подручного мастера Пэрри, занимались подготовкой к приобретению земель для леди Елизаветы. Наверняка Пэрри, желая как можно более полно ответить на вопросы Сеймура, советовался с вами. Извольте сообщить нам, что вам известно по этому поводу.

На столе перед ним лежал чистый лист бумаги. Рич окунул перо в чернильницу и приготовился записывать.

¹ *Сержанты юриспруденции* представляли собой высший разряд барристеров в английском суде, небольшую элитную группу адвокатов, носивших специальную одежду, основным отличием которой являлась особая шапочка.

– Но мне об этом абсолютно ничего не известно, – возразил я, ничуть не покривив душой. – Мастер Пэрри никогда не упоминал при мне о каких-либо разговорах с Сеймуром, а уж тем более о его намерении устроить брак леди Елизаветы. Иначе и быть не могло, – добавил я, ощущая, как ко мне возвращается самообладание. – Вы прекрасно знаете, что я с неизменной неприязнью относился к Томасу Сеймуру, о котором ходили самые дикие и ужасные слухи.

Сказав это, я вновь взглянул на Сесила. На этот раз он позволил себе едва заметный кивок.

– Однако вы отнюдь не питали неприязни к покойной жене лорда Томаса, бывшей королеве, – усмехнулся Рич. – Мне известно, сержант Шардлейк, что вы пользовались доверием Екатерины Парр. Именно благодаря ее протекции вы и получили свою нынешнюю должность. Скажите, в последние месяцы перед смертью Екатерины вы переписывались с нею, обсуждая какие-либо планы относительно леди Елизаветы?

– И вновь, милорд, я должен сказать «нет». Мы никогда не состояли с королевой в переписке, да и ни разу не встречались с тех пор, как после смерти старого короля я получил должность при дворе леди Елизаветы.

– И вы думаете, я в это поверю? – усмехнулся Рич. – Вы же были ее доверенным лицом, советником.

– С тех пор как скончался старый король – нет. Повторяю: я не встречался с Екатериной Парр после того, как она вышла замуж за Сеймура.

– Вы напрасно рассчитываете, что меня можно кормить подобными баснями! – воскликнул Рич с наигранным возмущением, словно бы выступал в суде. – Вы пользовались доверием Екатерины Парр, и вы служите при дворе Елизаветы – это говорит само за себя! Неужели Екатерина ничего не сказала вам о том, что произошло между ее падчерицей и мужем? О том, что Сеймур домогался Елизаветы, в то время как его жена носила во чреве дитя?

Я глубоко вздохнул, пытаясь сохранить самообладание:

– Клянусь, до сего дня у меня не было даже отдаленных предположений на этот счет.

– Речь идет не о предположениях, – процедил Рич. – Кэт Эшли не молчит, а просто соловьем заливается, ну прямо как одна из птичек покойной королевы Екатерины. По ее словам, о том, что Сеймур не давал проходу Елизавете, было известно всем и каждому.

– Повторяю, мне ничего об этом не известно.

– То же самое твердил и мастер Пэрри, – осклабился Рич. – Пока ему не показали орудия пыток в Тауэре.

Ярость и горечь, охватившие меня, внезапно пересилили страх.

– Благодаря вам, сэр Рич, я уже имел случай увидеть эти самые орудия пыток. Но вам не удастся завлечь меня в ловушку. Если Томас Сеймур вел себя столь подло, как вы это утверждаете, то пусть получит по заслугам. Вы несколько раз упомянули, что допрашивали мастера Пэрри и миссис Эшли. Однако вы не сказали, что они *признались* в намерении устроить брак леди Елизаветы без одобрения Тайного совета. Сама леди Елизавета тоже наверняка ничего такого не говорила, иначе вы не преминули бы сообщить об этом. Сколько бы вы меня ни спрашивали, ответ всегда будет одинаков: «Я ничего не знаю о подобных планах».

Судя по багровому румянцу, залившему бледные щеки Рича, он тоже пришел в ярость. Сесил незаметно сделал знак: поднял руку ладонью вниз и медленно опустил ее, безмолвно советуя мне придержать язык.

Рич не видел этого жеста, однако заметил, что я смотрю на Уильяма. Он резко повернулся к нему:

– Молодой мастер Сесил прибыл со мной сюда, чтобы произвести обыск в кабинете мастера Пэрри. Ему предстоит просмотреть все хранящиеся здесь документы. Вы можете оказать ему содействие. – Помолчав, Рич продолжил: – Возможно, прежде чем мы приступим к

обыску, вы направите нас по верному следу? Добровольная помощь, которую вы окажете нам, впоследствии может смягчить вашу участь, сержант Шардлейк.

– Мне ничего не известно.

– После того как мы закончим здесь, ваша контора и ваш дом тоже будут подвергнуты обыску, – с издевательской ухмылкой сообщил Рич.

– Для этого нам необходимо особое предписание, милорд, – осторожно напомнил Сесил.

– Получить его будет не трудно, учитывая, что я – лорд-канцлер, – нахмурился сэр Ричард.

– Если вам угодно, вы можете произвести у меня обыск, не дожидаясь предписания, – заявил я. – Менее всего на свете мне хотелось бы замедлять ход вашего расследования.

Я прекрасно сознавал, что Рич всего лишь закидывает сеть, рассчитывая, что я в ней запутаюсь.

Лорд-канцлер отбросил перо, закапав чернилами письменный стол Пэрри.

– Итак, мы приступаем к обыску. В самом скором времени вам еще придется дать показания под присягой.

– Как скажете, милорд.

Рич поджал губы и поднялся:

– Я отправляюсь в Тауэр. Сеймура необходимо допросить еще раз. – Он пристально взглянул на Сесила. – Произведите обыск в кабинете Пэрри со всей возможной тщательностью. Потом надо будет обыскать его дом. Шардлейком мы займемся позднее.

– Да, милорд, – с поклоном изрек Сесил.

Я тоже поклонился. Рич бросил на меня взгляд, исполненный откровенной враждебности, и быстро двинулся к двери, шурша шелковой мантией. Закрывая дверь, он громко стукнул ею о косяк, даже не считая нужным скрывать свое раздражение. Я остался наедине с Сесилом. До тех пор пока не хлопнула входная дверь, Уильям не произнес ни слова.

– Вы и правда ничего не знаете об этом деле? – наконец нарушил он молчание.

– Клянусь, ничего.

– Для меня это неожиданность. Вот уж не думал, что мастер Пэрри умеет хранить секреты. – На губах его мелькнула едва заметная улыбка. – Рич, как вы поняли, в числе тех, кто ведет расследование. Когда всплыло ваше имя, он настоял на том, чтобы лично допросить вас. И попросил меня сопровождать его, дабы в случае чего кто-нибудь мог подтвердить, что он не превысил свои полномочия.

– Я вам очень признателен, мастер Сесил.

Лицо моего собеседника приобрело строгое выражение.

– Как бы то ни было, заговор Сеймура – это чрезвычайно серьезно. И если леди Елизавета действительно согласилась вступить с ним в брак без разрешения Тайного совета, которое, как вы понимаете, никогда бы не было получено, это пахнет государственной изменой.

– Но если леди Елизавета не давала своего согласия, она невиновна. А следовательно, Томас Пэрри и Кэт Эшли невиновны тоже.

– Это верно. – Сесил слегка пожал плечами. – Полагаю, эти двое будут обвинены лишь в том, что они распускали пустые сплетни, а леди Елизавету полностью оправдают.

Поколебавшись немного, я отважился спросить:

– Скажите, а Сеймур действительно домогался леди Елизаветы?

На лице Сесила мелькнуло выражение нескрываемого отвращения.

– Боюсь, это правда, по крайней мере, если верить утверждениям Кэт Эшли. Покойная королева Екатерина отослала падчерицу прочь после того, как застала ее в объятиях своего мужа.

– Никогда бы не подумал, что леди Елизавета способна на подобное безрассудство, – покачал я головой.

– Юные девушки порой бывают чрезвычайно впечатлительны, – вздохнул Уильям. – И надо отдать должное Сеймуру, обаяния ему не занимать.

– Что касается всех прочих пунктов, то обвинения против него...

– Неопровержимы! Вскоре дело станет достоянием общественности. Он намеревался полностью подчинить короля своему влиянию. Думаю, ныне ничто не сможет спасти сэра Томаса Сеймура. Лорд-протектор вынужден будет подписать смертный приговор своему родному брату. – Сесил покачал головой. – Бесспорно, для него это будет жестоким ударом.

– Да уж, – вздохнул я. – Бедная королева Екатерина. Бедная леди Елизавета.

– Почему вы не добавляете «бедный Томас Сеймур»?

– Как я уже сказал Ричу: если этот человек виновен, пусть он получит по заслугам.

– То есть лишится головы на плахе.

На несколько мгновений в воздухе повисло молчание. Потом Сесил произнес, потирая свои тонкие пальцы:

– Не могли бы вы позвать слуг Пэрри? Рич отослал их прочь. Наверняка сейчас они где-нибудь в дальних комнатах. Здесь ужасно холодно. Надо, чтобы слуги затопили камин, ведь перебирать бумаги мастера Пэрри нам придется долго.

Это было странное, весьма неприятное занятие – просматривать документы своего патрона. Нас с мастером Пэрри не связывали узы дружбы, однако я неизменно питал к нему уважение. К моему великому облегчению, мы не нашли ничего компрометирующего. После того как обыск был завершен и мы уже надели плащи, собираясь уходить, Сесил, погруженный в задумчивость, бросил взгляд в окно. Пылинки, потревоженные нашими поисками, кружились в луче зимнего солнца.

– Мастер Шардлейк... – негромко произнес Сесил. – Я не думаю, что над леди Елизаветой действительно нависла серьезная опасность. Но она никогда не пользовалась благоволением протектора, и скандал, который неминуемо разразится в самом скором времени, бесспорно, усилит подозрения, каковые он питает на ее счет. Герцог Сомерсет не относится к числу тех, кто... – Уильям замешкался, подыскивая подходящее слово, – к числу тех, кто склонен доверять людям. И конечно, измена родного брата лишь усугубит его недоверчивость. При встрече с мастером Пэрри попросите его посоветовать леди Елизавете впредь быть осмотрительнее. Даже тень скандала не должна падать на нее.

– Спасибо, мастер Сесил, – кивнул я и добавил, движимый любопытством: – Но почему вы так печетесь об участи леди Елизаветы?

Он склонил голову и вытянул перед собой обе руки ладонями вниз.

– У юного короля две сестры. Мария – враг истинной религии, а Елизавета, напротив, ее поборница. Сегодня политическая ситуация такова, что расположение лорда-протектора отдано Марии. Но вполне возможно, что, став старше, Елизавета сумеет изменить нынешнее положение вещей.

Часть первая

Лондон

Глава 1

Июнь 1549 года

На протяжении всего нашего путешествия в Хатфилдский дворец дождь лил как из ведра; водяные струйки стекали с полей наших шляп и делали скользкими поводы. Время от времени налетали порывы ветра, такого ледяного, словно бы даже сейчас, в начале июня, суровая зима и холодная весна не спешили покидать землю.

Нас, оставивших Лондон серым ненастным утром, было шестеро; я, мой молодой помощник Николас Овертон и четверо крепких парней, вооруженных ножами и мечами, – все они состояли на службе у Томаса Пэрри, главного управляющего двором леди Елизаветы. Их командир Фоуберри, молчаливый мужчина средних лет, прибыл в Линкольнс-Инн за день до этого; он доставил письмо патрона, который срочно вызвал меня в Хатфилд. В послании говорилось, что мне предстоит помочь леди Елизавете в некоем безотлагательном и деликатном деле. Мне следовало отправиться в путь вместе с гонцом, провести ночь в загородном трактире и следующим утром предстать перед Пэрри и леди Елизаветой. В письме сообщалось также, что мой патрон на всякий случай послал с Фоуберри еще трех человек, которым предстояло сопровождать нас; учитывая, что после майских мятежей в стране было неспокойно, предосторожность эта отнюдь не казалась лишней. Меня несколько удивило, что Пэрри, всегда отличавшийся многословием, ограничился столь кратким посланием, и по дороге я ломал себе голову, что предвещает подобная лаконичность. Приобретение и продажа земель для леди Елизаветы, которыми я по поручению гофмейстера занимался в течение двух лет, разумеется, относились к числу деликатных дел, однако не требовали срочности.

В пути мы почти не разговаривали; ненастная погода не способствовала оживленной беседе. Николас ехал рядом со мной, склонив тощее длинное тело на шею лошади. С другой стороны от меня трусил Фоуберри, сзади – трое его людей. Одинокие всадники и повозки, груженные различными припасами, встречавшиеся нам на дороге, двигались в противоположном направлении, в сторону Лондона. Лишь однажды нас обогнал гонец в яркой ливрее королевских цветов, сопровождаемый двумя вооруженными слугами, которые, оглушительно трубя в рожки, сделали нам знак уступить дорогу. Обрызгав нас грязью из-под лошадиных копыт, они быстро скрылись вдали. Николас вопросительно взглянул на меня; пряди рыжих волос, падавшие ему на лоб, так промокли, что напоминали крысиные хвосты, а капавшая с них дождевая вода заставляла юношу поминутно моргать.

– Любопытно, что он везет, – заметил Овертон. – Очередное воззвание лорда-протектора Сомерсета?

– Скорее всего. Хотел бы я знать, чему оно посвящено на этот раз.

– Возможно, протектор провозглашает, что отныне слепые должны прозреть, а рыбы – летать по воздуху.

Я рассмеялся, однако Фоуберри, ехавший рядом со мной, бросил на Николаса неодобрительный взгляд.

Близился вечер, серое небо потемнело.

– Я полагаю, вскоре мы должны прибыть на постоянный двор, – сказал я, повернувшись к Фоуберри.

– Да, сэр, думаю, до постоянного двора уже недалеко, – ответил он своим низким, глубоким голосом.

Подобно Пэрри и многим другим служащим при дворе леди Елизаветы, он был валлийцем. В седле наш сопровождающий держался прямо, не обращая внимания на ненастье; выправка выдавала в нем бывалого солдата. Возможно, как и большинство его земляков, он был участником войн с Францией.

Я растянул губы в улыбке и заметил:

– Очень удачно, что по распоряжению мастера Пэрри мы должны провести эту ночь в трактире. Иначе мне пришлось бы предстать перед леди Елизаветой мокрым и грязным, как крыса, выскочившая из сточной канавы.

– Да, сэр, показываться перед нею в таком виде негоже, – с непроницаемым лицом кивнул мой спутник.

Я понял, что все попытки вытянуть из него хоть что-нибудь о причинах столь внезапного вызова обречены на поражение; даже если этому человеку что-то известно, он будет хранить молчание.

Николас, придержав лошадь, указал хлыстом направо. В отдалении, за ячменным полем, светился огонек.

– Посмотрите-ка туда, мастер Фоуберри! – воскликнул Овертон. – Может, это и есть постоянный двор?

Фоуберри придержал лошадь и сделал своим людям знак последовать его примеру. Смахнув с глаз дождевые капли, он вперил взгляд в стущавшийся сумрак. И наконец изрек:

– Нет, это не постоянный двор. Нам нужно проехать еще около мили. – Посмотрев вдаль еще несколько мгновений, он добавил: – Это не свет из окна, а огонь. Скорее всего, кто-то развел костер в роще за полем.

– Может, там лагерь крестьянских мятежников? – предположил один из его людей, коснувшись рукояти меча.

– Я слышал, в Хэмпшире и в Сассексе вновь начались волнения, – негромко ответил ему командир.

– Это лишь один-единственный костер, – покачал я головой. – Скорее всего, его развели какие-нибудь путники вроде нас.

– Очень может быть, что эти путники поджидают одиноких всадников, дабы их ограбить. – Фоуберри сплюнул на землю. – Согласно новому закону, принятому парламентом, подобных шельмецов следует клеймить и строго наказывать. Мы должны предупредить хозяина постоянного двора, что видели костер, – продолжил он. – Пусть трактирщик сообщит об этом констеблю, а тот пошлет туда городскую стражу. – Он повернулся ко мне. – Вы согласны, мастер Шардлейк?

Я медлил, не зная, что ответить. Николас метнул в меня предостерегающий взгляд. Ему было хорошо известно мое мнение относительно творившихся в стране беспорядков, но затевать сейчас спор вряд ли имело смысл.

– Вам лучше знать, мастер Фоуберри. Хотя, вполне вероятно, у этого костра греются самые что ни на есть честные люди.

– Осторожность никогда не бывает лишней, особенно в нынешние тревожные времена. Кроме того, Хатфилдский дворец расположен неподалеку отсюда, и беспорядки могут потревожить леди Елизавету.

Я кивнул в знак согласия. Мы вновь натянули поводья своих усталых лошадей и медленно двинулись по дороге. Я лишь вздохнул про себя, рассудив, что тем, кто собрался ночевать у костра в такой холод, в любом случае не позавидуешь.

Постоялый двор, расположенный на окраине маленького городка Хатфилда, оказался уютным и чистым. Подъехав, мы спешили, и двое конюхов увели лошадей. Люди Фоуберри последовали за ними, оставив своего командира в нашем с Николасом обществе. Тело мое затекло после длительного путешествия, все кости ломило. Спина просто разламывалась: в последнее время длительные переезды верхом давались мне все тяжелее. Но горбуну сорока семи лет от роду вряд ли стоило на это сетовать. Вслед за слугой, взвалившим себе на плечи нашу поклажу, мы вошли в старый просторный дом. Свечи, ярко горевшие внутри, освещали каменные плиты, которыми был выложен пол; дверь, ведущая из холла в просторный обеденный зал, была распахнута настежь, и сидевшие там постояльцы, судя по виду в основном преуспевающие торговцы, с любопытством уставились на нас. Лысый приземистый человек в фартуке поверх дублета, прервав на полуслове разговор с одним из гостей, поспешил нам навстречу.

– Приветствую вас, мастер Фоуберри! – жизнерадостно воскликнул он. – Мы вас ждали. – Он склонился в почтительном поклоне и, выпрямившись, устремил на меня пронзительный взгляд небольших острых глаз. – А вы, должно быть, джентльмен-законник и прибыли, чтобы помочь мастеру Пэрри советом?

– Я сержант юриспруденции Мэтью Шардлейк, член Лондонской коллегии адвокатов, – представился я. – А это мой помощник мастер Овертон.

Хозяин постоялого двора приветливо кивнул и вновь повернулся к Фоуберри.

– Очень рад видеть вас у себя, сэр. – Подойдя ближе, он произнес, понизив голос: – Буду чрезвычайно признателен, сэр, если мастер Пэрри заплатит за постой своих гостей золотыми монетами. Серебро нынче очень упало в цене, – добавил он, сокрушенно покачав головой.

– Мы в Хатфилдском дворце всегда расплачиваемся золотом, – с гордостью изрек Фоуберри.

Трактирщик вновь поклонился, на этот раз в знак благодарности.

– Для меня великая честь принимать гостей, прибывающих в Хатфилдский дворец, – сказал он и, помолчав немного, добавил: – Давненько вы к нам не заглядывали, сэр. Надеюсь, леди Елизавета здорова?

– Вполне здорова, мой заботливый друг, – с едва заметной улыбкой ответил Фоуберри.

– Надеюсь также, что неприятности, которые ей пришлось пережить в последнее время, не слишком ее расстроили, – продолжал трактирщик, поочередно поглядывая то на меня, то на Фоуберри; в своем стремлении полакомиться сплетней он напоминал голодного ворона, желающего ухватить вкусный кусочек.

Гости, сидевшие за столами, притихли.

– Да будет вам известно, любезный, у меня нет привычки обсуждать с посторонними дела, имеющие касательство к особам, которым я служу, – ледяным тоном отчеканил Фоуберри.

Трактирщик слегка подался назад:

– Разумеется, сэр. Я только хотел сказать... сейчас в Хатфилдском дворце, судя по всему, все спокойно.

– И будет еще спокойнее, если люди, подобные вам, откажутся от привычки выведывать то, что им знать не следует, – жестко ответил Фоуберри. – Кстати, я могу сообщить кое-что, имеющее к вам прямое отношение. Примерно в миле к югу отсюда мы видели на краю поля костер. Слева от дороги. Полагаю, вам стоит поставить в известность констебля.

– То был один-единственный костер, – уточнил я. – Вряд ли вокруг него собралось много людей.

Трактирщик тем не менее отнесся к полученному известию очень серьезно.

– Я пошлю констеблю записку, – сказал он.

– И правильно сделаете, – кивнул Фоуберри. – Как видите, мы насквозь промокли. Нам нужны комнаты с каминами и полотенца. И конечно, мы все не прочь перекусить.

– Может быть, вы поужинаете здесь? – Хозяин махнул рукой в сторону обеденного зала. – Жаркий огонь и хорошая компания – что еще нужно в такую погоду, когда...

– Нет, мы лучше поедим в своих комнатах, – перебил его я.

Мастер Пэрри заказал для нас с Николасом отдельные комнаты; он не испытывал недостатка в средствах. Учítывая, что леди Елизавета принадлежала к числу богатейших людей в стране, в этом не было ничего удивительного. Я переоделся в сухую одежду, а мокрую развешил перед камином. Открыв дорожную сумку, которую слуга доставил в спальню, я бережно разложил на кровати адвокатскую мантию.

Тут принесли ужин – густую баранью похлебку, бекон с хлебом и сыром и кувшин пива. Довольно простая, но сытная пища. Вскоре раздался стук в дверь, и в комнату, согнувшись, чтобы не задеть головой о дверной косяк, вошел Николас. Он тоже переоделся и успел высушить свои огненно-рыжие волосы. Теперь он облачился в зеленый дублет с серебристыми нашивками и модным высоким воротником, слегка расстегнутым так, чтобы были видны кружева рубашки.

– Садись, дружище, – сказал я.

– Благодарю вас, сэр.

Мы с аппетитом принялись за еду. Утолив первый голод, Николас вытащил кошелек, извлек из него серебряную монету и положил на стол.

– Вчера мне дали ее в Лондоне, – сообщил он. – Новый шиллинг, только что выпустили.

Я взял новехонькую блестящую монетку, на которой красовалось серьезное лицо нашего одиннадцатилетнего короля. Вокруг его изображения шла надпись по-латыни: «Эдуард VI, король милостью Божией». Я взвесил монету на ладони:

– Она тяжелее, чем те, что чеканили в начале года. Но может, в ней еще больше меди?

– Думаю, так оно и есть, – нахмурившись, кивнул Николас. – Богом клянусь, протектор Сомерсет держит нас всех за последних дураков. Введя в оборот это свое фальшивое серебро, он ограбил всю страну. Чем больше он выпускает таких монет, тем быстрее растут цены. За кружку пива уже требуют два фартинга.

Я невесело улыбнулся:

– Сомерсету необходимо серебро, ибо война с Шотландией требует больших расходов. Парламент идет у него на поводу и одобряет введение новых налогов. – Я покачал головой. – Я думал, после смерти старого короля Англия прекратит выбрасывать деньги на войны, в которых заведомо обречена на поражение. Увы, я ошибался. Стало только хуже.

– Думаете, шотландцы нас побьют? – ухмыльнулся Николас.

– Все идет к тому.

– Для Англии это будет большим бесчестьем.

– За всю свою жизнь я не припомню, чтобы цены росли так быстро, как в этом году, – заметил я, задумчиво глядя на монетку. – Простым ремесленникам сейчас приходится туго... Не говоря уже о фермерах. Землевладельцы что ни месяц повышают арендную плату, а некоторые так и вовсе гонят арендаторов прочь, превращая поля в пастбища.

– А что им еще остается делать? – перебил меня Николас. – Рост цен ведь касается и их тоже. Я знаю, мой отец терпел убытки, потому что... – Овертон осекся, глубокая складка пересекла его усыпанный веснушками лоб.

Я догадывался, что творится у парня на душе. Три года назад, когда Николасу был двадцать один год, его родители, мелкие дворяне из Линкольншира, решили женить его по собственному выбору. Однако Николас не питал никаких чувств к девушке, которую они наметили ему в супруги, и наотрез отказался вступать с ней в брак. В результате родители лишили строптивого сына наследства. Горечь обиды не улеглась и по сей день, хотя, судя по всему, положение помощника барриста его вполне устраивало, и он с нетерпением ждал, когда же

будет принят в коллегия адвокатов. Работал молодой человек усердно, был сметлив и сведущ, хотя я чувствовал: в отличие от меня, Ник отнюдь не был предан правоведению всем сердцем. Свободное время он проводил в обществе других молодых джентльменов – о том, что он джентльмен, Овертон никогда не забывал, – развлекаясь в лондонских тавернах и, как я догадывался, в борделях. Иногда мне казалось, что больше всего ему нужна хорошая жена. Хотя Николаса никак нельзя было назвать красавцем в общепринятом смысле этого слова, он, несомненно, был щедро наделен привлекательностью и, уж конечно, не страдал от недостатка уверенности в себе. Если ему действительно чего-то доставало, так только денег, ибо небольшое жалованье, которое он получал у меня на службе, являлось для него единственным источником дохода. В последнее время Овертон начал ухаживать за Беатрис Кензи, дочерью моего коллеги-барристера. Я встречал эту юную девицу всего пару раз и, признаюсь откровенно, был о ней не слишком высокого мнения.

– А как по-вашему, есть шанс, что завтра я тоже увижу леди Елизавету? – спросил Николас, резко меняя тему разговора.

– Честно скажу, вероятность этого ничтожна. Даже я вижу ее крайне редко.

– Значит, вы притащили меня с собой только потому, что по статусу вам полагается иметь помощника, а в данном случае статус очень важен, – усмехнулся Николас.

– В общем-то, ты прав, старина. Сам знаешь, так положено. Хотя, думаю, для тебя тоже найдется дело – скорее всего, придется переписать кое-какие документы. Но доступ к леди Елизавете ограничен. Мастер Пэрри и приближенные к ней дамы строго следят за этим.

Николас подался вперед, в его зеленых глазах вспыхнули любопытные огоньки.

– Интересно, а что она собой представляет?

– Я не видел ее уже месяцев с восемь, – ответил я. – В последний раз я был допущен к ней, чтобы выразить соболезнования по поводу кончины королевы Екатерины... – Я слегка запнулся и, судорожно сглотнув, продолжил: – Ныне леди Елизавете пятнадцать лет, но она обладает умом и выдержкой взрослого человека. Дело в том, что детство ее было далеко не безмятежным. – Губы мои тронула грустная улыбка. – Она чрезвычайно умна и, как говорится, за словом в карман не лезет. Когда я начал работать под началом мастера Пэрри, она как-то сказала: «*Мои собаки будут носить мои ошейники*». Разумеется, к людям это относится тоже.

Помолчав немного, Николас спросил:

– А это дело, по которому мы едем туда... Как вы думаете, оно связано с тем, что случилось в январе?.. Ну, с теми неприятностями?

– Думаю, нет, – твердо ответил я. – Скандал, вспыхнувший вокруг Томаса Сеймура, умер вместе с этим недостойным человеком. Я в этом не сомневаюсь. – Вприв в Николаса пристальный взгляд, я произнес, подчеркивая каждое слово: – Всем известно, что лорд-протектор публично заявил: леди Елизавета не была осведомлена о брачных планах Сеймура. Это все, что я могу сказать по этому поводу, Николас. Сохранять конфиденциальность – первая обязанность законника.

– Кто же с этим спорит. Но...

– Но все, начиная от хозяина этого постоялого двора и кончая последним клерком в Линкольнс-Инн, желали бы знать подробности, – суровым тоном прервал его я.

– Я не о том, сэр. – На лице Николаса мелькнуло смущение. – Просто, когда нас срочно вызвали по некоему важному делу, я подумал: наверное, здесь есть какая-то связь. Возможно...

– Возможно, здесь замешана политика – ты это хочешь сказать? – снова перебил я. – Нет, я уверен, политика тут ни при чем. Прости, старина, что я так на тебя набросился. Просто люди, зная, что я работаю с Пэрри, видят во мне источник сплетен, а мне это чертовски надоело. – Я покачал головой. – Поверь, Николас, бывают случаи, когда тот, кто знает меньше, оказывается в выигрыше. В качестве опытного адвоката и старшего товарища я даю тебе этот совет совершенно бесплатно.

Позднее, когда Николас вернулся в свою комнату, я открыл окно. Дождь прекратился, но с крыши все еще капало, и это был единственный звук, нарушающий ночную тишину. Серебристый серп месяца разливал тусклое сияние над полями, окружавшими постоялый двор. Сейчас, в начале лета, уже ходили разговоры о том, что нынешний год, в отличие от четырех предшествующих, будет неурожайным. Страшно было подумать, что произойдет, если ко всем прочим неурядицам прибавится еще и нехватка хлеба.

Я отошел от окна. Прежде чем лечь спать, неплохо было бы сделать несколько физических упражнений, которые мне рекомендовал доктор Гай Малтон – мой друг и прекрасный врач, но я чувствовал себя слишком усталым. Мысли о Гае встревожили меня. Последние несколько месяцев он постоянно болел, силы его подтачивала медленная лихорадка, против которой не помогали никакие средства; учитывая, что Гаю давно уже перевалило за шестьдесят, болезнь могла иметь самые печальные последствия. Откровенно говоря, я опасался, что мой друг умирает. В последние несколько лет мне пришлось расстаться не только с королевой Екатериной, но и со многими людьми, к которым я питал душевную привязанность. С Джеком Баракком, моим бывшим помощником и давним другом, мы виделись чрезвычайно редко; к тому же встречи наши происходили тайком от его жены Тамазин. Когда-то она тоже испытывала ко мне расположение; однако три года назад я вовлек Джека в некое рискованное дело, участие в котором стоило ему руки (и едва не стоило жизни), а Тамми до сих пор не простила мне этого. Хотя я приходился крестным отцом их сыну, маленькому Джорджи, которому вскоре должно было исполниться четыре года, Тамазин не пускала меня на порог своего дома. Их младшую дочь я и вовсе не видел ни разу. Мой бывший конюх, мальчик по имени Тимоти, оставил мой дом, чтобы поступить в ученики к ремесленнику, а служанка Джозефина вышла замуж и теперь жила в Норфолке. Из ее последнего письма явствовало, что им с мужем приходится нелегко; зная, что она беременна, я послал супругам денег и просил сообщить, не голодают ли они. Однако ответа не последовало, что было отнюдь не в характере Джозефины, и это лишь усиливало мое беспокойство.

Слишком уж часто в последнее время мною овладевают приступы меланхолии, думал я, сидя на кровати. Внезапно меня озарила догадка – причина в том, что я совершенно одинок. Тимоти и Джозефина заменяли мне детей, которых я никогда не имел. Привязываться к ним так сильно было с моей стороны отчаянной глупостью. К тому же работа начала надоедать мне: все эти бесконечные земельные сделки, переговоры о приобретении ферм и имений, зачастую ни к чему не приводившие, нагоняли на меня скуку. В ту пору, когда я защищал интересы бедняков в Палате прошений, я был намного счастливее. Я надеялся, что Николас, избавившись от некоторых дворянских предрассудков, будет успешно помогать мне на этом поприще; но два года назад, когда пост лорда-канцлера занял Рич, мне дали понять, что должность моя необходима другому. Мне оставалось лишь смириться.

Укладываясь в постель, я вновь вспомнил тот страшный январский день. Леди Елизавета, так же как и ее приближенные, сумела избежать тяжких обвинений; Томасу Пэрри даже позволили занять прежнюю должность, хотя Кэт Эшли вынуждена была расстаться со своей госпожой. В марте Томас Сеймур закончил жизнь на плахе. Когда лорд-протектор казнил собственного брата, это породило немало слухов и изрядно ослабило его позиции. С Ричем я с того дня не встречался ни разу. Его люди действительно обыскали мою контору, возможно преследуя при этом одну-единственную цель – причинить мне как можно больше беспокойства. Я рассказал Николасу и Скелли, который тоже присутствовал при обыске, о том, что произошло в канцелярии Пэрри. Страх, вспыхнувший во взгляде Николаса, был мне вполне понятен; он, разумеется, помнил, как три года назад, во время заговора против Екатерины Парр, я в очередной раз был вовлечен в жестокий мир придворной политики. В результате он, зеленый юнец,

только что приехавший из провинции, тоже оказался втянутым в опасный водоворот. Мы оба пережили тогда тревожные времена.

Я смотрел на собственное отражение в окне; в колеблющемся свете свечей отчетливо видны были глубокие морщины, бороздившие мое лицо, спина, год от года сгибавшаяся сильнее, и все еще густые, но совершенно седые волосы. В последнее время я редко молился перед сном; но в тот вечер, опустившись у кровати на колени, я просил Господа исцелить моего больного друга Гая, помочь Джозефине во всех ее горестях, не оставить своими милостями леди Елизавету и тех неведомых мне путников у костра, к которым Фоуберри направил городскую стражу.

Глава 2

На следующее утро мы поднялись рано и, поспешно позавтракав, поехали в сопровождении Фоуберри и его людей в Хатфилдский дворец. Стало заметно теплее, легкий ветер гнал по небу кудрявые облачка и теребил меховой воротник моей черной шелковой мантии. Отправляясь во дворец, я надел также сержантскую шапочку. Николас, тоже в шелковой мантии, трусил рядом. Мой конь по кличке Бытие этим утром покинул конюшню с явной неохотой, – как видно, бедняга становился слишком стар для столь длительных поездок.

Хатфилдский дворец, удобное современное здание, возведенное из ярко-красного кирпича, имело просторный внутренний двор; оно было окружено парком, обнесенным высокими стенами. В настоящее время дворец этот являлся главной резиденцией леди Елизаветы, где проживал весь ее двор, насчитывающий около ста пятидесяти человек. У главного входа нас встретила круглолицая женщина средних лет, с серьезным и проницательным взглядом. На ней были черное платье и старомодный остроконечный головной убор, а на поясе висела связка ключей. Прежде мне уже доводилось встречаться с Бланш Харри; подобно Томасу Пэрри, она была уроженкой Уэльса и служила леди Елизавете с тех пор, когда последняя была еще грудным младенцем. Бланш не только являлась домоправительницей, но и решала, кому следует разрешить доступ к своей госпоже. Спешившись, мы склонились перед нею в низком поклоне. Кивком головы и легким мановением руки миссис Харри приказала Фоуберри и его людям удалиться; ведя под уздцы лошадей, они двинулись в сторону конюшни. Бланш смерила взглядом Николаса, державшего в руках папку с листами бумаги для записей; когда она повернулась ко мне, губы ее тронула едва заметная улыбка.

– Да ниспошлет вам Господь доброго утра, сержант Шардлейк. Боюсь, вчерашний дождь не слишком благоприятствовал вашему путешествию.

– Тем не менее, миссис Харри, оно прошло вполне благополучно, хотя мы и промокли насквозь.

Вслед за ней мы вошли в просторный вестибюль, увешанный гобеленами и обставленный изящной мебелью; впрочем, все здесь было выдержано в скромном и элегантном стиле, весьма отличном от цветистой роскоши, излюбленной старым королем. Все слуги были в темно-коричневых ливреях; иными словами, протестантский дух царствовал повсюду.

Пройдя по знакомому мне коридору, мы остановились у дверей кабинета мастера Пэрри. Повернувшись к нам, миссис Бланш негромко произнесла:

– Мастер Пэрри, несомненно, сообщит вам, что я осведомлена о том деле, ради которого он вызвал вас сюда. Кроме меня, об этом не знает ни одна живая душа. Запомните, ни слова... – тут она пристально взглянула на Николаса, – ни слова об этом не должно быть произнесено за пределами кабинета.

Николас слегка поклонился в знак согласия.

Миссис Бланш постучала. Раздался низкий голос Пэрри, приглашавший нас войти. Когда мы вошли, миссис Бланш закрыла за нами дверь; до меня долетел звук ее удаляющихся шагов и звяканье ключей у нее на поясе.

Томасу Пэрри, рослому крупному мужчине, недавно перевалило за сорок; тело его, еще вчера сильное и статное, начало помаленьку обрастать жирком. Черные его волосы, согласно моде, были коротко подстрижены, на румянном лице выделялся крупный нос, а маленькие голубые глаза смотрели пронзительно и въедливо. Гофмейстер леди Елизаветы, вершитель ее дел. Подобно многим высокопоставленным вельможам, он попробовал свои силы, работая под началом Томаса Кромвеля; в прошедшем десятилетии этот человек немало поспособствовал уничтожению католических монастырей. Как всегда добродушный и жизнерадостный, мастер Пэрри направился к нам:

– Рад вас видеть, Мэтью. Простите, что пришлось так срочно сорвать вас с места. Представляю, как вы вчера промокли под этим дождем, будь он неладен. Одному Богу известно, какой урожай ожидает нас при столь скверной погоде. Ячмень едва дал всходы, а ведь уже лето.

– То же самое я подумал вчера, глядя на окрестные поля, мастер Пэрри.

– Фоуберри рассказал мне, что вы видели каких-то людей, которые разожгли костер поблизости от города. Как выяснилось, это всего-навсего несколько бродяг, бывших сапожников из Нортгемптона. Своим ремеслом они больше кормиться не могут, вот и решили попытаться счастья в Лондоне. Правда, при них оказались ножи и дубинки, так что уж не знаю, чем они там надумали промышлять. Как бы то ни было, констебль из Хатфилда и его стражники велели им убираться прочь.

– Понятно.

– О Мэтью, я вижу в вашем взгляде укор. Знаю, вы приверженец государства общего блага и готовы всех нищих бродяг осыпать золотом. – Он подмигнул Николасу.

– По крайней мере, я хотел бы дать всем нуждающимся работу, – пожал я плечами.

– Ах, Мэтью, вряд ли это будет способствовать всеобщему благу, о котором вы так печетесь. Если все получат работу, зарплаты вырастут и цены, соответственно, тоже. И куда это приведет всех нас? – Пэрри вновь улыбнулся, самодовольной улыбкой осведомленного и здравомыслящего человека, который вразумляет оторванного от жизни идеалиста.

Глядя на его круглое веселое лицо, я невольно вспомнил фразу, брошенную Ричем в январе: когда Пэрри доставили в Тауэр и показали ему орудия пыток, у него моментально развязался язык. Но спрашивается, кто в таких обстоятельствах сумел бы устоять? Все, что рассказал Пэрри, касалось исключительно Томаса Сеймура и никоим образом не компрометировало леди Елизавету. Он был проницателен, умен и верен своей госпоже.

Пэрри повернулся к моему помощнику, которого ему уже доводилось видеть прежде, поскольку в Лондоне Николас иногда сопровождал меня во время визитов в канцелярию патрона.

– Ну а вы, молодой человек, наверняка с увлечением читаете всем этим памфлетам и проповедям, направленным против алчных богачей?

– Нет, сэр, – ответил Николас. – Я полагаю, все эти разговоры подрывают законную государственную власть и ведут лишь к смуте и беспорядкам.

– Вижу, несмотря на молодость, вы отнюдь не глупы, – одобрительно кивнул Пэрри. – Как проходят ваши научные занятия? Еще не вступили в коллегию адвокатов?

– Надеюсь, это вскоре произойдет, хотя я и довольно поздно начал изучать юриспруденцию.

– Что ж, насколько я могу судить, вы всегда выполняете свою работу добросовестно. – Лицо Пэрри внезапно стало серьезным, и, подобно миссис Бланш, он устремил на Николаса испытующий взгляд. – С вами можно обсуждать вопросы, которые необходимо держать в строжайшем секрете? Предупреждаю: подробности дела, о котором нам предстоит говорить, производят тягостное и даже отталкивающее впечатление, а также способны породить множество гнусных сплетен.

– Тягостное и даже отталкивающее впечатление, сэр? – растерянно переспросил Николас.

Судя по вытаращенным от удивления глазам Овертона, подобного поворота он никак не ожидал. Я, впрочем, тоже.

Лицо Пэрри оставалось непроницаемым.

– Да, речь пойдет о вещах воистину ужасающих, – проронил он.

– Мастер Пэрри, я никогда не обманывал доверия своих клиентов, – произнес Николас.

Патрон повернулся ко мне, и голос его внезапно стал жестким:

– Я могу быть с вашим помощником совершенно откровенен, Мэтью? Вы уже поняли, что речь пойдет о вещах, выходящих за грани привычных представлений.

– Мастер Овертон доказал, что умеет хранить тайны, еще когда мы с ним служили покойной королеве.

Пэрри кивнул, улыбнулся и, вновь сияя приветливостью, похлопал Николаса по плечу:

– Извините, но я должен был об этом спросить.

Подойдя к письменному столу, он уселся за него, а нам указал на стулья напротив:

– Лучше перейти прямо к делу. Времени в нашем распоряжении не так уж и много. – Он подвинул Николасу чернильницу. – Записывайте, Овертон, но только имена и названия мест. И смотрите, чтобы ваши записки не попали в чужие руки. То, что я собираюсь открыть вам, до сей поры знали только три человека на свете: я, миссис Бланш и леди Елизавета. Кстати, она лично выразила пожелание, чтобы этим расследованием занимались именно вы, Мэтью. – Пэрри сдвинул брови, словно бы сомневаясь в разумности подобного пожелания, и продолжил: – После нашей беседы она сама встретится с вами. Но прошу вас, в разговоре с нею не упоминайте жутких подробностей этой истории. Нам пришлось открыть все леди Елизавете, но, боюсь, ей едва не стало дурно.

Мы с Николасом переглянулись. Несомненно, речь сейчас должна была пойти вовсе не о спорах относительно очередного земельного участка.

– Вам доводилось когда-нибудь бывать в Норфолке? – повернулся Пэрри к Николасу.

Тот покачал головой:

– Нет, сэр. Я родом из Линкольншира и мало путешествовал.

– Я тоже ни разу не был в Норфолке, – сказал я. – Хотя, когда я защищал интересы бедных людей в Палате прошений, у меня было немало клиентов из этого графства.

– Думаю, вы оба слышали пословицу «Норфолк хитрит, простаков дурит», – с циничной ухмылкой произнес Пэрри. – Насколько мне известно, общины там занимаются сутяжничеством больше, чем в любом другом графстве, затевают тяжбы с землевладельцами из-за ренты и огораживаний пастбищ. Есть еще одна поговорка: «Каждый житель Норфолка, идя за плугом, читает свод законов».

– Несомненно, местные жители знают, каковы их права, – вставил я. – И они умеют объединяться, чтобы добиться правды в Палате прошений, когда обычный суд бессилен им помочь.

– Вы выиграли много процессов, защищая права этих самых угнетенных норфолкских общин?

– Несколько дел мне действительно удалось выиграть. Несмотря на все судебные проволочки и ухищрения крупных землевладельцев.

– Должен сказать, наше нынешнее дело касается как раз землевладельца, – проворчал Пэрри. – Так что о вашей службе в Палате прошений сейчас лучше не упоминать.

– У норфолкских джентльменов тоже репутация завязых сутяг. Они постоянно ведут тяжбы, как между собой, так и со своими арендаторами, – заметил я. – Так повелось с той поры, как старый король обрушил кары на семейство Говард и отнял у них земли, где они были полновластными господами.

– Вы правы, – кивнул Пэрри. – Старый герцог Норфолк правил там железной рукой. Но вот уже несколько лет он сидит в Тауэре по обвинению в государственной измене, выдвинутому еще покойным королем. А у лорда-протектора не хватает смелости отправить злоумышленника на плаху. Он ждет, что Норфолк сам вскорости умрет, ведь тому уже перевалило за семьдесят пять. Но думаю, старик еще долго протянет, из чистого упрямства. – Пэрри, вскинув брови, отрывисто расхохотался. – Вам, конечно, известно, что большая часть его земель была приобретена для леди Марии, – она питает особый интерес к владениям в Восточной Англии. Кеннингхолл, дворец герцога Норфолка, стал ее резиденцией. Полагаю, сейчас она находится именно там.

– Насколько я помню, леди Елизавета тоже хотела приобрести земли в Норфолке? – заметил я.

– Но несколько уже намеченных сделок сорвалось, – вставил Николас. – Я так и не понял, почему леди Елизавету привлекают земли именно в этом графстве.

– Семья Болейн родом из Норфолка, – пояснил я.

– А я думал, их родина – Хивер, в Кенте, – сказал Николас.

– Нет, Болейны из норфолкских дворян, – покачал головой Пэрри. – Не исключено, что леди Мария скупает там земли назло сестре, которую откровенно ненавидит. Леди Мария убеждена, что Елизавета не является дочерью короля Генриха, поскольку Анна Болейн родила ее от своего любовника Марка Смитона. *Pentwyt o casu.*

На лице Николаса мелькнуло озадаченное выражение.

– По-валлийски это означает «куча дерьма», – перевел Пэрри.

– Я не знал, что у леди Марии существуют подобные подозрения, – удивленно заметил я. Мой патрон растянул губы в улыбке:

– При дворе леди Марии в Кеннингхолле у меня есть несколько – назовем их так, осведомителей, которые регулярно сообщают мне о ее мнениях и настроениях. – Он подался вперед, потирая свои пухлые руки. – Ненависть, которую леди Мария питает к сестре, – одна из причин, почему это дело следует держать в тайне. Мне известно, что леди Мария чрезвычайно досадовала, когда в январе Елизавете удалось избежать обвинения в государственной измене. – Пэрри нахмурился и покачал головой. – То, что ныне старшая дочь Генриха находится в Кеннингхолле, нам отнюдь не на руку. Пока что история не получила широкой огласки. Но если дело дойдет до норфолкского суда присяжных, этого не миновать. – Он вперил в меня пристальный взгляд. – Дело касается членов семьи Болейн, то есть родственников леди Елизаветы. Весьма дальних, но все-таки родственников. Именно поэтому вести расследование надо с особой осторожностью.

– Насколько я понял, имеются какие-то кошмарные подробности...

Пэрри подался вперед и негромко произнес:

– Болейны с незапамятных времен были скромными норфолкскими землевладельцами. Жили в своих поместьях, получали плату с арендаторов и изредка посылали какого-нибудь особо смышленного своего отпрыска в Лондон, искать счастья. Подобной участи удостоился и прапрадед Анны Болейн. Но они никогда не становились важными персонами – до той поры, пока старый король не положил глаз на мать леди Елизаветы. После того как Анна Болейн и ее ближайшие родственники были казнены, норфолкские Болейны, затаившись в глуши, продолжали жизнь скромных непритязательных помещиков. Конечно, фамилия их с тех пор окружена ореолом дурной славы, и с этим ничего поделать нельзя.

– Да уж, – кивнул я, – дурная слава живуча.

Со дня казни Анны Болейн минуло целых тринадцать лет, а некоторые люди, в особенности приверженцы религиозных традиций, до сих пор морщатся, услышав ее имя. Я присутствовал на казни, и сейчас перед мысленным моим взором вновь предстала эта страшная картина: серое весеннее утро, безмолвная толпа, взмах топора, рассекший воздух, поток алой крови и отрубленная голова королевы. Меня невольно передернуло.

– Ныне леди Елизавета богата, – продолжал Пэрри. – Время от времени к ней являются просители, объявляющие себя ее бедными родственниками из Норфолка, и, сетуя на тяжелые времена, просят о помощи.

– Подобное неизбежно, если у человека много денег и много родни, – пожал я плечами.

– Совершенно верно. Мы с миссис Бланш неизменно отправляем подобных просителей восвояси. Леди Елизавета иногда выражает желание встретиться с кем-нибудь из своих так называемых родственников, но мы всегда отговариваем ее от подобного шага. Даже сейчас от представителей семейства Болейн лучше держаться подальше. – Пэрри вскинул мохнатые

брови. – Откровенно говоря, чаще всего мы просто не сообщаем ей о приезде очередного дальнего родственника. – Он рассмеялся отрывистым лающим смехом. – Пару раз леди Елизавета узнавала от слуг, что мы прогнали просителей, скрыв это от нее. Миссис Бланш получала хороший нагоняй, а в меня в лучшем случае летела чернильница, а в худшем – пресс-папье. – Пэрри потер щеку, словно она вновь заныла от удара, и продолжил: – Я неизменно наводил справки обо всех этих людях, и почти всегда выяснялось, что они – обычные мошенники. У меня есть барристер, который помогает мне в подобных вопросах. Зовут его Эймерик Копулдейк, и он работает вместе со своим помощником, уроженцем Норфолка по имени Тоби Локвуд.

– Прошлым летом мы с Копулдейком встречались у вас в канцелярии, – напомнил я. – Тогда вы вызвали его по какому-то срочному делу. Правда, мы всего лишь обменялись несколькими словами.

Перед глазами у меня встал тучный, взмокший от пота коротышка, который беспрестанно сетовал на невыносимую жару.

– По моему мнению, Тоби Локвуд куда смысленнее своего патрона, – заметил Пэрри. – Вернувшись в Лондон, вы непременно должны будете встретиться с ними обоими.

– Наверное, леди Елизавете тяжело не иметь близких родственников, – негромко произнес Николас.

Я внимательно посмотрел на него. Этот парень знал, о чем говорил.

– Тем не менее Болейнам нельзя позволять приближаться к леди Елизавете, – отрезал Пэрри. – Это вопрос политики. – Поколебавшись, он добавил: – Миссис Бланш сообщила мне, что леди носит на шее медальон с портретом матери. Какой-нибудь интриган вполне может использовать это обстоятельство, дабы раздуть очередной скандал. – Пэрри испустил тяжкий вздох. – Всего месяц назад, четвертого мая, миссис Бланш сообщила мне о какой-то женщине, проникшей в помещение для прислуги. Эта особа заявила, что якобы является вдовой одного из дальних родственников леди Елизаветы. После смерти мужа землевладелец отнял у нее ферму, и для нее настали тяжелые времена. Обычно миссис Бланш гонит таких просительниц прочь. Но тут имелись определенные обстоятельства, вследствие которых она решила, что мне следует увидеть эту женщину.

– И что же это за обстоятельства? – уточнил я.

– Прежде всего эта особа выглядела лет на пятьдесят, а в подобные игры, как правило, играют молодые. Волосы у нее почти поседели и были коротко подстрижены – наверняка, чтобы избавиться от вшей. Одета она была почти в лохмотья, но выговор выдавал хорошее воспитание. В общем, она отличалась от всей этой норфолкской швали, и миссис Бланш сочла нужным отвести ее ко мне. – Пэрри сокрушенно покачал головой. – Господи Иисусе, до чего же жалкий вид имела просительница! Похоже, ей действительно пришлось голодать. Щеки у нее ввалились, руки загрубели от холода, а из-под чепца торчали космы грязных волос. Платье на ней было старое, из дешевой грубой холстины.

– Будь эта женщина дворянских кровей, платье ее, пусть старое и поношенное, было бы сшито из хорошей ткани, – вставил Николас.

– Верное замечание, – кивнул Пэрри. – Но повторяю, речь этой дамы свидетельствовала о том, что она получила образование. Она выглядела донельзя измученной и совершенно отчаявшейся. Сказала, что долго не осмеливалась беспокоить нас, ведь в отдаленном родстве с леди Елизаветой она состоит только благодаря замужеству. Но иного выхода у нее не осталось. Все прочие так называемые родственники, оказавшись во дворце, как правило, глазают по сторонам, изумленно открыв рот. Но эта женщина не проявила ни малейшего интереса к обстановке, которая ее окружала. Можно было подумать, что она вообще ничего не замечает. Я предложил ей сесть и рассказать о своих злоключениях. Она так и сделала, и ее история показалась мне вполне правдоподобной. По крайней мере, на первый взгляд, – мрачно добавил Пэрри. – Итак, посетительница сообщила, что ее зовут миссис Эдит Болейн. Вплоть до ноября прошлого года,

то есть до той поры, пока не скончался ее супруг, она жила на процветающей ферме, расположенной в пятнадцати милях от Нориджа, поблизости от Бликлинга. Именно оттуда ведет свое происхождение семья Анны Болейн, хотя ныне Болейны, повторяю, разбросаны по всему Норфолку. Ферма, по ее словам, была достаточно большая и приносила неплохой доход. Но после смерти мужа землевладелец отказался продлить с ней арендный договор. Он решил превратить пахотные земли в пастбища и приказал вдове убраться через три месяца. – Губы Пэрри тронула сардоническая усмешка. – В общем, произошло именно то, против чего выступают ваши друзья – ревнители всеобщего блага. Подобная участь в равной степени может постигнуть и бедных, и богатых фермеров.

– Ни детей, ни родственников у этой дамы, как я понимаю, нет? – спросил я.

– Да, по ее словам, детей у нее никогда не было, а родители давно умерли, – сообщил Пэрри, и во взгляде его мелькнуло сочувствие. Горькая участь Эдит Болейн, несомненно, тронула этого невозмутимого прагматичного человека. – Попробуй определи, что здесь правда, а что ложь, – вздохнул мой патрон и погрузился в столь несвойственное ему молчание.

– А эта дама не сказала, в каком именно родстве ее покойный муж состоял с леди Елизаветой? – уточнил я.

– По словам посетительницы, у ее мужа и Анны Болейн был общий прапрадед, – кивнул Пэрри.

Я быстро произвел в уме необходимые вычисления:

– Таким образом, самой Анне он доводился четвероюродным братом, а родство с леди Елизаветой еще более отдаленное.

– Просительница прекрасно представляла, как выглядит родословное древо Болейнов. Нарисовала его мне на клочке бумаги. Родоначальником считается Джеффри Болейн, который в юности приехал из Норфолка покорять столицу и впоследствии стал лорд-мэром Лондона. Кстати, я обратил внимание, что ей трудно держать в руках перо: пальцы скрючены, суставы распухли. Но почерк четкий и красивый, и это доказывает, что женщина и впрямь получила образование. Я заметил, что она не носит обручального кольца, и осведомился о причине этого. Эдит Болейн ответила, что пальцы слишком распухли и кольцо пришлось разрезать и снять, так как оно доставляло невыносимую боль. Я уже склонялся к тому, чтобы ей поверить. – Пэрри вновь вскинул свои мохнатые брови, и в голосе его послышались жесткие нотки. – Но потом решил уточнить кое-какие подробности, и вся ее история рассыпалась в прах.

– Вот как?

– Когда я пожелал узнать имя землевладельца, лишившего миссис Болейн фермы, условия арендного договора, название ближайшего города и имена соседей, посетительница принялась кормить меня баснями. Спору нет, у этой женщины все было отлично продумано и даже отрететировано. Но она не приняла в расчет, что благодаря помощи барристера Копулдейка я неплохо разбираюсь в географии Норфолка. Когда я попытался вывести обманщицу на чистую воду, она начала запинаться и путаться в собственных словах. Миссис Бланш и я смотрели на нее с откровенным недоверием, и дамочка поняла, что дальнейшая ложь бесполезна. В конце концов она призналась, что муж ее действительно принадлежал к роду Болейн, а все остальное – выдумки. Сказала, что пришла сюда в надежде получить хоть какое-нибудь место: горничной, помощницы повара – в общем, любое. При этом она покраснела как рак. Я заметил, что пальцы у нее не только распухли, но и покрыты мозолями. Этой женщине, несомненно, был знаком тяжелый труд. – Пэрри пожал своими широкими плечами. – Сами понимаете, после того, что она наплела вначале, дать ей работу в этом доме не представлялось возможным. Я полагаю, кем бы ни была эта просительница, скорее всего, она действительно принадлежит к дворянскому роду. Нынче для нее, как и для многих, настали трудные времена. Но, как вы сами понимаете, это еще не повод для того, чтобы прибегать к обману. Я приказал ей уйти.

– И она безропотно подчинилась?

– Я ожидал, что женщина разразится рыданиями, но она этого не сделала. Лишь побледнела и откинулась на спинку стула. Я попросил миссис Бланш вывести ее прочь. Когда посетительница шла к дверям, я вытащил кошелек – хотел дать ей несколько монет. Но миссис Бланш, заметив это, покачала головой. Она была права: не следует поощрять лжецов и мошенников. Эта дама покинула дом так же, как и вошла в него, – через заднюю дверь. – Несколько мгновений Пэрри хранил молчание, пристально глядя на меня. – После ее ухода я навел справки и выяснил: хотя вся история с фермой – чистой воды выдумка, муж Эдит Болейн действительно приходится родственником леди Елизавете. Именно это обстоятельство, мастер Шардлейк, может породить серьезные неприятности.

– Причина неприятностей – Эдит Болейн? – уточнил я.

– Некоторым образом – да, – невесело усмехнулся мой собеседник. – Оказавшись жертвой самого жестокого и гнусного убийства, какое только можно вообразить, эта женщина, несомненно, стала для нас источником неприятностей.

– Значит, вы хотите, чтобы я расследовал это убийство? – осведомился я.

– Именно так, – кивнул Пэрри, не сводя с меня глаз.

Прежде мне уже доводилось заниматься подобными расследованиями, всякий раз по просьбе высокопоставленных вельмож. Как правило, приступая к подобным делам, я был охвачен тревогой и сомнениями. Но здесь, в кабинете Пэрри, я неожиданно для себя самого ощутил нечто вроде воодушевления. Бросив искоса взгляд на Николаса, я заметил, что он тоже оживился.

– Так что же случилось с Эдит Болейн? – спросил я.

Управляющий леди Елизаветы открыл один из ящиков своего письменного стола и достал папку, из которой извлек лист бумаги. То были показания свидетелей, снятые в ходе судебного дознания. Я быстро пробежал их глазами.

– Как я уже сказал вам, Эдит Болейн – как выяснилось, это ее настоящее имя – явилась сюда четвертого мая, – произнес Пэрри. – Одиннадцать дней спустя, ранним утром пятнадцатого мая, пастух по имени Эдриан Кемпсли вышел из своей хижины в Бриквелле, деревне, расположенной к югу от Нориджа, намереваясь выгнать на пастбище стадо хозяина. Имя хозяина – Леонард Вайтерингтон; он один из тех, кто не только превращает все поля в своих владениях в пастбища для овец, но и к тому же посягает на общественные земли. Арендаторы, разумеется, не слишком его жалуют, сосед-земледелец – тоже.

– Как я уже заметил, норфолкские джентльмены постоянно с кем-то воюют: или с арендаторами, или с соседями, – кивнул я.

– Лет десять назад, когда был уничтожен большой монастырь неподалеку, Вайтерингтон и его сосед приобрели значительные участки монастырской земли. Как видно, в документах монастыря границы между этими участками не были обозначены достаточно четко. В результате мастер Вайтерингтон стал претендовать на изрядный кусок, принадлежавший его соседу. – Пэрри вновь вскинул брови. – Соседа этого зовут Джон Болейн, он является мужем Эдит и, вопреки ее заверениям, отнюдь не умер. Впрочем, вполне вероятно, через месяц он расстанется с жизнью, болтаясь на виселице в Норидже.

– Ее муж жив?! – удивленно выпалил Николас. – Зачем же она тогда вообще приходила сюда?

– Терпение, юноша! – вскинул руку Пэрри. – Из показаний Эдриана Кемпсли, которые лежат перед вами, следует, что овечье стадо Вайтерингтона паслось в просторной долине, которую пересекает ручей, представляющий собой естественную границу между владениями Вайтерингтона и Джона Болейна. Хотя, как я уже сказал, граница эта являлась предметом их споров.

– С тех пор как монастырские земли начали распродаваться, подобным спорам не видно конца, – вставил я. – Старинные документы зачастую не способны внести ясность, а планы выцвели или вовсе утрачены.

– Так оно и есть, – согласился мой патрон. – Весна выдалась дождливой, и полноводный ручей размыл берега, превратив их в жидкую грязь. Кемпсли заметил, что у ручья что-то белеет. Еще не вполне рассвело, и поначалу он решил, что это овца, завязшая в грязи. Подойдя ближе, старик испытал потрясение, которого не испытывал никогда прежде. – Помолчав несколько мгновений, Пэрри произнес: – Я уже предупреждал вас: подробности этого дела ужасающи и отвратительны. Так вот, Кемпсли увидел в воде вовсе не овцу, а обнаженное тело Эдит Болейн. Бедняжку сунули в ручей головой вниз, так что голова ее и верхняя часть туловища были скрыты под водой. Ноги ее торчали в воздухе в разные стороны, открывая небесам самые сокровенные части тела.

Повисло молчание.

– Тот, кто так поступил с этой женщиной, явно питал к ней сильнейшую ненависть, – наконец произнес я. – Что послужило причиной смерти?

– Причина смерти очевидна, – ответил Пэрри. – Погибшую ударили по голове чем-то тяжелым. Вытащив ее из ручья, Кемпсли увидел, что макушка несчастной разбита вдребезги. Скорее всего, тело утопили в ручье накануне ночью. Тем не менее официально Эдит Болейн мертва вот уже два года.

Николас, который вел записи, положив лист бумаги на деревянную дощечку у себя на коленях, от неожиданности тряхнул пером и поставил здоровенную кляксу.

– Что?!

– Именно так отреагировал и я сам, когда барристер Копулдейк впервые сообщил мне об этом обстоятельстве, – печально усмехнулся Пэрри и вытащил из папки еще один листок с показаниями. – Согласно утверждению Джона Болейна, его жена Эдит, мать двоих его сыновей, бесследно пропала еще в тысяча пятьсот сороковом году, то есть девять лет назад. По его словам, они с женой не особенно ладили, однако ее исчезновение было абсолютно неожиданным. Она внезапно ушла из дома зимой, не взяв с собой никаких вещей. Джон Болейн искал супругу у родственников – вопреки утверждениям посетительницы, у нее имелись родственники, – расспрашивал слуг и соседей. Но никто не видел миссис Болейн и ничего не знал о постигшей ее участи. С тех пор Эдит как сквозь землю провалилась. Два года назад, то есть через семь лет после исчезновения жены, мастер Болейн обратился к коронеру с просьбой официально признать Эдит умершей. Прощение его было удовлетворено, и он вступил в новый брак с женщиной, с которой сожительствовал уже несколько лет, возбуждая всеобщее осуждение.

– Как правило, в случае исчезновения одного из супругов проводится тщательное расследование, – заметил я.

– Расследование было проведено. Местный коронер – человек честный и добросовестный. Он выяснил, что за семь лет, прошедших с момента исчезновения Эдит, о ней и впрямь не было ни слуху ни духу. Во время расследования возник вопрос о том, не страдала ли она расстройством рассудка. Все в один голос твердили, что Эдит была женщиной со странностями, да к тому же отличалась угрюмым нравом. По словам Джона Болейна, иногда его супруга длительное время отказывалась от пищи, доводя себя до полного истощения. Кстати, когда она пришла сюда, вид у нее тоже был совершенно измороженный, но я решил, причина в том, что в дороге ей пришлось голодать.

– Значит, девять лет эту даму никто в глаза не видел и вдруг она появилась здесь?

– Именно так. Кстати, Джон Болейн, несомненно, завел шашни со своей нынешней женой еще до того, как прежняя загадочным образом пропала. Слухи об этом, разумеется, дошли до Эдит. По словам Болейна, задолго до исчезновения она впала в глубокую меланхолию и вновь принялась морить себя голодом. – Рассказчик испустил тяжкий вздох. – По мнению coronera,

Эдит, скорее всего, покончила жизнь самоубийством, бросившись в реку. Тело ее было унесено течением, а потому не найдено.

– Если Джон Болейн девять лет назад уже состоял в связи с другой женщиной, а жена, узнав об этом, всячески ему досаждала, у него имелась веская причина убить ее, – предположил я.

Пэрри кивнул в знак согласия.

– В тысяча пятьсот сороковом году, когда Эдит исчезла, так считали многие. Но никаких улик против Джона Болейна не имелось, да и тело тоже найдено не было. Год спустя Джон Болейн поселил свою любовницу, женщину по имени... – Пэрри бросил взгляд в записи, – Изабелла Хит, в своем доме, и с тех пор они стали сожительствовать совершенно открыто. Представьте себе, прежде эта молодая особа работала служанкой в таверне. Разумеется, местные дворяне были скандализированы, разговорам о том, что на подобные выходки способны только представители этого распутного семейства, не было конца. Подозрения относительно того, что Джон Болейн сам разделался со своей женой, так никогда полностью и не утихли. Не так давно, как я уже сказал, у него завязался земельный спор с соседом, Леонардом Вайтерингтоном, причем дело дошло до рукоприкладства. По слухам, сейчас у него трудности с деньгами – ему принадлежит несколько поместий, но недавно Болейн приобрел роскошный дом в Лондоне, а подобная покупка ему не по средствам.

– Как я понимаю, жена Болейна вовсе не умерла, а просто ушла от него? – вставил Николас.

– Судя по всему, дело обстояло именно так, – развел руками Пэрри. – Одному Богу известно, где она пропадала целых девять лет. Все, что мы знаем: Эдит внезапно появилась у нас во дворце, а потом, менее двух недель спустя, была зверски убита.

– Об этом убийстве вам сообщил барристер Копулдейк? – спросил я.

– Да, а сам он узнал о нем от своего помощника, живущего в Норидже, Тоби Локвуда. Копулдейк решил поставить меня в известность, так как после визита Эдит Болейн в Хатфилд я наводил о ней справки.

– Джона Болейна арестовали?

– Да. На следующий день после того, как тело Эдит было опознано ее отцом.

– Быстрая работа, – изрек Николас.

– Когда речь идет о расследовании убийства, медлить никак нельзя, – пояснил я. – Если виновный – или хотя бы подозреваемый – не будет найден в течение нескольких дней, след, что называется, остынет. – Я повернулся к Пэрри. – Против Болейна есть какие-нибудь улики?

– Да, и достаточно веские. В грязи на берегу ручья остались следы больших тяжелых ботинок, подметки которых подбиты гвоздями. Джон Болейн – крупный мужчина, и во время обыска, произведенного в его поместье, на конюшне были обнаружены именно такие ботинки, облепленные грязью. Кстати, лошадь, которая стоит в этой конюшне, обладает столь бешеным нравом, что никто, кроме хозяина, не осмеливается к ней приближаться. Там же, в стойле, был найден тяжелый молоток, перепачканный кровью, с прилипшими волосами.

Николас метнул на меня вопросительный взгляд.

– Кто-нибудь мог подбросить все это в конюшню, желая скомпрометировать Болейна, – предположил он.

Управляющий леди Елизаветы извлек из папки еще один документ:

– Согласно донесению коронера, ключи от конюшни имелись только у самого Болейна да еще у слабоумного мальчишки-конюха. Однако, полагаю, представ перед судом присяжных в Норидже, Болейн будет настаивать на своей невиновности. Суд, кстати, должен состояться в этом месяце, ведь выездная сессия уже началась.

– Да, – кивнул я. – Насколько мне известно, из-за недавних беспорядков в стране летнюю сессию сперва хотели отложить, но лорд-канцлер Рич не пошел на это. Судьям, как обычно, придется отправиться в путешествие по всей стране, дабы вершить справедливость.

– Барак ведь тоже там будет? – спросил Николас.

– Да, нынче ему как раз предстоит работать в Норфолке. В прошлом году он принимал участие в заседаниях окружного суда.

– Кто такой этот Барак? – осведомился Пэрри.

– Мой бывший помощник. Ныне он служит в суде и участвует в летних и зимних выездных судебных сессиях, которые проводятся неподалеку от Лондона, – пояснил я. – Думаю, сейчас слушания проходят в Бакингемшире, а потом судьи отправятся в Восточную Англию.

– Суд присяжных в Норидже начнет свою работу восемнадцатого июня, – сообщил Пэрри. – Меньше чем через две недели. Ваш Барак может быть нам полезен?

– Возможно, он согласится предоставить нам необходимые сведения, – осторожно ответил я. – Этот человек работал со мной в течение нескольких лет, и, ручаюсь, он заслуживает доверия.

– Тогда поговорите с ним, – кивнул Пэрри. – Только ни в коем случае не упоминайте о визите Эдит Болейн в Хатфилд.

– Разумеется, – пожал я плечами. – Несомненно, вероятность того, что Болейн будет признан виновным, весьма высока. Нельзя отрицать, что у него имелся мотив для убийства, – появление законной жены, где-то пропадавшей целых девять лет, вряд ли его обрадовало, особенно если учесть, что он успел жениться вновь. Но полагаю, реши он расправиться с Эдит, он проделал бы это тайно и сумел бы избавиться от тела. Выставить труп на всеобщее обозрение – необъяснимое безрассудство с его стороны. Не будь найдено тело, не было бы и никакого расследования, никто не узнал бы, что все эти годы Эдит была жива, а значит, новый брак Болейна недействителен. Как человек в здравом уме мог совершить подобную глупость?

– Возможно, увидев перед собой воскресшую покойницу, он был так взбешен, что от ярости у него помутился рассудок, – возразил Пэрри. – Но согласен, не исключено, что кто-то намеренно пытается свалить вину на Болейна. Как я уже сказал, этот человек отнюдь не пользуется симпатиями местных жителей. Сами понимаете, как важно это обстоятельство для суда присяжных.

– А что известно о его семье? – спросил я. – О его второй супруге? О детях? Насколько я понял, от брака с Эдит у него были дети?

– Новая его жена, насколько я понимаю, предпочитает лишний раз не высовываться из дому. От брака с Эдит у Джона Болейна родились мальчики-близнецы, сейчас им около восемнадцати лет, – сообщил Пэрри. – Власти Норфолка, судя по всему, не сомневаются, что Болейн будет признан виновным и земли его отойдут в казну, – добавил гофмейстер, нахмурившись. – Он достаточно богат, чтобы его поместья казались королевским чиновникам лакомым кусочком. Я попросил Копулдейка встретиться с адвокатом Болейна и дать ему совет приструнить не в меру ретивых претендентов на чужие земли. Пусть напоминает всем и каждому: дело находится на рассмотрении суда и исход его еще не решен. Пока вина Болейна не доказана, он считается невиновным. А значит, его поместья остаются неприкосновенными до тех пор, пока он не будет осужден – если только это вообще случится.

– Да, конечно.

– Обязанность надзирать за королевскими владениями в Норфолке возложена на Генри Майна, а верховный феодал здесь – сама леди Мария, – проворчал Пэрри. – Оба имеют доверенных лиц среди местных чиновников. Поместьями леди Марии в Норфолке управляет Ричард Саутвелл, а представителем Майна является Джон Фловердью. Скверная парочка! Возможно, вы знакомы с Фловердью, Шардлейк? Он сержант юриспруденции, как и вы. Но главная его забота – присвоить как можно больше норфолкских земель.

– Нет, мы с ним никогда не встречались.

– Что касается Саутвелла, то это правая рука леди Марии. – Пэрри вновь вскинул брови. – Таким образом, это проклятое дело касается и ее тоже. Я не удивлюсь, если она пожелает выйти замуж за Саутвелла.

– Насколько я понял, убийство Эдит Болейн, равно как и тот факт, что в нем обвинили ее мужа, получили самую широкую огласку, – заметил я. – Из вашего рассказа следует, что в Норфолке уже ходят самые разнообразные слухи на сей счет.

– Увы, так оно и есть. Но слухи эти – сущая ерунда в сравнении с тем скандалом, который разразится в случае, если Болейн будет признан виновным и отправлен на виселицу. Фамилия, которую он носит, жуткие подробности преступления... Все это настоящий подарок для сочинителей памфлетов! Уж конечно, бумагомараки не преминут разнести самые кошмарные версии этой истории от Лондона до Нортумберленда. – Голос Пэрри стал глухим от ярости. – Чушь, которой полны нынешние газеты, доводит меня до отчаяния. Поборники идей всеобщего благоденствия предают анафеме богатых, приверженцы Кальвина пугают скорым концом света и адским пламенем, безумные пророки пичкают всех своими измышлениями, а распутники делятся собственным ценным опытом. Про клевету уж и говорить нечего! Поневоле пожалеешь о том, что кто-то додумался изобрести этот чертов печатный станок.

Повисло молчание, которое нарушил Николас.

– А как вы думаете, сэр, мастер Болейн действительно виновен? – обратился он к Пэрри. Тот метнул в него сердитый взгляд:

– Господи Иисусе, юноша, откуда же мне знать, виновен он или нет? Я понятия об этом не имею. По словам Локвуда, помощника Копулдейка, который посетил обвиняемого в тюрьме Нориджа, вид у Болейна был печальный и подавленный. Это все, что мне известно.

Я пристально взглянул на патрона:

– Вы уверены, что никто не знает о визите Эдит Болейн в Хатфилд? Я имею в виду, за исключением вас и миссис Бланш?

– Уверен. Слуги, которые видели Эдит, наверняка приняли ее за очередную нищенку, явившуюся просить милостыню. Кроме нас двоих, никто не знает ее имени. И не узнает, – с нажимом добавил он. – Эта гнусная история не должна бросить тень на леди Елизавету.

– Значит, вы хотите отправить нас в Норфолк? – спросил я.

Пэрри испустил длинный сокрушенный вздох:

– Поверьте, я отнюдь не испытываю подобного желания. Но мне пришлось известить леди Елизавету о произошедшем убийстве – до нее в любом случае дошли бы сплетни. Поначалу она решила, что мы должны сообщить властям, что Эдит Болейн побывала здесь. Возможно, сказала леди Елизавета, это даст следствию зацепку. Определив, откуда Эдит пришла сюда, легче будет выяснить, где эта женщина провела последние девять лет.

– Леди Елизавета совершенно права, – кивнул я. – Строго говоря, если любой человек, которому известно, что Эдит Болейн побывала здесь незадолго до смерти, скроет это обстоятельство, то подобное молчание может быть расценено как лжесвидетельство.

Пэрри недовольно взглянул на меня.

– Мне удалось убедить леди Елизавету, что миссис Эдит состоит с ней в родстве столь отдаленном, что нам вряд ли стоит проявлять к этой истории особое внимание. Сейчас, когда едва-едва улеглась шумиха вокруг дела Сеймура, новый скандал, да еще связанный с убийством, нужен нам меньше всего. Миссис Бланш, разумеется, поддержала меня. Слава богу, леди Елизавета трезво смотрит на вещи. Она вняла нашим доводам и согласилась, что нам лучше молчать, предоставив следствию идти своим чередом. – Подавшись вперед, Пэрри медленно отчеканил: – За пределами этой комнаты – никаких упоминаний о визите Эдит Болейн в Хатфилд. Запомните это хорошенько.

– Да, конечно.

Про себя я порадовался, что мы с Николасом в качестве адвокатов имеем законное право утаить любую информацию, которую клиент желает сохранить в тайне.

– Так или иначе, леди Елизавета поставила нам два условия, – продолжал Пэрри. – Первое: в Норфолк следует отправить ее законного представителя, который будет пристально наблюдать за ходом событий. Подчеркну: главная задача этого представителя – убедиться в том, что с Джоном Болейном поступят по всей справедливости закона. Леди Елизавета решила, что, учитывая ваш богатый опыт по части подобных расследований, никто не справится с этой задачей лучше.

– Так как дело будет рассматриваться в уголовном суде, Болейну придется обойтись без адвоката, – заметил я. – Считается, что для того, чтобы обвинить человека в убийстве, суд должен опираться исключительно на неопровержимые факты, а значит, в адвокате нет необходимости. Полная бессмыслица, однако это так.

– Да, ерунда невероятная, – подхватил Николас. – Когда я начал изучать законы, то долго не мог поверить, что такое правило действительно существует.

– Что до меня, то я очень этому рад, – изрек Пэрри. – В противном случае леди Елизавета непременно захотела бы, чтобы вы, Мэтью, представляли интересы Болейна в суде. А это нам совершенно ни к чему. Вы ограничьтесь тем, что расследуете все обстоятельства дела и, возможно, сумеете направить представителей власти на верный путь. Кстати, я сказал леди Елизавете, что мы вполне можем поручить это Копулдейку, но она настояла на том, чтобы пригласить именно вас.

– А если в ходе моего расследования всплывут обстоятельства, подтверждающие вину Джона Болейна?

– Что ж, тогда с этим человеком придется поступить по всей строгости закона, – прищурившись, процедил Пэрри. – Но будет лучше, мастер Шардлейк, если вы не выявите подобных обстоятельств. Не нужно раскачивать лодку, в которой мы все плывем.

Я счел за благо увести разговор в сторону от этой скользкой темы:

– Вы сказали, леди Елизавета поставила еще одно условие?

– Да, хотя я до сих пор не оставил попыток переубедить ее. Надеюсь, – он устало покачал головой, – выполнять это условие не будет необходимости. Вот в чем оно состоит. Если вам удастся обнаружить факты, подтверждающие невиновность Болейна, а суд тем не менее признает его виновным, вы должны будете подать королю просьбу о помиловании.

Я тяжело вздохнул. Король обладал властью, позволяющей отменить даже смертный приговор. Богатые люди, осужденные на казнь, обычно давали взятку кому-либо из высокопоставленных придворных, имеющих влияние на короля. Но ныне, учитывая юный возраст нашего монарха, королевская милость означала милость лорда-протектора, с которым леди Елизавета находилась далеко в не лучших отношениях.

– Понимаю, почему подобное условие вас тревожит, мастер Пэрри.

– Леди Елизавета полагает, что если просьба о помиловании будет исходить от нее, то король рассмотрит ее лично. Но Эдуард, разумеется, и пальцем не пошевелит. Он очень привязан к сестре, однако это ровным счетом ничего не значит. С сестрой они видятся редко, и он находится под сильнейшим влиянием Сеймуров. То есть семьи, которая, как мы все прекрасно помним, заняла место Болейнов. – Пэрри вновь впериł в меня пронзительный взгляд. – Как я уже сказал, леди Елизавета обладает здравомыслием и осмотрительностью, но, когда речь заходит о покойной матери, ее сердце одерживает верх над разумом. В конце концов, ей всего пятнадцать лет. Помогите мне избежать шума вокруг этого дела, Мэтью. Ради леди Елизаветы. Будет ли Болейн призван виновным или нет, зависит от различных обстоятельств. В любом случае просьба о помиловании нам совершенно ни к чему.

– Разумеется, – кивнул я. – Насколько я понял, ваш барристер Копулдейк и его помощник могут оказать мне содействие в сборе нужных сведений?

– Да. Сейчас оба в Лондоне, но вы можете встретиться с ними, когда вернетесь. Кстати, его помощник отправится с вами в Норфолк. Полагаю, этого юнца, – Пэрри кивнул в сторону Николаса, – вы тоже возьмете с собой. Когда будете говорить о нашем деле со своим другом Бараклом, тщательно взвешивайте каждое слово. Остановиться я вам советую в Норидже. Поместье Болейна находится всего в двенадцати милях оттуда.

Я быстро произвел в уме вычисления. Сегодня шестое июня. Мне придется вернуться в Лондон, поговорить с Копулдейком и Локвудом и поспешно подготовиться к путешествию в Норфолк, которое займет дня три-четыре. Конечно, до крайности неудобно возвращаться в Лондон, в то время как Хатфилд находится на пути в Норфолк. Ну да ничего не попишешь.

– Я буду на месте примерно через неделю, – сообщил я. – До начала выездной сессии суда останется всего несколько дней, так что времени на расследование у нас совсем немного.

– Ну, что успеете сделать, то и успеете, – уклончиво заметил Пэрри.

«Не исключено, что он намеренно тянул время, не сразу сообщив леди Елизавете об убийстве Эдит Болейн, – пронеслось у меня в голове. – Чем короче будет расследование, тем меньше вероятность, что в ходе его всплывут факты, чреватые серьезными неприятностями».

– Мастер Пэрри, вы разрешите мне снять копии со всех этих документов? – спросил я. – Мне бы не хотелось обращаться за ними в городской суд Нориджа.

– Да, конечно, ваш помощник может заняться копиями, пока вы будете у леди Елизаветы. Она ждет вас прямо сейчас. Миссис Бланш проводит вас к ней.

Пэрри взял со стола колокольчик и позвонил. Вошел слуга, которому он приказал позвать миссис Бланш.

– Там, в коридоре, есть скамья, присядьте и подождите миссис Бланш, – обратился он ко мне. – Мастера Овертона она проводит в комнату, где тот сможет снять с документов копии.

Пэрри встал и пожал мне руку. Взгляд его был серьезен, как никогда.

– Не забывайте, Мэтью, хотя леди Елизавета прошла суровую школу, научившую ее выдержке и осмотрительности, она еще очень молода и порой забывает о своих собственных интересах. Занимаясь этим делом, не проявляйте излишнего пыла. Поговорите со свидетелями, вызовите их на откровенность, как вы это умеете. Посетите заседание выездной сессии. Сообщайте мне обо всем, что вам удастся узнать. Но повторяю: особо не усердствуйте.

Глава 3

Скамья, на которую указал нам Пэрри, находилась у окна, откуда открывался вид на довольно затейливый и ухоженный висячий сад. Хотя уже началось лето, на клумбах все еще цвели нарциссы.

– Нарцисс – это ведь символ Уэльса, верно? – спросил Николас. – Наверное, они радуют сердце мастера Пэрри.

– В последнее время у него было столько неприятностей, что даже малая толика радости окажется нелишней, – ответил я, понизив голос так, чтобы не услышал никто из спящих по коридору слуг. – Сначала предательство Сеймура, потом это убийство.

– Честно говоря, я так толком и не понял, чего он хочет от нас, – признался Николас. – Мы должны проследить, чтобы правосудие свершилось должным образом?

– По-моему, мой патрон недвусмысленно намекнул, что нам не стоит слишком глубоко вникать в это дело. По крайней мере, мне так показалось.

– Значит, торжество справедливости нас волновать не должно?

– Конечно должно. Но мы с тобой прекрасно знаем: решения суда порой бывают непредсказуемы.

– Леди Елизавета наверняка хочет, чтобы мы сделали все, что в наших силах.

Я вперил в Николаса пристальный взгляд:

– Насколько я понимаю, мастер Пэрри тебе не особенно понравился?

– Он слишком скользкий. Как и всякий вельможа, который занимается большой политикой.

– Пэрри – верный и надежный человек, – возразил я. – Полагаю, подобные качества заслуживают уважения. Леди Елизавета, несмотря на свою юность, – его госпожа и повелительница. Он должен ей повиноваться и в то же время удерживать ее от опрометчивых шагов.

– А что будет, если в Норфолке мы выясним, что Джон Болейн ни в чем не виноват?

– Мы сообщим властям о фактах, подтверждающих его невиновность. Но к чему загадывать наперед? Пока дело известно нам лишь в самых общих чертах.

– Расследовать дело об убийстве куда занятнее, чем возиться с земельными тяжбами, правда? – ухмыльнулся Николас.

– Чистая правда, – кивнул я. – Вижу, мой юный друг, ты уже вошел во вкус.

– Честно говоря, я рад возможности на какое-то время уехать из Лондона, – признался Николас.

– В последнее время я тоже ощущал, что бумажная канитель в конторе мне порядком приелась, – признался я. – А сейчас нас ожидает нечто... интригующее. К тому же предстоящее расследование не угрожает нам ни малейшей опасностью. По крайней мере, мне хочется на это надеяться.

На несколько мгновений в душе моей ожили воспоминания обо всех тех ужасах, которые мне пришлось пережить, когда я оказался вовлеченным в противостояние самых могущественных людей в королевстве. Но это дело совсем другого уровня, тут же успокоил я себя; оно не предполагает участия столь грозных и могущественных сил. К тому же мне действительно необходимы перемены.

– Как я уже сказал мастеру Пэрри, времени у нас будет немного, – обратился я к Николасу. – До Нориджа путь неблизкий.

– По крайней мере сейчас в стране все более или менее спокойно.

– Насколько я помню, начиная с ближайшего воскресенья во всех церквях будут использовать новую «Книгу общих молитв». Многим прихожанам это придется не по душе.

– У вас ведь есть такая книга? – взглянул на меня Николас.

– Да, я приобрел ее еще в марте, когда она только что вышла из печати. – Помолчав несколько мгновений, я добавил: – Наконец-то у нас появились церковные песнопения и псалмы на английском языке. Должен сказать, перевод с латыни, сделанный Кранмером, выше всяких похвал.

– А во время новой службы священник и правда не будет говорить, что хлеб и вино силой Святого Духа претворяются в тело и кровь Христову?

– Нет, так далеко новая книга не заходит, – покачал я головой. – О таинстве евхаристии там говорится весьма расплывчато, и, я так понимаю, подобная неопределенность входила в намерения Кранмера. Полагаю, и сам епископ, и лорд-протектор Сомерсет действительно склоняются к тому, о чем ты говорил, но не осмеливаются проповедовать подобные взгляды публично – по крайней мере, пока. Поэтому они пошли на компромисс, который, как им кажется, удовлетворит всех.

– Те есть каждый человек может относиться к причастию так, как считает нужным?

– Именно. Но ревнителям религиозных традиций подобный подход, несомненно, не понравится. Они ратуют за возвращение прежней мессы, по латинскому обряду.

– Вы хотите сказать, вскоре снова могут вспыхнуть волнения, на сей раз на религиозной почве?

– В последние два года людям пришлось смириться с такими вещами, что раньше и представить себе было невозможно. Из церквей исчезли все иконы, статуи и витражи, часовни закрыты. Но «Книга общих молитв» на английском – это нововведение, которое многим может показаться чрезмерным.

Несколько мгновений мы оба молчали. В противоположность многим молодым людям, впадавшим в религиозных вопросах в крайности, Николас отличался весьма импонировавшими мне терпимостью и отсутствием предубеждений. Что касается меня самого, некогда пылкого приверженца Реформации, то в настоящее время я едва ли мог сказать, в чем состоят мои религиозные убеждения.

– А как вы думаете, Томас Сеймур действительно... э-э-э... строил брачные планы насчет леди Елизаветы? – сменил тему разговора Николас.

– Думаю, даже он не настолько глуп, чтобы питать на этот счет хоть какие-то надежды. Но тише, здесь не место для подобных разговоров.

До слуха моего долетело звяканье ключей, и мгновение спустя из-за угла появилась миссис Бланш со сложенными на животе руками. Указав Николасу комнату, где он мог заняться снятием копий, она приказала мне следовать за ней.

Леди Елизавета сидела за огромным письменным столом, на котором были разложены книги и бумаги. В отличие от своего брата-короля и от старшей сестры Марии, в настоящее время наследницы престола, Елизавета не имела права восседать под балдахином, украшенным государственными гербами. На ней было черное платье, на голове французский чепец, из-под которого падали на плечи длинные темно-рыжие волосы, распущенные, как это и полагалось девице.

«Любопытно, – подумал я, – неужели она все еще носит траур по Екатерине Парр? Или же эта юная девушка одевается в черное в знак своей приверженности к протестантским идеям скромности и умеренности, которыми проникнута вся обстановка Хатфилда?»

Удлиненный овал лица леди Елизавета унаследовала от матери, а маленький рот и нос с горбинкой – от отца; все это делало ее внешность выразительной и запоминающейся, хотя она и не была красавицей в полном смысле этого слова. Квадратный вырез платья позволял увидеть высокую грудь почти взрослой девушки, но при этом леди Елизавета была худенькая и бледная, а под карими ее глазами лежали темные круги. Когда я вошел, она внимательно читала какой-то документ, длинные ее пальцы нервно вертели гусиное перо.

– Сержант Шардлейк, миледи, – провозгласила Бланш, и я согнулся в глубоком поклоне. Бланш, вставшая у стола Елизаветы, не спускала с меня глаз; можно было не сомневаться: каждое слово нашей беседы будет передано Пэрри.

Несколько мгновений леди Елизавета изучающе смотрела на меня.

– Сержант Шардлейк, с тех пор как мы виделись в последний раз, прошло немало времени, – произнесла она своим чистым голосом, и на лицо ее набежала тень. – При нашей последней встрече вы выразили мне соболезнования по поводу кончины вдовствующей королевы.

– Да. То был печальный день.

– Весьма печальный. – Леди Елизавета отложила перо и негромко сказала: – Я знаю, вы верой и правдой служили этой благородной даме. Я тоже любила ее. Искренне любила, что бы там ни говорили по этому поводу. – Она испустила вздох. – Если мне не изменяет память, первая наша встреча состоялась четыре года назад? Вы тогда посетили вдовствующую королеву, которая попросила вас обсудить со мной один вопрос.

– Совершенно верно, миледи.

– Помню, я спросила у вас, каждый ли человек заслуживает, чтобы с ним поступали по справедливости, – с улыбкой изрекла леди Елизавета. – И вы ответили, что абсолютно каждый, даже самый худший из людей.

– У вас превосходная память, миледи.

Елизавета милостиво кивнула, давая понять, что слова мои ей приятны. Она и прежде любила выказывать свой ум и память. И осведомилась:

– Успешно ли продвигается приобретение земель на те деньги, что оставил мне покойный отец?

– Теперь, когда ваша сестра выбрала земли, которыми желает владеть, дело пошло значительно быстрее.

– О да, Мария всегда отстаивала свое первенство. Посмотрим, как ей понравится новая «Книга общих молитв». Теперь ей придется прогнать прочь всех своих капелланов-папистов. – Елизавета не без злорадства улыбнулась, а потом сделала жест рукой, словно бы отметая эту тему прочь, и вновь опустилась на стул. – Сержант Шардлейк, я знаю, вы всегда были поборником правосудия и справедливости. Я знаю также, что вы умеете вытаскивать наружу тайны, которые скрываются в укромных углах. Позволю себе предположить, это занятие кажется вам куда более увлекательным, чем составление документов о праве собственности на землю.

– По мере того как я становлюсь старше, миледи, мне все больше нравится спокойная работа с бумагами. По крайней мере, я готов посвятить ей большую часть времени, – вставил я.

– Я хочу, чтобы справедливость восторжествовала в отношении одного из моих родственников и его несчастной погибшей жены. Надеюсь, вы поможете правосудию свершиться, – произнесла леди Елизавета. – Мастер Пэрри расскажет вам об ужасающих подробностях этого преступления.

– Он уже сделал это. Миледи, насколько я понял, вы хотите, чтобы, отправившись в Норфолк, – я говорил медленно, тщательно подбирая слова, – я ознакомился бы там со всеми обстоятельствами дела и удостоверился, что мастер Болейн не стал жертвой судебной ошибки?

– Да, именно так. Мастеру Пэрри и Бланш не следовало прогонять прочь эту бедную женщину. – Дочь Генриха бросила укоряющий взгляд на Бланш, и я с удивлением увидел, как эта надменная дама залилась краской. Голос Елизаветы несколько смягчился. – О, конечно, я знаю, они стремились оградить меня от возможных неприятностей. Эти двое постоянно боятся нового скандала и того, что я стану мишенью для клеветы и сплетен. Так или иначе, я хочу, чтобы вы расследовали это дело самым тщательным образом. В разговоре с вами Пэрри наверняка упомянул о своем помощнике барристере Копулдейке.

– Насколько я понял, в Норфолке сей джентльмен является глазами и ушами мастера Пэрри.

– Он предложил мне поручить расследование Копулдейку. Но скажу откровенно, я не слишком высокого мнения об этом адвокате. Надутый дурак, и ничего больше. Не сомневаюсь, вы гораздо лучше справитесь с весьма деликатным поручением.

– Постараюсь оправдать столь лестное для меня доверие, миледи.

– Мастер Пэрри предупредил вас, что вы должны отправиться в Норфолк безотлагательно?

– О да, предупредил.

– Полагаю, он будет рад, если вы не сумеете узнать ничего нового. – В голосе леди Елизаветы слышались жесткие нотки. – Но помните, сержант Шардлейк, если вы обнаружите обстоятельства и факты, способные повлиять на исход этого дела, вы обязаны сообщить их суду в Норидже. И разумеется, поставить в известность меня. – Елизавета вновь перевела взгляд на миссис Бланш. – Я сообщу мастеру Пэрри, что намерена лично просматривать все ваши донесения.

– Миледи, я сделаю все, что в моих силах, – заверил я собеседницу и, поколебавшись мгновение, добавил: – Однако нельзя исключать вероятность того, что мастер Болейн действительно виновен.

– В любом случае: пусть свершится правосудие, – отчеканила Елизавета. – Если вина этого человека будет доказана, он понесет заслуженную кару. Но если вдруг мастер Болейн будет признан виновным, а вы обнаружите факты, свидетельствующие о том, что это отвратительное преступление совершил не он, то я подам королю, моему брату, просьбу о помиловании. Прежде чем вы покинете Хатфилд, я дам вам прощение, скрепленное моей печатью. В случае необходимости вы вручите его суду. – Метнув строгий взгляд на Бланш, она продолжила: – Насколько мне известно, мастер Пэрри хочет, чтобы вас сопровождал помощник барристера Копулдейка. Я слышала, что при всей своей неотесанности человек этот не лишен деловой сметки. К тому же с вами будет ваш собственный помощник, тот долговязый малый, который сопровождал вас сюда. Я видела из окна, как вы приехали, и мне показалось, что этот молодой человек заслуживает доверия.

– Я всецело доверяю мастеру Овертону, – кивнул я.

А про себя отметил: «Удивительно, как члены разрозненной королевской семьи поднаторели в искусстве наблюдать из окон и делать выводы на основании одной лишь наружности».

– Превосходно. – Елизавета на секунду опустила веки, и я понял, что эта юная девушка изнурена и измучена донельзя. – Мастер Пэрри снабдит вас копиями всех документов, имеющих касательство к этому делу, – добавила она.

– В настоящий момент мастер Овертон как раз занят снятием копий. Не сомневайтесь, миледи, я сделаю все возможное, чтобы справедливость восторжествовала и на этот раз.

Леди Елизавета кивнула. Несколько мгновений она сидела, погрузившись в задумчивость, а потом произнесла с грустной улыбкой:

– Вы ведь никогда не были женаты, сержант Шардлейк?

– Нет, миледи.

– А почему? – спросила она, и в голосе ее прозвучал неподдельный интерес.

– Видите ли, у меня... имеется некоторый физический изъян, который изрядно понижает мои шансы на брачном рынке, – в замешательстве пробормотал я.

– О, какие глупости! – возразила она, махнув рукой. – Я знаю нескольких горбунов, которые выглядят намного хуже вас, но при этом счастливо женаты.

У меня перехватило дыхание. Прежде никто не осмеливался затрагивать этот вопрос со столь бесцеремонной прямоотой. Миссис Бланш предостерегающе кашлянула, однако Елизавета даже бровью не повела. Взгляд ее карих глаз встретился с моим.

– Возможно, в сердечных делах у меня чрезмерно высокие амбиции, – ответил я с натужным смехом. – Несколько раз я проникался нежными чувствами к женщинам, чье положение было значительно выше моего.

Сказав это, я незамедлительно пожалел о своих словах, ибо одной из этих женщин являлась Екатерина Парр. Понять, догадалась ли об этом Елизавета, не представлялось возможным, ибо лицо ее оставалось непроницаемым.

– Ныне, когда я состарился и голову мою убелили седины, мне уже поздно думать о браке, – смиренно добавил я.

Вопреки моим ожиданиям леди Елизавета не попыталась уверить меня в обратном; она кивнула, и выражение ее лица стало жестким и суровым.

– Для себя я твердо решила, что никогда не выйду замуж, – произнесла она.

– Миледи... – начала было Бланш.

Но Елизавета повелительным жестом заставила ее замолчать:

– Я говорю об этом во всеуслышание, дабы мое намерение ни для кого не осталось тайной.

– Однако, миледи, со временем ваше мнение на сей счет может измениться... – осторожно вставил я.

– Оно останется неизменным, – отчеканила Елизавета; лицо ее по-прежнему казалось невозмутимым, но в голосе звучала решительность. – Я хочу, чтобы мое желание избежать брачных уз стало известно всем. Таким образом, будет положен конец заговорам, цель которых – поставить меня перед алтарем с мужчиной, для которого этот брак является лишь ходом в политической игре. – Взгляд Елизаветы по-прежнему был устремлен на меня. – Я знаю, какое значение может иметь брачный союз с женщиной, принадлежащей к королевской семье. Я видела, какая участь постигла Екатерину Парр. Наблюдала, как паписты пытались очернить ее в глазах моего отца и преуспели в своих намерениях. Впрочем, вы осведомлены об этом не хуже меня. А потом еще этот брак с Томасом Сеймуром! – К бледным щекам леди Елизаветы прилила кровь. – Он женился на ней ради своих политических выгод, не питал к ней должного уважения, и она прокляла его на смертном одре.

– Миледи! – Голос миссис Бланш звучал тревожно и требовательно, но Елизавета даже не удостоила ее взглядом.

– Сначала любовь, потом замужество, затем предательство и, наконец, смерть. Вот что случилось с Екатериной Парр, – изрекла она и добавила едва слышно: – Равно как и с ее предшественницей.

Поняв, что она говорит о своей матери, я опустил глаза. Леди Елизавете не следовало вести со мной подобные беседы. Словно бы прочтя мои мысли, она сказала с печальной улыбкой:

– Я знаю, что могу всецело доверять вам, сержант Шардлейк. С нашей первой встречи я поняла, что вы человек надежный, а мне пришлось убедиться на собственном горьком опыте, как редко встречается в людях это качество. Я не сомневаюсь, что вы и на этот раз не обманете моего доверия и вновь сделаете все, чтобы справедливость восторжествовала. Убийца этой несчастной женщины, которая напрасно надеялась на мою помощь, должен получить по заслугам. Кем бы он ни оказался.

Глава 4

Пока Николас занимался снятием копий, мне разрешили прогуляться по дворцовому саду. Небо сегодня было безоблачно-голубым, и, шагая по тропинке между деревьями, я пове-рил, что лето наконец-то вступило в свои права. В небольшой рощице я увидел лань, щипав-шую листву с ветвей. Рядом стояли двое ее крошечных детенышей, неуверенно переступавшие на шатких ножках. Я замер и не двигался до тех пор, пока семейство не скрылось в зарослях. Вспомнив о предстоящем мне утомительном путешествии в Лондон, я невольно вздохнул.

Мы двинулись в путь вскоре после полудня; ночевать нам предстояло на постоялом дворе в Ветстоуне, где для нас были заказаны комнаты. Фоуберри, которому мастер Пэрри поручил проводить нас, вывел из конюшни лошадей. Выехав на дорогу, я обернулся и бросил взгляд на залитые солнцем окна дворца. Возможно, у одного из этих окон стоит и смотрит нам вслед леди Елизавета, пронеслось в голове.

Проехав несколько миль, я ощутил, что спина и ноги у меня начали ныть. То ли еще будет во время поездки в Норфолк, подумал я; в течение последних лет мне не доводилось совершать столь длительного путешествия. Можно не сомневаться, чувствовать я себя буду отнюдь не лучшим образом. Оставалось пожалеть, что в последнее время я пренебрегал физи-ческими упражнениями, которым меня научил Гай. Как бы мне хотелось, вернувшись в Лон-дон, узнать, что моему другу стало лучше. Хотя мне предстояло множество хлопот, я пообещал себе непременно найти время, чтобы навестить его.

Дорога на Лондон ныне была еще менее оживленной, чем когда мы ехали в сторону Хат-филда. Нам не попалось ни одного всадника, да и вообще не встретилось ни единого человека до тех пор, пока Николас, подъехав ко мне вплотную, не произнес тихонько:

– Посмотрите-ка, кто это там?

И действительно, впереди на дороге расположилась небольшая группа, человек десять, одетых в лохмотья. Среди них я разглядел всего одну женщину с двумя детьми, в большин-стве же своем то были мужчины; один, в потрепанном солдатском мундире с белым крестом на спине, привлек мое особое внимание. Некоторые путники опирались на палки; никакого другого оружия у них не имелось, за исключением ножей, висевших на поясе.

– Может, это они прошлой ночью зажгли костер в полях и констебль прогнал их прочь? – предположил Николас.

– Не исключено, – кивнул я. – Сейчас на дорогах полно бродяг. Так или иначе, эти люди вряд ли представляют для нас опасность.

– Все равно давайте-ка побыстрее их объедем. И вообще, почему они расселись посреди дороги? Так не положено.

– Наверное, они хотят немного отдохнуть, а по обеим сторонам тут изгороди, – объяснил я, но Николас, не дослушав, прищпорил лошадь и устремился вперед.

– Прочь с дороги! – крикнул он.

Мне оставалось лишь следовать за ним. Проезжая мимо бродяг, я успел разглядеть угрю-мые лица, покрасневшие и огрубевшие от жизни на открытом воздухе, всклооченные бороды, нечесанные волосы. Вскоре маленькая группа осталась позади.

Постоялый двор в Ветстоуне, подобно тому, где мы ночевали в Хатфилде, давал приют путникам, путешествующим по Большой Северной дороге. Нас разместили со всеми возмож-ными удобствами. Поужинали мы в общем зале, вместе с другими постояльцами. В отличие от Хатфилда, здесь никто не знал ни наших имен, ни рода занятий. Мы устроились за столом у окна, длинные июньские вечера позволяли обходиться без свечей. Прежде чем отправиться ужинать, я провел около часа за чтением документов, которые Николас переписал своим чет-

ким секретарским почерком. За едой мы, приглушив голоса, обсуждали содержащиеся там сведения, и при этом оба тщательно следили за тем, чтобы не упоминать о визите Эдит Болейн в Хатфилд.

Бумаг, оказавшихся в нашем распоряжении, было не так много. Вынесенный коронером вердикт об убийстве, случившемся пятнадцатого мая. Предъявленное Джону Болейну обвинение в убийстве его супруги Эдит. Протокол допроса, во время которого Джон заявил о своей невинности. Отчет coronera и, наконец, самый ужасный для Джона документ – отчет о проведенном в его усадьбе обыске, в ходе которого в конюшне были обнаружены облепленные грязью ботинки и перепачканный кровью молоток с прилипшими к нему волосами. Имелись также показания пастуха, нашедшего тело, и показания новой жены Болейна, заявившей, что в тот вечер супруг ее находился дома. Однако женщина не могла поклясться в том, что он никуда не отлучался, ибо практически не видела его. Более двух часов Болейн провел в своем кабинете, сообщив предварительно, что хочет просмотреть земельные акты и прочие официальные документы и просит его не беспокоить. Тяжба с соседом Вайтерингтоном чрезвычайно тревожила его.

– Любопытное совпадение, – заметил я. – Предметом спора являются границы земельных владений. А труп был обнаружен в ручье, представляющем собой естественную границу между поместьями. Возможно, тот, кто принес туда убитую, хотел привлечь внимание не только к Болейну, но и к тяжде. Но кому это могло понадобиться? – Я задумчиво покачал головой. – Разгадка дела кроется именно в этом обстоятельстве: тело было оставлено в ручье, причем в весьма непристойной позе. Отчасти это снимает подозрения с Болейна – будь он убийцей, наверняка дал бы себе труд закопать жену. По всей вероятности, тот, кто поступил с трупом подобным образом, хотел максимально унижить убитую женщину. Другого объяснения я не нахожу.

– У новой супруги Болейна имелись веские причины ненавидеть прежнюю, – вставил Николас.

– Кстати, она более не считается его женой. Поскольку выяснилось, что все это время Эдит была жива, то и постановление о признании ее умершей недействительно. Следовательно, недействителен и новый брак Болейна. Позволю себе предположить: если бы убийство было делом рук этой дамы, она тоже постаралась бы спрятать тело как можно надежнее.

– Почему-то здесь отсутствуют показания сыновей Болейна и Эдит, – заметил Николас после минутного раздумья. – Насколько я помню, это близнецы лет восемнадцати?

– Да. Возможно, их не было дома. Вряд ли они могли сообщить нечто достойное внимания. Мать бросила их – по причинам, которые пока остаются неясными, – когда они были совсем маленькими. Много лет спустя ее тело было найдено в неподобающем виде. Любопытно, в каких отношениях эти юнцы находятся со своей мачехой? – Я откинулся на спинку стула. – Надеюсь, завтра, встретившись с адвокатом Копулдейком, мы узнаем значительно больше.

– Когда вы намерены отправиться в Норфолк?

– Думаю, в понедельник. Не волнуйся, наша договоренность насчет обеда в субботу по-прежнему в силе, и ты сможешь увидеться с несравненной мисс Кензи, – добавил я с улыбкой. – Но затем тебя ожидает приблизительно двухнедельная разлука с этой очаровательной особой. Все наши прочие дела остаются в ведении Скелли. Честно говоря, предстоящая поездка не внушает мне особого энтузиазма, – вздохнул я. – Длительные переезды верхом стали для меня утомительны. К тому же придется нанять другую лошадь. Бедняга Бытие стал слишком стар. Как, впрочем, и его хозяин. Для такого путешествия нужен молодой выносливый конь. Твой-то мерин вполне сгодится.

– Да, Ланцелот – настоящий зверь, – с довольным видом кивнул Николас.

Два месяца назад он приобрел крепкого молодого мерина, потратив, как я подозревал, на эту покупку все свои сбережения. Мгновение поколебавшись, Николас пристально посмотрел на меня и спросил:

– Сэр, вас тревожит только необходимость совершить долгий переезд верхом?

– Не вижу других причин для беспокойства. Более того, я рад возможности сменить обстановку. Мне необходимо время от времени давать своим мозгам серьезную работу, иначе они начинают ржаветь. – Пальцы мои непроизвольно сжались в кулак. – Так что, несмотря на жуткие подробности преступления, я уже предвкушаю расследование.

– Возможно, нам предстоит иметь дело с убийцей.

– Ну да, для начала побеседуем с Джоном Болейном, – кивнул я.

– А если убийца не он?

– Тогда мы постараемся открыть правду, и тебе надлежит внимательно следить, чтобы какой-нибудь злоумышленник не огрел меня молотком по голове, – усмехнулся я. Взглянув на Овертона, я добавил более серьезным тоном: – Если, конечно, ты не боишься впутываться в подобную передрагу.

– Вы же знаете, я не робкого десятка. К тому же большая политика тут ни при чем. Значит, нам не придется сталкиваться с государственными мужами, способными прихлопнуть человека как муху.

– Поверь, я искренне сожалею, что по моей милости тебе довелось познакомиться с подобными людьми слишком близко. Однако на сей раз влезать в политические игры у нас нет необходимости, хотя мы и действуем в интересах леди Елизаветы. Надо сказать, в настоящий момент она не играет особенно важной роли на политической сцене.

– Не следует забывать, что земельные тяжбы порой тоже приводят к самым жестоким последствиям, – заметил Николас.

– Это точно. Нам, законникам, земельные тяжбы дают возможность заработать на хлеб с маслом. Но далеко не все землевладельцы стремятся разрешить свои споры законным путем. По словам Пэрри, Болейн и его сосед отнюдь не стремились договориться мирно.

Николас взял с тарелки кусок хлеба и принялся вертеть его в своих длинных пальцах. На лице юноши застыло задумчивое и печальное выражение.

– Мой отец... – начал он и тут же осекся.

– Так что же?

– Пять лет назад у него тоже возник спор с соседом. Как и отец, тот обладал правом пасти овец на общинных землях. Так вот, мой батюшка – а надо сказать, что зачинщиком был именно он, – начал его теснить. Овец-то много, лугов на всех не хватает. Тогда сосед обратился в суд. Но мой папаша дал судье на лапу, и тот подтвердил, что пастбище огорожено на законных основаниях.

– Сосед мог обратиться в высшие инстанции и оспорить это решение...

– Сами знаете, на это ушло бы пропасть времени. А овцы не могут ждать, им надо пастись каждый день. Тогда сосед вместе с бедными арендаторами, которых отец тоже потеснил, прогнали наше стадо прочь. Сказали, если мы вновь сунемся туда со своими овцами, они переколотят их дубинками. Папаша хотел было нанять нескольких головорезов, чтобы разобраться с ними, но тут вмешался местный мировой судья. Он возбудил дело против отца и заявил, что не допустит подобных стычек в своем округе. – Меж бровей Николаса залегли глубокие складки. – Отец сразу сбавил обороты. Он бывает очень жесток, но ссориться с мировым судьей в его планы никак не входило. – Ник невесело усмехнулся и стряхнул с пальцев прилипшие хлебные крошки.

Мне впервые пришло в голову, что моему молодому другу выпала нелегкая участь – быть единственным сыном жестокосердного человека, думающего только о своей выгоде.

– Папаша, как вы понимаете, был в ярости, – продолжал Овертон. – Без конца твердил, что его вынудили уступить жалкому деревенскому сброду, а это унижительно для его чести.

– Ну, положим, честь тут ни при чем, – вставил я.

– Вот именно. Честь – это благородное поведение, достойные отношения между джентльменами и признание разумных порядков, существующих в обществе. Но в одном отец прав: нашему соседу не следовало опускаться до того, чтобы якшаться с простолюдинами и привлекать их на свою сторону.

– Из твоего рассказа я понял, что бедные арендаторы защищали не столько соседа-помещика, сколько свои собственные интересы, которые тоже были ущемлены, – заметил я.

– Да, у этих людей есть определенные права, но они должны знать свое место, – опустив голову, проронил Николас. – Впрочем, все эти стычки уже в прошлом.

– Полагаю, в Норфолке нам вновь придется с головой окунуться в земельные споры.

– Но по крайней мере, я буду смотреть на них исключительно с точки зрения закона. – И Николас разразился смехом, слишком горьким для столь молодого человека. Сполоснув руки в чаше с водой, стоявшей на столе, он вытер их салфеткой и заключил: – Думаю, мне лучше отправиться спать. Завтра нас ожидает трудный день.

Когда я вышел из трактира на воздух, показавшийся мне удивительно прозрачным и свежим, было еще светло. Деревня Ветстоун состояла всего из нескольких домов, разбросанных вдоль дороги, да еще старой церкви. Двери церкви были открыты, и я отправился туда, отворил калитку, ведущую на церковное кладбище, и прошел между могилами.

Войдя в церковь, я увидел какого-то человека, белившего одну из стен; фигуры ангелов в ярких одеяниях исчезали под слоем извести. Все прочие стены были уже побелены. Согласно предписанию архиепископа Кранмера, витражи, прежде украшавшие окна, были заменены простыми стеклами. Иконостас исчез, алтарь стоял открытым. На одной из стен готическим шрифтом были выведены Десять заповедей; статуи и картины уступили место Слову Божию, хотя прихожане в большинстве своем наверняка были неграмотными.

Усевшись в одно из кресел, предназначенных для пожилых прихожан, я принялся наблюдать за работой маляра. Мне вспомнилось, с каким пылом я в молодые годы выступал против мертвящей обрядности и чрезмерной пышности католической церкви. Но я помнил также, как в детстве, проведенном в деревне, в серые и унылые зимние месяцы я по воскресеньям входил в церковь и сердце мое замирало от радости при виде окружавшей меня красоты. Яркие, красочные настенные росписи, запах ладана, благозвучное пение – настоящее пиршество для всех органов чувств. Даже непонятные латинские тексты внушали мне благоговейный трепет. Что ж, став взрослым, я сам утверждал, что вся эта мишура лишь отдаляет от истинной веры. Я получил, что хотел, и ныне церковь кажется мне холодной, безрадостной и унылой.

Маляр закончил свою работу и принялся мыть кисти в ведре с водой. Увидев меня, он подпрыгнул от неожиданности, сдернул с головы шапку и низко поклонился. Как видно, моя черная мантия внушила ему уважение.

– Простите, сэр, я вас не заметил, – пробормотал он, приближаясь.

На вид ему было лет пятьдесят, лицо изборождено морщинами и запачкано краской.

– Вы работаете допоздна, приятель, – заметил я с улыбкой.

– Да, – кивнул он. – И завтра придется начинать ни свет ни заря. Наш новый викарий хочет, чтобы к воскресенью все было готово. В воскресенье он первый раз будет служить по новой книге.

– Вы проделали большую работу.

– Надо признать, мне за нее неплохо платят, хотя... – Маляр осекся и устремил на меня взгляд светло-голубых глаз. Первое смущение прошло, и теперь он не испытывал ни малейшей

неловкости, разговаривая с джентльменом. – В некотором смысле мне платят моими собственными деньгами. Точнее, деньгами моих предков.

– Это как же?

– Видите ли, за эту работу платят из церковного фонда. Ну то есть из тех денег, которые мы получили, продав старинное серебро – после того, как нам строго-настрого приказали убрать его из церкви прочь. Был здесь один серебряный подсвечник, резной, ужас до чего красивый. Когда-то его подарил церкви мой прадед, с тем условием, чтобы в подсвечнике вечно горела свеча за упокой его души. – Работник окинул взглядом пустые ниши, а потом, словно спохватившись, понурил голову и пробормотал: – Я знаю, мы должны выполнять приказы короля Эдуарда столь же неукоснительно, как и приказы покойного короля Генриха. Простите, если мои слова показались вам дерзкими.

– Перемены зачастую даются нам нелегко, – вполголоса произнес я.

– У вас какое-то дело к нашему викарию, сэр?

Мой собеседник явно был обеспокоен тем, что пустился в излишнюю откровенность.

– Нет, я всего лишь путешественник, которому захотелось осмотреть церковь.

Во взгляде маляра вспыхнуло откровенное облегчение.

– Простите, сэр, но я должен запереть ее на ночь.

Я послушно вышел наружу. Шум, произведенный закрываемой дверью, отдался внутри гулким эхом.

Возвращаться на постоянный двор у меня не было ни малейшего желания; увидев на церковном дворе деревянную скамью, я опустился на нее, чтобы полюбоваться закатом. Наверняка старый король Генрих не одобрил бы того, что творится сейчас, размышлял я. Но вся власть в государстве ныне принадлежит герцогу Сомерсету и архиепископу Кранмеру, а они увлекают Англию по пути континентальных религиозных радикалов, подобных Цвингли и Кальвину. Хотя, разумеется, у нынешних реформ было немало сторонников, особенно в Лондоне, где в некоторых церквях алтарь был заменен простым столом. К тому же в течение последних шестнадцати лет все религиозные реформы проводились по решению властей, и одобрение народа никого не волновало. Мне вспомнилась тревога, вспыхнувшая в глазах маляра после того, как он рассказал мне про подсвечник. Мой бывший помощник Джек Барак, неисправимый циник, с равным пренебрежением относился и к церковным консерваторам, и к радикалам. «Катились бы они все к дьяволу», – заявил он, когда пару недель назад мы встретились, чтобы пропустить по стаканчику; для этого мы выбрали таверну поблизости от Тауэра, где нам вряд ли встретились бы знакомые его жены Тамазин.

Вспомнив о ней, я сокрушенно покачал головой. Я был свидетелем того, как Тамми познакомилась со своим будущим мужем, а потом в течение нескольких лет мы оставались добрыми друзьями. Когда молодые супруги потеряли первенца, я скорбел вместе с ними; когда у них родился второй ребенок, разделял их радость. Но вот уже три года, как Тамазин стала моим непримиримым врагом. На память мне пришла та жуткая ночь, когда она узнала, что ее муж получил тяжкое увечье и жизнь его висит на волоске; разумеется, она обвиняла во всем меня, ведь это я за спиной жены вовлек Барака в чрезвычайно опасную авантюру. Вспомнив, как Тамми, потрясая кулаками, с искаженным от ярости лицом, кричала: «Убирайтесь прочь и больше никогда к нам не приходите!» – я невольно затряс головой, отгоняя кошмарную картину. Конечно, отчасти я признавал свою вину, хотя Барак решительно утверждал, что, будучи взрослым мужчиной, сам несет ответственность за собственные поступки.

После того как Джек, лишившийся правой руки выше локтя, полностью поправился, Гай смастерил ему протез, крепившийся к предплечью на ремешках. Протез заканчивался металлической пластинкой, к которой был приделан короткий нож. Благодаря этому протезу Барак смог переносить кое-какие вещи под мышкой; приспособившись, он стал даже ездить верхом.

Нож он использовал за столом, а также для того, чтобы управляться с ящиками и задвижками; разумеется, на опасных лондонских улицах нож этот тоже отнюдь не был лишним. Выглядела искусственная рука до крайности неуклюже, но Барак, орудуя ею, проявлял редкостную сноровку. Более того, к моему великому удивлению, он выучился писать левой рукой. Почерк у него был не слишком красивый, но чрезвычайно разборчивый.

Так как Тамазин запретила мужу иметь дело со мной, Бараку пришлось общаться с солиситорами – как уважаемыми, так и не очень, – которые подыскивали дела для барристеров, состоявших в юридической корпорации. С работой у него проблем не было, ибо, будучи моим помощником, он завоевал себе прекрасную репутацию. Ныне он сотрудничал с несколькими солиситорами, собирал улики, находил свидетелей и снимал показания, действуя, вне всякого сомнения, безотказным методом угроз и подкупов. Кроме того, Бараку удалось получить место младшего помощника судьи, и ныне он дважды в год участвовал в выездных сессиях, во время которых рассматривались гражданские и уголовные дела; в задачу подобных сессий входило также удостовериться, что магистраты неукоснительно выполняют распоряжения лорда-протектора. Обязанности Барака, помимо возни с бумагами, заключались в том, чтобы должным образом настроить присяжных и вытянуть показания из несговорчивых свидетелей. Нередко ему приходилось шататься по тавернам и прислушиваться к разговорам местных завсегдатаев, дабы узнать, какие настроения царят в том или ином городе. Барак участвовал в двух последних сессиях, которые проходили в Лондоне и в ближайших к нему графствах, а также в Норфолкской выездной сессии, проделав путь от Бакингемшира до Восточной Англии. Каждая сессия продолжалась около месяца; несмотря на то что подобная работа хорошо оплачивалась, Джек отказался участвовать в сессиях, проходящих в удаленных частях страны, так как Тамазин было отнюдь не по душе, когда супруг ее разлучался с семьей на долгое время. Предполагаю также, что вследствие увечья длительные путешествия верхом были для него слишком утомительны. Мой друг никогда не жаловался, однако, встречаясь с ним, я замечал, как он порой морщится от боли.

Помню, во время одной из наших недавних встреч Барак сказал, что работа на выездных судебных сессиях перестала ему нравиться. По его словам, местные жители испытывают страх перед облаченными в кроваво-красные мантии судьями, которые прибывают в город со всей возможной торжественностью и помпезностью.

– Уголовные процессы проходят самым неподобающим образом, – сетовал он. – Судьи ведут дело так, что у присяжных нет возможности усомниться в виновности подсудимого. С каждым разом мы отправляем на виселицу все больше и больше людей. Причина – распоряжение, что получено сверху.

– От кого? – уточнил я. – От канцлера Рича?

– Полагаю, от лорда-протектора и окружающих его оголтелых кальвинистов, желающих вырвать ростки греха с корнем.

– Когда лорд-протектор упразднил прежний Закон о государственной измене, он обещал, что впредь будет действовать более мягко и теперь настанут иные времена.

Барак сплюнул на стружки, покрывающие пол таверны.

– Как говорится, мягко стелет, да жестко спат! – усмехнулся он. – Епископ Гардинер в тюрьме, каждый, кто осмелился проповедовать, не имея на то особого распоряжения правительства, объявляется преступником. Странные у протектора представления о мягкости.

– А кто из судей будет участвовать в Норфолкской сессии этим летом?

– Рейнберд и Катчет.

– Остерегайся Рейнберда, – посоветовал я. – Он производит впечатление добродушного апатичного старикана, но на самом деле хитер и зорек, как кошка.

– Мне уже доводилось работать вместе с Катчетом, – сообщил Барак. – Он умен, но холоден и непроницаем, как камень. К тому же горячий сторонник Кальвина. Полагаю, городским палачам скучать не придется.

Солнце почти скрылось за линией горизонта; я встал со скамьи, морщась от боли в затекшей спине и ногах. Сумерки быстро сгущались, так что я едва различал тропинку.

«Если в Норфолке я увижусь с Бараком и об этом станет известно Тамазин, она, чего доброго, сочтет себя оскорбленной. Но если мы, старые друзья, в кои-то веки действительно встретимся в зале суда, то не можем же мы сделать вид, что незнакомы, – размышлял я, ощущая, как душу мою наполняет горечь. – И почему, собирая необходимые сведения, я не могу обратиться за помощью к Бараку? Никто не обладает лучшим нюхом на улики и факты, чем он».

Я невольно чертыхнулся, запнувшись о выступающий корень дуба. Внимательно глядя под ноги, я вышел из церковного двора на улицу и побрел назад, ориентируясь на освещенные окна трактира.

Глава 5

Хотя постоянный двор в Ветстоуне мы покинули ранним утром, добраться до Лондона нам удалось лишь после полудня, ибо примерно в двух милях от города дорогу преградила вереница огромных повозок, груженных новехонькими кирпичами; каждую повозку тащило восемь лошадей-тяжеловозов. На желто-красных ливреях возниц красовались гербы лорда-протектора; нам ничего не оставалось, кроме как черепашим шагом тащиться вслед за телегами, оставлявшими на дороге глубокие борозды.

– Экая пропасть кирпичей требуется для дворца протектора, – угрюмо заметил Николас.

– Да, похоже, для того чтобы построить Эдуарду Сеймуру новый дворец, придется продать половину Лондона, – подхватил я.

Став лордом-протектором, герцог Сомерсет принялся возводить для себя новый дворец на Стрэнде; для этого ему пришлось не только снести множество старых домов, но и уничтожить часть древнего склепа собора Святого Павла. Останки выдающихся жителей Лондона были погружены на телеги и вывезены в Финсбери-филд, где и выброшены вместе со всяким мусором.

– Я слышал, он заказал два миллиона кирпичей, чтобы перестроить обветшалый фамильный дворец в Уилтшире, – заметил Николас. – Его ведь называют Волчьим логовом, верно?

– Нет, Волчьим замком. И за все это заплачено из казны, ныне совершенно опустевшей.

У Болотных ворот нам пришлось остановиться, выжидая, пока проедут все повозки. Я заметил на стене листок, на котором было напечатано новое постановление, подписанное королем; из него следовало, что отныне городские ворота будут закрыты в темное время суток, а город станут патрулировать отряды ночной стражи.

– Судя по всему, ожидается, что воскресная церковная служба станет причиной очередных беспорядков, – предположил Николас. – Хотя жители Лондона в большинстве своем протестанты.

– Не все, – возразил я.

Этой весной атмосфера в городе была напряженной, памфлеты против папы римского и традиционной мессы по латинскому обряду появлялись один за другим. На представления пьес и интермедий был наложен запрет, после наступления темноты простолюдины и молодежь не должны были появляться на улицах. Волнения, вспыхнувшие в сельской местности в мае, и буйные выходки солдат, расквартированных в Лондоне в ожидании отправки на войну с Шотландией, добавили властям немало хлопот.

Наконец последняя повозка прошла через городские ворота; при этом она так резко накренилась, что едва не раздавила стражника, который, поблуднев, отскочил в сторону.

– Поехали, – скомандовал я.

Для того чтобы оказаться в моем доме на Канцлер-лейн, нам пришлось пересечь Чипсайд. Город, по обыкновению, был шумным и многолюдным; подмастерья в синих фартуках, ремесленники в кожаных и холщовых куртках, торговки в чепцах и передниках создавали густую толпу, сквозь которую с усилием проталкивались вооруженные джентльмены, за которыми следовали слуги. Сидя в седле, я скользил взглядом по окружающим меня лицам, исхудалым и встревоженным. Наступило самое тяжелое время года: прошлогодние запасы подходят к концу, до нового урожая еще далеко, а цены неумолимо растут. Нищие, закутанные в рваные одеяла, жались у дверей домов; больше всего их было вокруг Чипсайдского креста. Пытаясь поймать взгляды прохожих, они умоляли о сострадании.

– Думаю, тебе стоит заехать ко мне, умыться и переодеться, – сказал я Николасу. – А потом вместе отправимся к Копулдейку. Наверняка он сейчас в своей конторе в Лин-

кольнс-Инн, а это, слава богу, поблизости. После того как мы с ним побеседуем, можешь оправляться к себе домой.

Мы миновали собор Святого Павла, въехали в Ньюгейтские ворота и оказались на Канцлер-лейн. Дома я первым делом велел своему управляющему Джону Гудколу разобрать багаж, позаботиться о лошадях и принести нам воды для умывания. Сам же я незамедлительно отправился в спальню, где растянулся на кровати, чтобы дать отдых спине. Снизу до меня доносились знакомые звуки и топот шагов. Четыре года назад скончалась моя домоправительница Джоан; первого управляющего, которого я принял на ее место, мне пришлось уволить, ибо он непозволительно пренебрегал своими обязанностями; вскоре подобная участь постигла и второго. Два года назад на службу ко мне поступили Джон Гудкол, его жена и их двенадцатилетняя дочь; прежний их хозяин, адвокат, недавно умер. У него была большая семья, и, оказавшись в жилище холостяка, Гудколы смогли вздохнуть свободнее. За домом они следили добросовестно и, будучи слаженным семейным трио, понимали друг друга с полуслова, не допуская ни малейших промахов. Правда, в Линкольнс-Инн ходили слухи, что Гудколы являются приверженцами прежней религии, но я предпочитал закрывать на это глаза.

В дверь спальни постучали. Я вскочил и крикнул: «Войдите!» В дверях появился Джон Гудкол с тазом для умывания. Надо было привести себя в пристойный вид. К тому же я хотел попросить Джона нанять мне для предстоящего путешествия в Норфолк крепкую молодую лошадь.

Контора Эймерика Копулдейка находилась на углу Линкольнс-Инн-сквер. С большинством своих коллег-барристеров я был в той или иной степени знаком, но с Копулдейком, как и сообщил Пэрри, мне довелось встретиться лишь однажды. Так как дела требовали его постоянного присутствия в Норфолке, в Линкольнс-Инн этот человек бывал не часто. При виде нас с Николасом он не проявил особой радости, однако пригласил войти.

Копулдейку, приземистому тучному коротышке, несомненно, уже перевалило за пятьдесят; на лице его, украшенном крючковатым носом и пухлым двойным подбородком, застыло суетливое и недовольное выражение. Предложив нам сесть, он махнул в сторону стройного молодого человека в аккуратном сером дублете, сидевшего за столом у окна:

– Мой помощник Тоби Локвуд.

Локвуд встал, поклонился и вновь опустился на стул. Волосы у него были черные, густые и кудрявые; борода, обрамлявшая круглое плосконосое лицо, по части густоты не уступала шевелюре; голубые глаза светились умом. Я вспомнил, что, по мнению Пэрри, помощник отличается куда большей сметливостью, чем его патрон.

– Мастер Пэрри впутал нас в чрезвычайно неприятное дело, – произнес Копулдейк, откинувшись на спинку стула, и в голосе его послышалось откровенное раздражение. – У меня не было ни малейшего желания заниматься этим расследованием, но мастер Пэрри настаивал. Что ж, мы с вами прекрасно понимаем: в данном случае он выполняет волю своей госпожи. Но я рад иметь такого помощника, как вы, сержант Шардлейк, и особенно рад тому, что благодаря вам у меня самого есть возможность остаться в Лондоне. Ни одно из дел, которыми я занимаюсь, не будет рассматриваться на летней выездной сессии, – добавил он. – Поверьте, будучи жителем Норфолка, я прекрасно осведомлен, насколько там беспокойная обстановка. – Копулдейк прищурил глаза. – Вскоре по поручению лорда-протектора в Норфолке должно начаться расследование, связанное с противозаконными огораживаниями земель под пастбища. Несомненно, норфолкские крестьяне примутся с пылом отстаивать свои права, уповая на то, что закон одинаков для всех. Я предпочитаю держаться от подобных распрей подальше. Вы, конечно, дело иное. Насколько мне известно, вы работали в Палате прошений, а значит, у вас имеется изрядный опыт общения с простолюдинами, – не без скрытого сарказма добавил он.

Слова его задели меня за живое, однако Копулдейк явно не стоил того, чтобы затевать с ним спор. Пропустив его колкость мимо ушей, я произнес:

– Я дал согласие расследовать дело мастера Болейна, и, следовательно, мне предстоит отправиться в Восточную Англию. От вас, сэр, мне необходимо получить письменное подтверждение того, что я являюсь вашим доверенным лицом.

– Да, я уже подготовил это подтверждение! Тоби! – Копулдейк высокомерно кивнул своему помощнику, и бородатый молодой человек протянул мне документ.

– Благодарю вас. – Я пробежал бумагу глазами. – Насколько я могу судить, брат Копулдейк, все в полном порядке. Не хватает только вашей подписи.

– С превеликим удовольствием ее поставлю!

Хозяин кабинета взял документ и снабдил его подписью с затейливым росчерком. Возвращая мне бумагу, он не удержался от вздоха облегчения.

Я повернулся к Локвуду:

– Если я не ошибаюсь, вам предстоит поехать с нами?

– Да, сэр, – негромко произнес молодой человек.

Если Копулдейк говорил без малейшего акцента, то речь его помощника выдавала в нем уроженца севера.

– Мастер Пэрри сказал, что вы хорошо знаете Норфолк, – заметил я.

– О, Тоби знает Норфолк как свои пять пальцев! – воскликнул Копулдейк прежде, чем Локвуд успел ответить. – Провел там полжизни, выполняя мои поручения. У его отца есть небольшая ферма, но выделить наделы своим сыновьям он не в состоянии. Поэтому Тоби решил изучать закон, и я взял его под свое крыло, – снисходительно пояснил он и повернулся к Николасу. – А вы, молодой человек, тоже будете сопровождать своего патрона?

– Да, сэр.

– Судя по вашей короткой мантии, вы еще не успели стать членом коллегии адвокатов.

– Надеюсь стать им в самом скором времени, мастер Копулдейк, – ответил Овертон, и в голосе его послышалась легкая досада.

– Мы собираемся покинуть Лондон в понедельник, – сообщил я. – Мастер Пэрри ввел нас в курс дела, которое нам предстоит расследовать. Но вероятно, вы и мастер Локвуд сообщите нам какие-либо важные подробности. – Я повернулся к молодому человеку. – Насколько я понял, вы посещали Джона Болейна в тюрьме?

Локвуд бросил вопросительный взгляд на своего патрона, который едва заметно кивнул. И ответил:

– Да, на прошлой неделе я был у него в тюрьме, где его будут держать до суда. Не слишком приятное место, сэр, можете мне поверить. И мастер Болейн совсем скис. Случившееся так потрясло его, что у него, похоже, малость ум зашел за разум...

– Тоби! – рявкнул Копулдейк. – Сколько раз я предупреждал, чтобы вы не смели употреблять в этой конторе всякие норфолкские выражения и присказки!

– Простите, сэр, – пробормотал Локвуд. Несмотря на виноватый тон, во взгляде его сверкнула злоба. – В общем, я хотел сказать, что мастер Болейн очень расстроен. Трясется как осиновый лист. Без конца твердит, что ни в чем не виноват. И очень беспокоится за свою жену. Я сообщил ему, что гофмейстер леди Елизаветы заинтересовался этим делом и поручил законнику, поднаторевшему в расследовании убийств, разобраться, что к чему. Если вы позволите мне высказать свое мнение... – Он вновь посмотрел на Копулдейка, который пожал плечами и махнул рукой. – Так вот, сэр, я полагаю: человек, у которого хватило жестокости не только убить свою жену, но и надругаться над ее телом, вряд ли бы так разнюнился, оказавшись в тюрьме.

– Но может, это всего лишь ловкое притворство, – вставил Николас.

– Вряд ли, сэр.

– Вы были у него дома? – спросил я.

– Да, сэр, по его просьбе. Мастер Болейн живет в прекрасном старинном особняке. Правда, почти все слуги разбежались, узнав, что хозяин арестован. Я видел его вторую жену и двух сыновей от первого брака. Бедная миссис Болейн, на нее больно смотреть. По ее словам, соседи шарахаются от нее, как от зачумленной.

– Эту женщину теперь не стоит называть «миссис Болейн», – поправил Копулдейк. – Появление Эдит Болейн, хотя она и была вскорости убита, делает второй брак ее мужа незаконным. Как девичья фамилия той женщины?

– Хит, – ответил Локвуд. – Ее зовут Изабелла Хит.

– Прежде она была служанкой в таверне «Белый олень», которая находится в Норидже, – сообщил Копулдейк, сопроводив свои слова коротким лающим смехом. – Неудивительно, что у соседей глаза на лоб полезли, когда Болейн через год после исчезновения законной супруги поселил эту девицу в своем доме, а потом и вовсе не придумал ничего лучше, чем на ней жениться. Если называть вещи своими именами, она была самой настоящей шлюхой.

Локвуд, никак не отреагировав на это заявление, негромко продолжал:

– Как видно, многие соседи уверены, что Изабелла причастна к убийству Эдит Болейн. Как и у Джона Болейна, у нее имелся веский повод избавиться от ожившей покойницы. Но, как и у самого Болейна, у нее не было ни малейшей причины глумиться над телом.

– Судя по тому, что нам известно, убийство, похоже, совершил кто-то третий, – заметил Николас. – И этот третий ненавидел Эдит Болейн всеми фибрами души.

– Возможно, столь же сильно он ненавидит Джона Болейна и Изабеллу, – добавил я.

– Когда я сказал Изабелле, что вскоре из Лондона приедет адвокат и займется расследованием, она немного воспрянула духом, – пояснил Локвуд. – Хотя бедная женщина, конечно, не представляет, какая участь ее ожидает, если муж будет осужден. Возможно, год за годом на нее станут вешать всех собак – прошу прощения, я хотел сказать, ее будут преследовать сплетни и наговоры, – добавил Локвуд, и я различил в его голосе тщательно скрываемое раздражение. Метнув взгляд на Копулдейка, он продолжил: – Судя по тому, что мне удалось узнать, с мужем она жила в мире и согласии.

– А с близнецами вы тоже говорили? – осведомился я. – С сыновьями Эдит?

– Парочка мерзких испорченных сопляков! – вмешался Копулдейк, сердито сверкнув глазами. – Росли они как сорная трава под забором, потому что ни один учитель не мог справиться с этими молодчиками! Как-то раз, когда я проезжал мимо их дома, они швырнули камень и сбили с меня шляпу. Да что тут говорить, отвратительные выходки этих шалопаев можно перечислять бесконечно! – Он сдвинул брови. – Впрочем, чего еще ожидать от мальчишек, которых мать бросила на произвол судьбы, предоставив их воспитание трактирной шлюхе?

Локвуд, переждав, пока его патрон выпустит пар, обернулся ко мне:

– Зовут этих юнцов Джеральд и Барнабас. По слухам, оба отличались скверным нравом еще до исчезновения матери. Похожи они как две капли воды, только у Барнабаса на щеке здоровенный шрам. Оба пошли в мать: светловолосые, коренастые.

– А как они ладят с Изабеллой? – поинтересовался я.

– Просто-напросто не замечают, не видят ее в упор. Но со мной побеседовали весьма охотно. Спросили, как я считаю, будет ли их папаша казнен. Я честно ответил, что не знаю. Тогда они поинтересовались, как поступят с отцовскими землями, если его отправят на виселицу, – отойдет ли она королю или достанется наследникам. Сказали, здесь уже побывал управляющий из Ведомства по делам конфискованного имущества. Я не стал скрывать, что если Болейна признают виновным, то все его имущество отойдет в казну. Тогда братья решили, что об этом необходимо сообщить деду.

– У них еще и дед имеется?

– Да, отец Эдит, Гэвин Рейнольдс, богатый купец, член городского совета Нориджа. Родители Джона Болейна давным-давно умерли. Он унаследовал их владения – не только поместье в Бриквелле, где жил до недавних пор, но еще и имения в Норфолке. Человек он состоятельный. Именно по этой причине люди Саутвелла и Фловердью, чиновника из Ведомства по делам конфискованного имущества, так и рыскают вокруг. Правда, по слухам, финансовые дела Болейна пребывают в расстроенном состоянии. Деньги, которые он получал от арендаторов, изрядно обесценились из-за инфляции, а пару лет назад он купил в Лондоне роскошный дом, потратив на это все свои сбережения.

– Насколько я понял, сыновей Болейна судьба имения волнует куда больше, чем судьба отца, – заметил я.

– Так оно и есть, – кивнул Тоби. – Они даже не удосужились спросить, как я считаю – виновен он в убийстве или нет.

– А хоть какие-то признаки того, что юнцы горюют по матери, вы заметили?

– Ни малейших, – покачал головой Локвуд. – О ней братья даже не упомянули. Помню, пока я разговаривал с ними, Изабелла стояла в дверях, смотрела на них не отрываясь и взгляд ее был полон отвращения. Отвращения и страха.

– А с мастером Рейнольдсом, дедушкой этих молодчиков, вы еще не встречались? – спросил я. – Полагаю, он и его супруга были потрясены до глубины души, узнав, что их дочь, которую все считали бесследно пропавшей, воскресла из небытия только для того, чтобы стать жертвой жестокого убийства.

– Я счел, что из моих попыток встретиться с ним вряд ли выйдет толк, – покачал головой Локвуд. – Рейнольдсы – богатая семья, они не снизойдут до того, чтобы принять простого солиситора. Полагаю, сэр, побеседовать с вами они не откажутся. Хотя после того, как стало известно об убийстве их дочери, Рейнольдс и его жена живут затворниками. По слухам, старик не сомневается в виновности бывшего зятя и ждет не дождется, когда Джона вздернут на виселицу.

Я украдкой взглянул на Николаса. В Хатфилде, беседуя с мастером Пэрри, Эдит Болейн заявила, что ее родители умерли. Если она находилась в стесненных обстоятельствах и не желала возвращаться к мужу, то самым разумным шагом было бы попросить приюта у отца с матерью. Однако она этого не сделала. Обсуждать визит Эдит в Хатфилд с Копулдейком и его помощником я не имел права, однако про себя отметил, что с родителями убитой необходимо встретиться как можно скорее.

– Разумеется, королевские чиновники живо интересуются исходом этого дела, – подал голос Копулдейк. – Прежде эти земли принадлежали монастырю. Когда они были конфискованы, Болейн приобрел их у казны. Если его отправят на виселицу, его сыновья окажутся под опекой короля. Это означает, что король, а точнее, леди Мария, как верховный феодал этого края, будет иметь право устроить их брак. Подобные поручения леди Мария, как правило, передает Ричарду Саутвеллу. Впрочем, братья Болейн вряд ли могут считаться завидными женихами, особенно если имущество их отца будет конфисковано.

– Насколько мне известно, имя чиновника, представляющего в Норфолке Ведомство по делам конфискованного имущества, – Джон Фловердью, – сказал я.

Копулдейк сдавленно хихикнул.

– Фловердью – юрист, как и мы с вами, брат Шардлейк. Человек он, по моему разумению, достаточно вздорный. Повсюду сует свой нос, только и ищет, чем бы поживиться. Общаться с ним – занятие не из приятных, так что я заранее вам сочувствую, – ухмыльнулся он и тут же добавил другим, более серьезным тоном: – Что до Саутвелла, то, встречаясь с ним, будьте предельно осторожны. Сейчас он – один из самых богатых людей в Норфолке, владелец овечьего стада в две тысячи голов и, судя по всему, вскоре станет членом Тайного совета. – Копулдейк беспокойно заерзал на стуле. – Этот человек чрезвычайно опасен. В чем только его не обви-

няли – в хищениях и растратах, в похищении людей, в лжесвидетельстве против своего прежнего патрона, герцога Норфолка, и даже в убийстве. Но всякий раз он выходил сухим из воды.

– Вы сказали, его обвиняли в убийстве?

– Да. Лет двадцать тому назад он затеял ссору с другим норфолкским землевладельцем. Между ними завязалась драка, и Саутвелл проткнул своего противника ножом. В том, что он виновен в убийстве, не было ни малейших сомнений. Однако сэр Ричард обратился к старому королю с просьбой о помиловании, которое и было ему даровано.

– Для богатых, видно, закон не писан, – едва слышно проронил Тоби.

– Постарайтесь не портить с ним отношений, сэр, – посоветовал Копулдейк. – Это будет непросто, учитывая, что Саутвелл представляет интересы леди Марии, а вы выполняете поручение леди Елизаветы. – В голосе его послышалось откровенное беспокойство. – Помните, что официально вы являетесь моим доверенным лицом. Мне ни к чему наживать такого врага, как Саутвелл.

– Да уж, он из тех, с кем лучше не ссориться, – подхватил Локвуд.

– Возможно, после казни Джона Болейна леди Мария пожелает приобрести его земли и присоединить их к своим норфолкским владениям, – предположил Копулдейк. – Хотя бы для того, чтобы досадить сестре.

– И все же полагаю, что визиты представителей Саутвелла и Фловердю в имение Болейна несколько преждевременны, – сказал я. – Этот человек пока еще не осужден.

– Однако в Норфолке все уверены, что он будет осужден непременно, – возразил Локвуд. – Джон Болейн не пользуется там расположением, в особенности после женитьбы на Изабелле. Да и распря с соседом тоже не прибавила ему симпатий.

– Кстати, что вам известно об этой ссоре? – спросил я.

На лице Копулдейка мелькнуло недовольное выражение, как видно вызванное тем, что я напрямую обратился к его помощнику.

– Расскажите все, что вам известно, Тоби, – проронил он. – Поделитесь с сержантом Шардлейком своими обширными познаниями о земельных владениях в Норфолке. – Копулдейк повернулся ко мне. – Представляете, Тоби даже взял на себя труд составить для вас подробную карту. Хотите взглянуть?

Снисходительный тон патрона заставил Локвуда вспыхнуть.

– Я надеялся, что эта карта будет вам полезна, сэр... – пробормотал он.

– Уверен, она будет мне чрезвычайно полезна.

Локвуд извлек из ящика лист бумаги и положил на стол. Склонившись, мы принялись его рассматривать. Конечно, картой в полном смысле слова этот рисунок вряд ли можно было назвать, но он был выполнен четко и аккуратно.

– Отличная работа, Локвуд! – восхитился Николас.

Тоби слегка нахмурился, как видно услышав в этой похвале покровительственные нотки. Он был лет на шесть старше Николаса и, возможно, обладал большим опытом по части правоведения. Но, будучи простым клерком, являлся ниже его по статусу.

– Это план поместья Джона Болейна в Северном Бриквелле, – пояснил Локвуд. – Ему принадлежат и другие земли, но это поместье, в котором он жил до ареста, – самое значительное. Вот его дом, он расположен неподалеку от небольшой деревни. – Клерк ткнул пальцем в верхнюю часть карты. – А вот здесь, как видите, протекает ручей. Он отделяет владения Болейна от Южного Бриквелла, который принадлежит Леонарду Вайтерингтону. В обоих поместьях хозяйство ведется по обычной трехпольной системе: два поля засеваются зерновыми, а третье остается, что называется, «под паром». Каждое поле разделено на полосы, которые сдаются арендаторам: кому-то одна полоса, кому-то несколько...

– Сержант Шардлейк занимается земельной собственностью, Локвуд, – прервал своего клерка Копулдейк. – Думаю, не только он, но даже его молодой помощник прекрасно знает, что такое трехпольная система.

– А это что за участки? – указал на план Николас. – Судя по всему, арендаторы, в распоряжении которых находится несколько полос, огородили их, превратив в отдельную ферму?

– Так оно и есть, – кивнул Локвуд.

– В Линкольншире, в имении моего отца, пара арендаторов тоже поступила подобным образом.

– В Норфолке огороженных земель больше, чем в любом другом графстве, – заметил Локвуд. – А теперь посмотрите сюда, в нижний правый угол. Вайтерингтон огородил под пастбища часть общинных пахотных земель, которые прилегают к его владениям. К тому же он захватил изрядный кусок общинного пастбища.

– Как это ему удалось? – поинтересовался я.

– Не представляю, – пожал плечами Локвуд. – Возможно, заявил, что, будучи владельцем поместья, он имеет право на часть общинного пастбища, и никто не посмел ему перечить.

– Он словно римский император – постоянно расширяет свои владения, – усмехнулся я. – И сколько же голов насчитывает овечье стадо Вайтерингтона?

– Насколько мне известно, около трех сотен. Учитывая, как дорого сейчас стоит шерсть, овцы приносят ему неплохой доход. Если бы он занял эти земли посевами, доход был бы куда скромнее. Так происходит во всем Норфолке – пастбища вытесняют поля, – заключил Локвуд.

Копулдейк вновь заерзал на стуле.

– Если землевладельцы хотят жить как джентльмены, им необходимы деньги, – с досадой бросил он. – Цены растут как на дрожжах, а плата за аренду остается такой же, что и тридцать лет назад. Приходится искать новые источники дохода.

– Поэтому, когда срок аренды истекает, землевладельцы гонят фермеров прочь и отдают их наделы овцам, – мрачно усмехнулся я. – Или же захватывают для своих овец общинные пастбища, хотя не имеют на то ни малейшего права.

Копулдейк раздраженно махнул рукой:

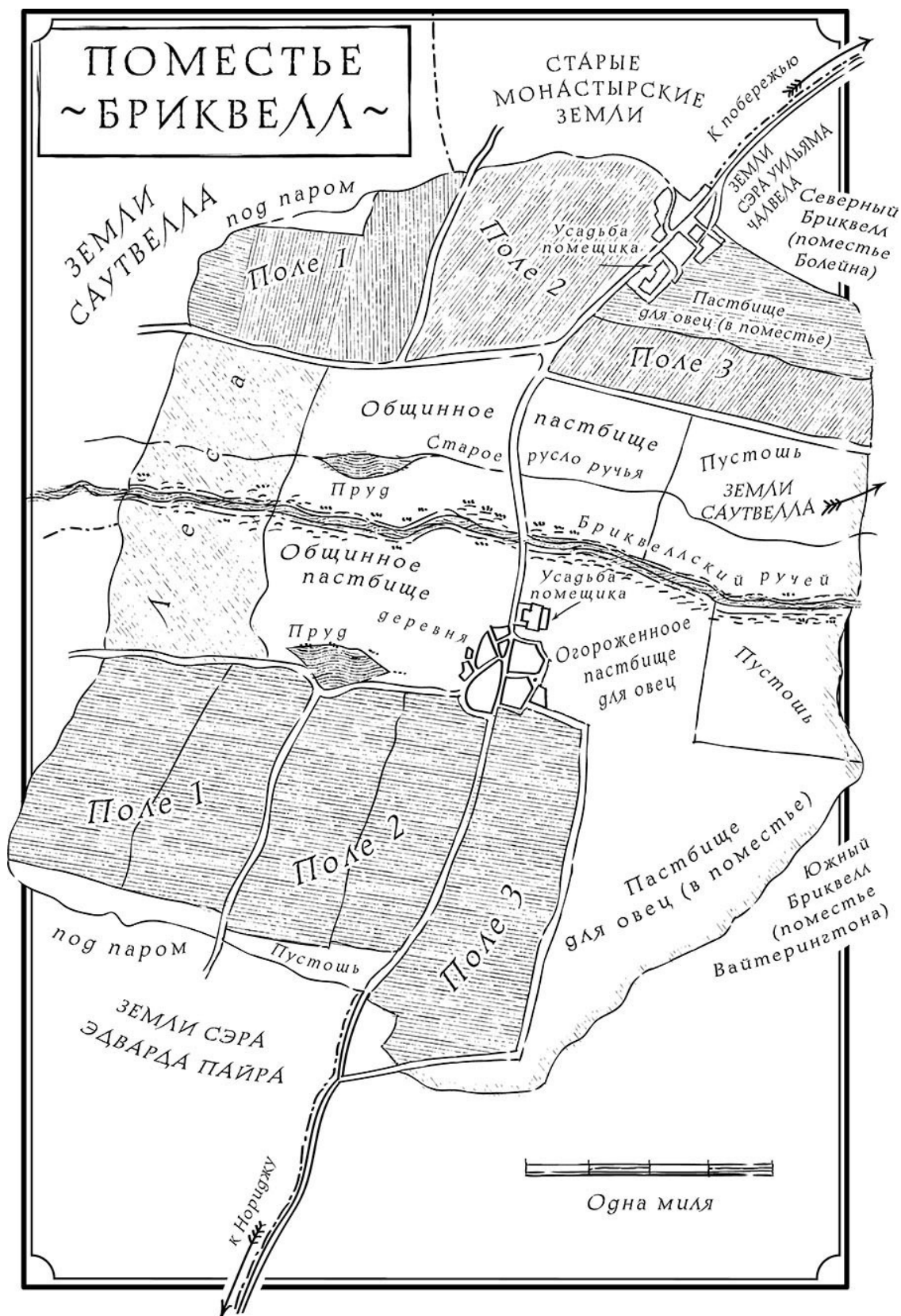
– Если арендаторы полагают, что с ними поступили противозаконно, они всегда могут обратиться в суд.

– Нам с вами прекрасно известно, что судебные тяжбы требуют денег и порой тянутся годами. А чтобы прокормить себя и свою семью, бедный фермер должен в поте лица трудиться на своей земле изо дня в день.

– Вы говорите как поборник всеобщего благоденствия, – неодобрительно процедил Копулдейк. – Полагаю, в лице Локвуда вы встретите верного единомышленника.

– Я говорю как адвокат, который много лет проработал в Палате прошений, – возразил я и, чтобы избежать дальнейших споров, вновь указал на план. – Довольно странное расположение. Обычно леса, пустоши и общинные пастбища окружены полями, а тут они находятся между помещичьими особняками.

– Причина – ручей, который служит границей земельных владений, – пояснил Локвуд. – По одну сторону ручья земля в дождливую погоду превращается в жидкую грязь, хотя там и устроены дренажные каналы. На востоке земли болотистые, и использовать их нельзя – крестьяне собирают там тростник, а иногда стреляют дичь. Ну а на западе раскинулся лес.

– А что означает этот крестик? – указал на план Николас. – Место, где было обнаружено тело миссис Болейн?

– Да.

– Судя по вашему рисунку, совсем близко находится мост через ручей, – заметил я. – Возможно, убийца встретил свою жертву на мосту и там же нанес ей смертельный удар. В противном случае ему пришлось бы тащить тело на довольно значительное расстояние.

Повисло молчание, которое нарушил Копулдейк.

– Два поместья практически зеркально отображают друг друга, – проронил он.

– Это не вполне так, сэр, – возразил Локвуд. – Северный Бриквелл несколько уступает размерами Южному Бриквеллу. В тысяча пятьсот тридцать восьмом году, когда был уничтожен бенедиктинский монастырь, которому принадлежали эти земли, Джон Болейн и Леонард Вайтерингтон воспользовались возможностью увеличить свои владения. Каждый приобрел изрядный кусок земли. Особняк тогда был только один, и в нем жил монастырский управляющий. Находился он на участке Джона Болейна, так что Вайтерингтону пришлось построить себе новый дом. Кстати, как и у Болейна, у него имеются другие поместья. Пожалуй, он богаче своего соседа.

– О, я вижу, неподалеку расположены владения сэра Ричарда Саутвелла, – произнес я, разглядывая карту. – И на севере, и на востоке.

– Да, – подтвердил Копулдейк. – И в обоих своих поместьях он занимается овцеводством. Если Джон Болейн будет признан виновным, то, вполне вероятно, Саутвелл захочет приобрести Северный Бриквелл, дабы соединить свои земли. Чем обширнее пастбища, тем больше доход. Даже новых пастухов нанимать не придется.

– Зато ему придется прогнать прочь арендаторов, – вставил Николас.

– Пока все это не более чем домыслы, – отрезал Копулдейк. – В любом случае это не нашего ума дело.

– Какой размер в среднем имеют участки арендаторов? – спросил я.

– Участки небольшие, от десяти до пятнадцати акров, – ответил Локвуд. – Конечно, есть более обширные наделы, те, что выгорожены в отдельные фермы. Но с другой стороны, встречаются и убогие хижины, владельцы которых едва сводят концы с концами, нанимаясь работать к более богатым фермерам или же занимаясь различными ремеслами. Сами понимаете, после того как Болейн и Вайтерингтон превратили большинство своих полей в пастбища, спрос на наемный труд изрядно снизился. В Северном Бриквелле проживает двадцать пять семей, а в Южном – более тридцати.

Я провел пальцем по прерывистой линии, тянущейся среди лесов, пастбищ и пустошей. Надпись на ней гласила: «Старое русло ручья».

– Значит, Вайтерингтон утверждает, что граница между участками в действительности должна проходить по этому руслу? – уточнил я.

– Да, – кивнул Копулдейк. – Согласно документу, по которому эти земли даруются монастырю, – как вы понимаете, это древний пергамент – границей между владениями является Бриквеллский ручей. Это старое русло сохранилось, однако примерно четыреста лет назад ручей изменил курс – в местности с песчаными почвами встречаются подобные явления. Таким образом, возникла серьезная проблема юридического характера. Какое русло мы сегодня должны считать границей – нынешнее или же существовавшее на момент составления документа? Без длительного судебного разбирательства тут не обойтись. Согласитесь, братья, для нас, законников, подобные дела – просто клад! – заключил он и с довольной ухмылкой потер руки.

– Десять лет назад, когда Болейн и Вайтерингтон приобретали свои участки, оба, скорее всего, полагали, что граница проходит по современному руслу, – сказал я.

Копулдейк вскинул палец:

– Но ныне Вайтерингтон утверждает, что ознакомился со старыми документами уже после приобретения земли. Иначе он поставил бы существовавшую границу под сомнение.

– Уверен, суд сочтет, что Вайтерингтону следовало решить вопрос о границах до заключения земельной сделки, – заявил я.

Локвуд, вежливо кашлянув, позволил себе вмешаться:

– Ныне возникла еще одна проблема: арендаторы Вайтерингтона недовольны тем, что он захватил часть общинного пастбища. Утверждают, что им теперь негде пасти своих животных: лошадей и волов, на которых они работают; коров, которые дают им молоко...

Копулдейк вновь зашелся лающим смехом:

– Подобным жалобам нынче нет конца. Арендаторы поднимают вой по поводу каждого дюйма утраченной общинной земли. Но Вайтерингтон придумал, как успокоить своих арендаторов. Пообещал, что, в случае если граница будет передвинута, половину земель, которые окажутся в его владении, он передаст под общинное пастбище. А вторую половину, разумеется, предоставит своим овцам.

– Но будет ли передвинута граница, пока неизвестно, – заметил я.

Локвуд повернулся ко мне.

– Если Вайтерингтон выиграет тяжбу, то арендаторы из Северного Бриквелла утратят значительную часть своих общинных земель, – пояснил он. – Между двумя деревнями отношения откровенно враждебные, хотя в обеих есть жители, которые не одобряют планов Вайтерингтона. Несколько месяцев назад, когда он попытался выпустить своих овец на общинное пастбище Северного Бриквелла, между арендаторами из двух деревень вспыхнула драка. Уверен, эта парочка оболтусов, сыновья Болейна, не упустили возможности поработать кулаками.

– Пока что Вайтерингтон не счел нужным обратиться в суд, – произнес я. – Возможно, он советовался с адвокатом и тот убедил его, что тяжбу он проиграет. Так что у Вайтерингтона, несомненно, тоже имеется повод избавиться от Джона Болейна. Если Болейна отправят на виселицу, его сосед, скорее всего, попытается купить Северный Бриквелл и покончить с этим делом.

– Но на эти земли претендует Саутвелл, – возразил Копулдейк. – Вряд ли у Вайтерингтона хватит смелости встать поперек дороги столь могущественному вельможе. – Пожав плечами, он добавил: – Хотя, возможно, они сумеют договориться. Например, обменяются поместьями.

– Я вам чрезвычайно признателен, мастер Локвуд, – произнес я, демонстративно повернувшись к клерку. – Благодаря вам я стал представлять ситуацию намного отчетливее. Очень рад, что вы едете вместе с нами.

Локвуд слегка поклонился:

– Надеюсь, сэр, что сумею и впредь быть полезным.

– Мне трудно будет обходиться без Тоби, но мастер Пэрри – важный клиент, – со вздохом изрек Копулдейк. – Да, перед отъездом вам предстоит еще одно дело, – добавил он. – Когда Тоби был у Джона Болейна в тюрьме, тот попросил его проверить, все ли в порядке в его лондонском доме, и забрать оттуда все купчие и прочие документы на землю. По его словам, в отсутствие хозяина за домом приглядывает местный сторож, которому он платит. Это недалеко отсюда, на северной стороне Стрэнда, напротив Сомерсет-Хауса. У Тоби есть ключ.

– Думаю, нам стоит отправиться туда прямо сейчас, – сказал я. – Откладывать ни к чему.

– Прекрасно. Но потом возвращайтесь в контору, Тоби. Прежде чем вы отправитесь в Норфолк, вам придется выполнить несколько моих поручений.

Я встал и отвесил Копулдейку поклон:

– Спасибо за помощь, брат.

Он вперил в меня усталый взгляд:

– Сержант Шардлейк, у меня к вам единственная просьба – не впутывайте меня в это дело.

Мы вышли на улицу. В голове у меня вертелся один любопытный вопрос: если все документы на владение землей Джон Болейн держит в Лондоне, то какие бумаги он изучал, запершись в своем кабинете в тот вечер, когда была убита Эдит?

Глава 6

Городской дом Болейна, как уже было сказано, находился на северной стороне Стрэнда, напротив огромной строительной площадки, которую представлял собой ныне Сомерсет-Хаус. Шагая по Канцлер-лейн в обществе Николаса и Локвуда, я то и дело бросал изучающие взгляды на молодого человека, которому предстояло сопровождать нас в поездке в Норфолк. Легкий ветерок ерошил его густые черные волосы и бороду, на круглом лице застыло непроницаемое выражение.

– Вы давно работаете с мастером Копулдейком? – спросил я.

– Пять лет.

– Вы ведь сын фермера, верно? Мой отец тоже был фермером в Личфилде.

– В Личфилде, насколько мне известно, хорошие плодородные земли, – равнодушно проронил Локвуд.

Вспомнив слова Копулдейка о том, что ферма у отца Тоби слишком мала и не обеспечивает сыновей средствами к существованию, я счел за благо направить разговор в иное русло:

– Документы, которые хранятся в лондонском доме Джона Болейна, имеют отношение к поместью Бриквелл?

– Полагаю, да. Когда я был у него в тюрьме, он сказал, что привез их в Лондон, так как хотел посоветоваться с адвокатом.

– Возможно, Вайтерингтон все-таки намеревался решить вопрос о границах земельных владений через суд, – предположил я.

– Очень может быть. Полагаю, он рассчитывал затеять долгий изматывающий процесс, который будет Джону Болейну не по карману.

– Судя по тому, что я услышал, у этого Вайтерингтона имеется самая прямая корысть отправить Болейна на виселицу, – вставил Николас.

– Кто его знает, – пожал плечами Локвуд. – Одно могу сказать: Болейн жил тихо и спокойно – то в Бриквелле, то в Лондоне – и, похоже, был вполне своей жизнью доволен. А мастер Вайтерингтон, похоже, из тех, кому вечно всего мало – и земли, и денег. Скорее всего, он рассчитывает, что сумеет добиться рыцарского звания. Как говорит пословица, «В Англии много рыцарей, зато мало благородства», – печально добавил он.

– Ну, старина, пожалуй, вы преувеличиваете, – возразил Николас покровительственным тоном, которого он неизменно придерживался с теми, кто стоял ниже его на общественной лестнице. – В Англии достаточно и самых благородных рыцарей, и просто порядочных людей.

– Не сомневаюсь, сэр, что вы совершенно правы, – кивнул Локвуд, и лицо его вновь приняло непроницаемое выражение.

Пройдя через арку ворот Темпл-Бар, мы оказались на Стрэнде. В воздухе висело пыльное марево, заставившее нас разразиться кашлем. С южной стороны, где сотни рабочих трудились над строительством Сомерсет-Хауса, доносились стук молотков и визг пил. Огромный дворец, украшенный величественными колоннами, был почти завершен, однако вокруг возводилось еще несколько зданий поменьше; рабочие рыли канавы, закладывали фундаменты, пилили доски, выкладывали каменные стены.

Проходя мимо, Николас произнес:

– Помните, что за потеху устроили в прошлом году? При помощи пороха взорвали часть склепа собора Святого Павла, так что косточки почетных горожан взлетели на воздух?

– Еще бы не помнить, – усмехнулся я. – В саду дома, что расположен по соседству с моим, нашли древнюю бедренную кость, к которой прилип лоскут савана.

Николас внезапно схватил меня за руку, вынуждая остановиться.

– Посмотрите! – взволнованно прошептал он, указывая на другую сторону улицы. – Помоему, это лорд-протектор собственной персоной.

Проследив за направлением его взгляда, я увидел высокого худого человека с остроко-
нечной бородкой, в богато расшитой мантии. Рядом с ним маячили два стражника в ливреях
дома Сомерсетов. Стоя у раскладного стола, он рассматривал какой-то чертеж, в то время как
архитектор в длинном плаще что-то разъяснял ему, водя по чертежу указкой. Во времена преж-
него короля мне довелось несколько раз встречаться с Эдуардом Сеймуром, герцогом Сомер-
сетом, нынешним лордом-протектором. Ныне, глядя на него, я поразился тому, как сильно он
постарел: щеки ввалились, на лице застыло выражение суровой угрюмости. Слушая архитек-
тора, Сомерсет беспрестанно теребил кончик своей длинной бороды.

– Это и в самом деле он? – с любопытством спросил Локвуд. – Добрый Герцог?

Он употребил прозвище, которое Сомерсет стяжал, постоянно заявляя, что намерен
заботиться о нуждах бедных и неимущих.

– Он самый.

– Выглядит так, словно на плечи ему взвалили все тревоги и заботы мира.

– Или, по крайней мере, нашего королевства, – поправил Николас. – Вы никогда не
видали его прежде, Локвуд?

– Видел, но только издалека. Два года назад я любовался церемонией открытия парла-
мента и наблюдал, как он гарцует рядом с королем. Я тогда, конечно, во все глаза смотрел
на короля. Помню, он с ног до головы был одет в пурпур и золото, а драгоценных камней на
нем было столько, что его величество переливался на солнце всеми цветами радуги. – Локвуд
задумчиво покачал головой. – Тогда он казался совсем маленьким мальчиком. Говорят, сейчас
он сильно вырос.

– Тем не менее от совершеннолетия Эдуарда отделяют целых шесть лет, – заметил я.

– К тому времени, глядишь, и эту громадину успеют достроить, – добавил Николас.

– Возможно, – кивнул я. – Идемте, друзья мои. Не стоит стоять здесь долго: пыль слиш-
ком ест глаза.

В южной части Стрэнда стояли особняки самых богатых и влиятельных людей в коро-
левстве; окружавшие их сады спускались к реке, по которой было легко добраться до Вест-
минстера. Что касается северной части, то здания там были значительно более скромными и
старыми, а переулки между ними вели в открытое поле. Дом Болейна находился в одном из
таких переулков; он представлял собой довольно беспорядочное строение с внутренним дво-
ром и, вполне возможно, был переделан из бывшей фермы. Я заметил, что краска на стенах
облупилась, а многие плитки отсутствовали.

Локвуд вытащил из кармана ключ и отпер тяжелую входную дверь. Вслед за ним мы
вошли внутрь. Мебель в некоторых комнатах отсутствовала, повсюду лежал толстый слой
пыли, долетавшей с соседней строительной площадки. В нос мне ударил запах сырости.

– Для того чтобы превратить этот дом в городской особняк джентльмена, придется при-
ложить немало усилий, – изрек Николас.

– Судя по всему, желания мастера Болейна не соответствуют возможностям его
кошелька, – сказал я и повернулся к Локвуду. – Думаю, нам стоит поискать документы.

– По словам мастера Болейна, его кабинет находится на втором этаже. После того как мы
найдем бумаги и убедимся, что в доме все в порядке, мне нужно будет встретиться с местным
констеблем. Мастер Копулдейк поручил передать ему полсоверена, дабы он и впредь хоро-
шенько следил за домом. – Тоби натянуто улыбнулся. – Наверняка он внес эти деньги в бух-
галтерскую книгу, чтобы потом потребовать с мастера Пэрри.

Мы поднялись на второй этаж. На лестничную площадку выходили двери нескольких
комнат. Одна из них была открыта; за ней располагалось помещение, обставленное как каби-

нет: письменный стол, несколько стульев, большой деревянный сундук. Стены абсолютно голые, если не считать портрета темноволосого мужчины с суровым выражением лица, судя по красной мантии – лондонского олдермена². Табличка на раме гласила: «Джеффри Болейн (1406–1463)».

– Прапрадед Анны Болейн, – заметил я. – Тот самый, что приехал в Лондон ни с чем и сделал тут состояние.

– Они с прапрадедом Джона Болейна были родными братьями, – пояснил Локвуд.

– Вы многое знаете об этой семье?

– Сэр, по долгу службы я хорошо знаком с норфолкским дворянством. Всякий раз, когда на горизонте появляется очередной претендент на родство с леди Елизаветой, патрон поручает мне проверить его генеалогическое древо.

Про себя я вновь отметил, что острый взгляд голубых глаз Локвуда противоречит непроницаемому выражению его лица. Подойдя к сундуку, он достал из кармана еще один ключ и вставил его в замочную скважину. Ключ, однако, не повернулся. Нахмурившись, Локвуд попытался поднять крышку. Это ему удалось; сундук был доверху полон документами и какими-то вдоль и поперек исписанными листами.

– Странно, – пробормотал Локвуд. – Мастер Болейн сказал, что сундук заперт на ключ.

Он принялся перебирать бумаги и вскоре извлек на свет божий папку, содержащую какой-то старинный план, а также кусок пергамента: насколько я мог судить, латынь там перемежалась с норманнским французским.

– Думаю, это то, что нам надо.

Я бережно развернул план. Этому выцветшему ветхому пергаменту было несколько сот лет, однако на плане можно было различить поместья Северный Бриквелл и Южный Бриквелл. Граница между ними, как я убедился, проходила по прежнему руслу ручья.

– Ага, вот оно, старое русло...

Я осекся, услышав топот бегущих ног, долетевший из задней части дома. Бросил взгляд на дверь, потом на окно; во внутреннем дворе явно происходило какое-то движение. К своему великому удивлению, я увидел, что по каменным плитам двора мечется мальчуган лет десяти, чумазый, босоногий и оборванный. Внезапно он издал сдавленный крик и упал, кровь насквозь пропитала его грязную рубашку. Мальчик попытался встать, но ноги его подкосились, и, застоявшись, бедняга вновь упал навзничь.

– Готов! – долетел до меня чей-то голос.

– Я тоже попал! По одному удару каждый! – раздался второй голос, чрезвычайно похотливый на первый; выговор вроде бы правильный, однако гласные чересчур растянуты.

Через несколько секунд по лестнице промчались два коренастых светловолосых юнца; стремительно пролетев мимо открытых дверей кабинета, они нас даже не заметили. Должно быть, молодые люди находились в задней части дома и поэтому не слышали, как мы вошли.

Мы с Николасом изумленно переглянулись, рука моего помощника инстинктивно потянулась к мечу.

– Что за дьявол?.. – пробормотал я.

– Точнее, два дьявола, – сообщил внезапно помрачневший Локвуд. – Это братья Болейн.

Подойдя к окну, мы увидели, как два светловолосых молодчика в дублетах из дорогой ткани выбежали во внутренний двор. Они были похожи как две капли воды. Каждый держал в руках пращу; судя по всему, стоя у окна, они запускали из этих пращей камни, целясь в злополучного мальчугана. Несчастная жертва вновь попыталась встать на ноги. Один из близнецов ударил ребенка по ребрам, и тот вскрикнул от страха и боли.

– Надо остановить их! – воскликнул Локвуд, устремляясь к дверям.

² Олдермен – член городского управления.

Я схватил его за руку:

– Это сыновья Джона Болейна?

– Они самые, сэр. Как видите, добрались до Лондона. Наверняка решили посмотреть, чем можно поживиться в этом доме. Если мы их не остановим, они убьют парнишку, – сказал он, тяжело переводя дух.

Втроем мы сбежали по лестнице и оказались во дворе, залитом ярким полуденным солнцем. Мальчик все еще пытался бежать, но очередной камень, пущенный меткой рукой, всякий раз сбивал его с ног.

– Ах ты, чертов оборванец! – рявкнул один из близнецов. – Решил поселиться в доме нашего отца?

– Говори, что ты успел здесь украсть! – подхватил второй. – Надеюсь, этого хватит, чтобы отправить тебя на виселицу!

Возможность вдоволь поиздеваться над беззащитным ребенком явно доставляла братьям огромное удовольствие.

– Мастер Джеральд, мастер Барнабас! – крикнул Локвуд. – Немедленно прекратите!

Юнцы одновременно обернулись. У них были совершенно одинаковые квадратные лица с широкими плоскими носами, тонкими губами и маленькими голубыми глазками. Единственное различие составлял длинный шрам, пересекавший щеку одного из них от уха до рта; на загорелом лице шрам этот оставался белым. Близнецы уставились на нас с холодной злобой; их окровавленная жертва, лежа на камнях, тихонько скулила.

Парень со шрамом ухмыльнулся, обнажив крупные передние зубы.

– Глянь-ка, Джеральд, – протянул он. – Опять этот прощелыга-клерк Локвуд. До-о-оброго те-е-ебе утречка, То-о-оби Локвуд, – нараспев произнес он. Уроженцы Норфолка обычно растягивают гласные, но это был явный перебор. – И что тебе здесь надобно?

– Ка-а-ак по-о-оживаешь, То-о-оби? – протянул второй, подражая брату. – Притащил с собой еще парочку крючкотворов? Горбуна и долговязого рыжего верзилу? Славная компания, ничего не скажешь!

– Вы что, не слышали, как мы вошли? – удивился Локвуд.

– Мы так славно забавлялись, что ничего не слышали, – ответил парень со шрамом, на этот раз почти без акцента.

Локвуд побагровел от гнева, однако голос его звучал спокойно и ровно:

– Мы пришли сюда по поручению вашего отца. Хотели забрать кое-какие документы и удостовериться, что дом в целости и сохранности. Зачем вы мучаете этого бедного ребенка?

– Нашли кого жалеть! – усмехнулся парень без шрама. – Да будет вам известно, это маленький воришка и разбойник. Мы тоже заглянули сюда, чтобы проверить, все ли в порядке. И представьте себе, обнаружили в кухне этого малолетнего ублюдка. Устроился там как у себя дома. Думаю, вам, законникам, лучше знать, какая кара положена за подобное преступление.

– А отец дал вам разрешение заходить в этот дом? – сурово осведомился я.

– Прежде скажите, кто вы такой, мастер горбун!

Николас сжал рукоять меча:

– Сделайте милость, обращайтесь с моим патроном полюбезнее, иначе я мигом научу вас хорошему манерам!

Близнецы, встав плечом к плечу, уставились на него без всякого страха:

– Ты что, вздумал угрожать нам, каланча недостроенная?

Николас был уже готов броситься на обидчиков, но я придержал его за локоть.

– Сержант юриспруденции Мэтью Шардлейк, – представился я. – По поручению барристера Копулдейка я буду заниматься делом Джона Болейна. На следующей неделе я отправляюсь в Норфолк, дабы помочь вашему отцу избежать обвинения в убийстве вашей матери.

Я рассчитывал, что прямое упоминание об ужасных событиях, произошедших в их семье, несколько усмирит юных головорезов. Но братья одновременно пожали плечами с видом крайнего равнодушия. Я бросил взгляд на маленького мальчика, все еще лежавшего на земле.

– Чем вы тут занимались?

Парень без шрама – насколько я помнил рассказ Локвуда, его звали Джеральд – ответил с жутковатой простотой:

– Да так, немного поохотились. Мы любим охоту, а оленей в Лондоне не водится.

– Если хотите, можете отвести этого оборванца к констеблю, – добавил Барнабас. – Из дома пропала куча всякого серебра. Так что этого недобитого кролика можно вздернуть на виселицу.

– Или хотя бы поставить ему на лоб клеймо и отправить на каторгу, – процедил Джеральд. – Именно так по новому закону положено поступать с малолетними воришками, да?

– Богом клянусь, я ничего не брал! – прошептал мальчик, не сводя с меня умоляющих глаз.

Я заметил, что на поясе у братьев висят туго набитые мешки, и вспомнил слова Локвуда о том, что они явились в отцовский дом за поживой.

– Полагаю, молодые джентльмены, вы не откажетесь показать нам, что в этих мешках, – произнес я непререкаемым тоном и бросил многозначительный взгляд на Николаса, по-прежнему сжимавшего рукоять меча.

Близнецы переглянулись. Потом Джеральд, как видно сочтя разумным не лезть на рожон, заявил:

– Вот еще не хватало! Кто вы такие, чтобы нас обыскивать? К тому же нам некогда, нечего тут зря время терять. Мы сейчас сядем на лошадей и рванем в Бриквелл.

Конечно, мы могли бы силой заставить их развязать мешки. Но братья наверняка оказали бы сопротивление, а мне ничуть не хотелось начинать расследование с потасовки между моими помощниками и сыновьями Болейна.

– Это вы открыли сундук в кабинете отца? – спросил я.

– Да! – с нахальной ухмылкой ответил Джеральд. – Это наше законное право. Если папашу вздернут на виселицу, все его добро достанется нам. Хотели узнать, что мы получим, но поди разберись во всей этой латинской и французской галиматье.

– Ошибаетесь, молодые люди, – проронил я. – Если вашего отца вздернут на виселицу, все его добро достанется не вам, а королю, который учредит над вами опеку.

– Я слышал, что если наследники несовершеннолетние, то король возвращает им конфискованные земли, – прищурившись, заявил Джеральд.

– А лорд-протектор Сомерсет любит душещипательные истории, – добавил Барнабас.

– Чего никак нельзя сказать о чиновнике, который распоряжается конфискованными поместьями, – возразил Локвуд. – Его имя Джон Фловвердью. Вы, наверное, и сами слышали: он не из тех, кто утирает слезы бедных сироток.

– Ну, в любом случае эта шлюха, Изабелла, ничего не получит, – пожал плечами Джеральд. – Идем, Барни, эти пиявки мне надоели.

Близнецы скрылись в доме. До нас долетел грохот внутренней двери. Мальчик, на которого они охотились, поднялся на ноги и весь дрожал, прислонившись к стене.

– Сильно тебе досталось, приятель? – мягко спросил я.

– Несколько камней угодило мне в спину, а пара – в ребра, сэр.

Оглядевшись по сторонам, я увидел мелкие заостренные камни, валявшиеся на земле.

– Они ворвались в кухню, а когда я пустился наутек, принялись гонять меня по всему дому. Я слышал, они кричали, что первый, кто разmozжит мне голову, получит полсоверена. – Мальчик залился слезами. – Я просто искал место, где можно переночевать в тепле, – всхлипнул он. – Всю эту неделю стоит жуткий холод и дождь льет как из ведра.

Я вздохнул, достал кошелек и протянул бедолаге два шиллинга:

– Уходи отсюда поскорее и больше не возвращайся, если не хочешь новых неприятностей. Сейчас мы запрем этот дом на ключ.

– Честное слово, сэр, я ничего здесь не украл! Клянусь вам! Если что-то исчезло, то это они взяли.

– Нисколько не сомневаюсь. А теперь уходи. Пройди дом насквозь и выйди через главную дверь.

Я с жалостью взглянул на маленького оборванца. Тощий как щепка, на грязной рубашке – пятна крови, лицо покрыто струпами и коростой. Когда парнишка, прихрамывая, скрылся в доме, я вспомнил, что даже не узнал его имени.

Несколько мгновений мы молча стояли в залитом ярким солнечным светом внутреннем дворе.

– Милые детки у Джона Болейна, – наконец изрек я.

– Да уж, подонки еще те, – кивнул Локвуд – Они с малых лет отличались скверным нравом.

– Судя по их поведению, братьям ровным счетом наплевать, что мать их убита, а отец сидит в тюрьме, – добавил Николас.

– А может, это всего лишь бравада? – предположил я, повернувшись к Локвуду. – Вдруг они только делают вид, что им наплевать?

– Не знаю, – вздохнул Тоби; выражение его лица было печальным и гневным одновременно. – Но сегодня я ничуть не удивился, увидав, что Джеральд с Барнабасом охотятся на несчастного ребенка, как на кролика.

Вспомнив, с каким пугающим спокойствием братья рассказывали о своей жестокой забаве, я невольно содрогнулся.

– Пару месяцев назад близнецы приняли участие в драке с приспешниками Леонарда Вайтерингтона. В обществе головорезов, среди которых было несколько слуг сэра Ричарда Саутвелла, они чувствовали себя в своей тарелке. Братья и прежде предлагали свои услуги землевладельцам, которые хотели прогнать арендаторов прочь. За деньги они готовы на все – калечить скот, поджигать дома, избивать людей.

– А каким образом этот, как его... Барнабас заработал свой шрам? – полюбопытствовал Николас.

– История эта произошла несколько лет назад, хотя никто не знает, насколько она правдива, – вздохнув, ответил Локвуд. – Одно ясно: Эдит Болейн, упокой Господи ее душу, никак нельзя было назвать хорошей матерью. Едва родив близнецов, она отдала их кормилице – и на этом закончила все свои материнские попечения. И хотя оба сына пошли в нее – светловолосые, крепкие, – миссис Болейн была к ним совершенно равнодушна и почти не обращала на детей внимания.

Я вспомнил, что, по словам Пэрри, женщина, явившаяся в Хатфилд, отнюдь не выглядела крепкой. Напротив, она была до крайности худой и изможденной. Впрочем, Эдит, если верить рассказам о ней, имела привычку морить себя голодом.

– В общем, эта женщина вела себя не так, как пристало матери, – продолжал Локвуд. – Свои родительские обязанности видела лишь в том, чтобы без конца бранить и сечь обоих мальчишек. Ну а они, понятно, тосковали по материнской любви и ласке. Особенно Эдит злило, что сыновья все время вместе и их невозможно различить. Как-то раз, когда братья застряли на кухне, мать принялась их распекал. Твердила, как ее бесит, что они похожи как две капли воды. Мол, вчера один из них был пойман за кражей яблок и наругал слугу, а она даже не знает, кто это был. Понятия не имеет, кого следует наказывать, отчего ей очень досадно. После этого мальчишки вышли во двор. Слуга видел, как они о чем-то шушукались, а затем взяли пучок соломы и принялись по очереди тащить соломинки. Один достал короткую. Блес-

нуло лезвие ножа, и раздался пронзительный крик. Через несколько минут братья вернулись на кухню как ни в чем не бывало. Только Барнабас был весь залит кровью, потому что Джеральд полоснул его по лицу ножом. «Что вы натворили, недоумки?» – заверещала Эдит, а Джеральд ответил: «Мы сделали это для тебя, мама. Чтобы тебе проще было нас различать».

Николас натужно рассмеялся. Я ошеломленно взглянул на Локвуда:

– Неужели это правда?

– Такие ходят слухи, – пожал он плечами. – Близнецы никогда не упоминают об этом шраме и не любят, если их о нем расспрашивают. Не удивлюсь, если братья сами выдумали эту историю, – с таких мерзавцев станется. Одно могу сказать: Джона Болейна они неизменно приводили в отчаяние. Люди давно говорили, что эта парочка рождена для виселицы. Но в результате на виселице того и гляди окажется их отец.

Мы с Николасом переглянулись. Если детство близнецов действительно было столь безрадостным, как рассказал Локвуд, у них имелся двойной мотив убить Эдит Болейн; я не сомневался, что эти двое вполне способны поглумиться над телом своей матери. Однако слухи могли быть весьма далеки от истины; по опыту я знал, что крупница правды, становясь предметом досужих разговоров, обрастает плотным коконом вымысла.

Мы заперли дом, и Локвуд отправился договариваться с констеблем. Мы условились встретиться с ним в понедельник у Болотных ворот, откуда нам предстояло вместе двинуться в путь.

Мы с Николасом неспешно вернулись к воротам Темпл-Бар; он шел к себе домой, а я решил воспользоваться возможностью и навестить своего друга Гая. Визит в дом Болейна дал нам обоим пищу для размышлений.

– Людей, у которых имелся повод прикончить Эдит, становится все больше, – заметил Николас. – Джон Болейн, его вторая жена Изабелла Хит, их сосед-помещик, а теперь еще эти его сыночки. Но всем подозреваемым не имело никакого смысла рисковать попусту, выставляя тело на всеобщее обозрение. Это противоречит здравому смыслу.

– Что касается парней, то, по-моему, их трудно назвать... – я замешкался, подбирая подходящее слово, – вполне нормальными.

– Это уж точно.

– Если история про шрам, которую рассказал нам Локвуд, соответствует истине, то за молодчиками нужен глаз да глаз. Как ты думаешь, такое можно сотворить из любви? Или из ненависти?

– Не знаю, – покачал головой Николас. – Я вижу только, что они считают себя джентльменами, а ведут себя как подонки.

– А как тебе понравился Локвуд?

– По-моему, на него можно положиться. К тому же он не робкого десятка. Не спасовал перед этими головорезами.

– А его патрон брат Копулдейк? Как он тебе показался?

– Ленивый жирный слизняк, – усмехнулся Николас.

– Удивляюсь, как Локвуд терпит столь бесцеремонное обращение, – заметил я.

– Чему же тут удивляться? – пожал плечами Николас. – Копулдейк платит, а Локвуд работает на него. Каждый из них ведет себя согласно своему положению.

– Может, и мне стоит начать разговаривать с тобой подобным образом? – усмехнулся я.

– Полагаете? Но ведь я же не простой клерк, – столь же ироническим тоном возразил Николас.

– Когда ты начинал у меня работать, то был простым клерком.

– Думаю, Локвуд еще многого добьется. Сейчас Копулдейк может плевать в потолок, потому что всеми делами занимается его помощник, но, уверен, Тоби не собирается пахать

на него вечно. У него есть связи и знакомства, он неплохо разбирается в людях. На подобные качества всегда большой спрос.

– Не сомневаюсь, нам он окажется чрезвычайно полезен. Чем больше я узнаю о семействе Болейн и их соседях, тем сильнее радуюсь, что с нами будет человек, хорошо знакомый с этим гадючником. – Я покачал головой. – Надо будет спросить Локвуда, где, по его мнению, могла пропадать Эдит все эти девять лет. Увы, запрет упоминать о том, что незадолго до смерти она побывала в Хатфилде, связывает нас по рукам и ногам.

– Но Пэрри настаивает на этом условии.

– Боюсь, нам трудно будет одновременно сохранять лояльность и по отношению к леди Елизавете, и по отношению к истине. Остается лишь молиться, чтобы Господь вразумил нас, как это совместить.

Глава 7

За разговором мы дошли до ворот Темпл-Бар; Николас отправился в свои меблированные комнаты, а я двинулся по Чипсайду к дому Гая. У рыночных прилавков, затененных полосатыми тентами, как обычно, шла оживленная перепалка между торговцами и домашними хозяйками в белых чепцах. Однако то были отнюдь не добродушные препирательства прежних времен; покупатели торговались отчаянно, осыпая лавочников упреками в алчности и взывая к их совести; увы, цены на товары росли чуть ли не ежедневно. В куче капустных листьев, гнилых яблок и прочей дряни я заметил листок бумаги, на котором был напечатан очередной памфлет, и поднял его. То был один из многочисленных памфлетов против превращения полей в пастбища. Автор его взывал к милосердию короля, умоляя того:

«...способствовать торжеству истинной справедливости, искоренить вымогательство, оградить простых людей от притеснений и дать им возможность возделывать землю, получая таким образом средства к существованию».

А далее говорилось:

«Уповаем на доброе сердце нашего короля, неспособное мириться с тем, что овцы губят людей, оставляя их без пропитания, с тем, что один человек ради своей выгоды разрушает жизни сотен наших соотечественников».

Свернув листок, я сунул его в карман.

Гай жил в аптекарском квартале, который представлял собой лабиринт узких улочек и переулков, раскинувшийся между рекой и Чипсайдом. В витринах многочисленных аптек красовались чучела ящериц, якобы привезенных из Индии, и витые рога, якобы принадлежавшие единорогам. Гай, имевший лицензию лекаря, мог бы позволить себе что-нибудь получше крохотного магазинчика с жилыми комнатами наверху; но он жил здесь уже много лет и, подобно большинству немолодых людей, не любил перемен. Я заметил, что окна его аптеки закрыты ставнями; последние два месяца, с тех пор как Гай захворал, он перестал принимать больных. Это было тревожным знаком, ибо медицина всегда оставалась главным делом его жизни.

Я постучал, и через несколько мгновений помощник Гая Фрэнсис Сибрант распахнул дверь. Как и Гаю, Фрэнсису давно уже перевалило за шестьдесят; как и доктор Малтон, в прошлом он был монахом. Всегда склонный к полноте, в последние два года Фрэнсис сильно разжирел. За плечами у него был ранец.

– Мастер Шардлейк, да пребудет с вами милость Божия! – приветствовал он меня. – Мы вас сегодня не ждали.

Мне показалось, что во взгляде его мелькнуло смущение.

– Доброе утро. Как здоровье мастера Гая?

– Все по-прежнему, сэр, – грустно ответил Сибрант, и я заметил, какой у него утомленный вид. – Никаких улучшений. Простите, сэр, но я вынужден вас оставить. Надо отнести лекарства нашим пациентам.

– А я думал, Гай сейчас никого не принимает.

– Однако наши прежние больные требуют от нас лекарств, и я составляю их по рецептам патрона. Еще раз прошу у вас прощения, но я уже опаздываю. Пожалуйста, входите. Мастер Гай будет рад вас видеть. Он не спит.

Поклонившись, Фрэнсис пропустил меня в дом, а сам выкатился на улицу.

Оказавшись в приемной Гая, я окинул взглядом стоявшие на полках склянки, снабженные аккуратными ярлыками, и сосуды, наполненные сушеными травами. По лестнице я поднялся на второй этаж, в спальню. Мой старый друг читал, лежа в постели; в изголовье его висел

старинный испанский крест с распятием. Ныне такие кресты изымали из церквей и сжигали; даже держать его дома было небезопасно, но доктор Малтон оставался убежденным католиком.

Увидев меня, медик улыбнулся. Зубы у него по-прежнему были белыми, но выглядел он скверно. Гай всегда отличался худобой, однако сейчас щеки у него так ввалились, что заострившийся нос казался огромным. Смуглая кожа, которую он унаследовал от своих предков-мавров, приобрела болезненный желтоватый оттенок. Гай и прежде был подвержен лихорадкам, объясняя это тем, что монастырь, в котором он провел большую часть жизни, располагался в болотистой местности с нездоровым климатом; но в последнее время лихорадка трепала его постоянно, даруя лишь краткие периоды отдыха, и я понимал, что бедняга совершенно изнурен.

– Да пребудет с тобой милость Божия, Гай! – произнес я.

– Рад тебя видеть, Мэтью. Вот уж не ожидал, что ты заглянешь сегодня. – Он замешкался, словно бы собираясь сказать что-то еще, но, бросив быстрый взгляд на дверь, ограничился улыбкой.

– Я только что приехал из Хатфилда и решил навестить тебя. Как твоё здоровье?

Гай поднял исхудалую руку и вновь уронил ее на одеяло:

– Слаб, как муха, и постоянно чувствую усталость. И хотя всю жизнь я считал себя неплохим медиком, однако не представляю, как лечить свою собственную хворь. – Губы его вновь тронула улыбка. – Чтение – вот все, что мне осталось. – Он повернул книгу обложкой вверх, и я увидел, что это «Диалог об утешении в невзгодах», сочинение Томаса Мора. – Знаю, ты никогда его не жаловал, но этот человек создал великое учение.

– А также вошел в историю как грозный враг еретиков, без колебания отправлявший их на костер.

То был наш давний спор. Взяв книгу из рук Гая, я пробежал глазами страницу, на которой он остановился.

«Благоденствие богатого человека является источником благоденствия бедного», – прочел я.

Мне была хорошо знакома эта теория, согласно которой состоятельные люди, богатея, позволяют бедным питаться крохами своего богатства. Однако двадцатипятилетний опыт работы адвокатом убедил меня в обратном: растущее благоденствие одних людей зачастую лишает других последних источников существования. Я вытащил из кармана сложенный вчетверо листок:

– Посмотри-ка лучше вот это. Похоже, автор не согласен с Томасом Мором.

Изучив памфлет, Гай пожал плечами:

– Огораживание пастбищ началось не вчера. Томас Мор многократно выступал против этого.

– Однако, когда кардинал Уолси предложил принять новый закон, запрещающий отдавать овцам плодородные земли, Мор не поддержал его.

– Ох, вам, законникам, лишь бы спорить, – тихонько рассмеялся Малтон. – Увы, Мэтью, сейчас я слишком слаб, чтобы быть тебе достойным соперником.

– Прости. Ты в состоянии вставать?

– Лишь для того, чтобы сходить в отхожее место. Даже сидеть в кресле для меня утомительно. Ну что ж, по крайней мере, я избавлен от необходимости идти в воскресенье в церковь и среди голых стен слушать службу на английском языке. – Он сокрушенно покачал головой. – Вот уж не думал, что Англия когда-нибудь дойдет до такого. – Темно-карие глаза Гая увлажнились слезами.

– Возвращаясь из Хатфилда, я видел церковь, где только что покрасили все росписи, – сообщил я. – Она показалась мне ужасающе пустой, словно бы лишившейся сердца, хотя на стенах и вывели цитаты из Священного Писания.

– Значит, друг мой, ты тоже признаешь, что реформаторы перегнули палку? – вполголоса осведомился Гай.

– Да, признаю.

– А что ты делал в Хатфилде?

– Посещал леди Елизавету.

– А, протестантскую принцессу, – холодно улыбнулся Гай. – Впрочем, нет, она не принцесса, а всего лишь леди. Как и ее сестра Мария. Браки короля Генриха с их матерями признаны недействительными. В отличие от брака с Джейн Сеймур. Никак не возьму в толк, какую цель преследовал ее брат, лорд-протектор, лишив сестер короля титула принцесс.

– Соображения лорд-протектора ведомы лишь ему одному, – пожал я плечами.

– Ты по-прежнему занимаешься приобретением земель для леди Елизаветы?

– Да, Гай. Не далее как в понедельник мне предстоит отправиться в Норидж. По поручению леди Елизаветы.

– В Норидж? – В голосе его прозвучало удивление. – И какого рода поручение ты должен там выполнить?

Я замешкался, но, вспомнив, что интуицию Малтона обмануть невозможно, решил быть откровенным:

– Поручение довольно необычное. Один из Болейнов, дальних родственников леди Елизаветы, обвинен в убийстве. Она хочет, чтобы я провел расследование и удостоверился в том, что с этим человеком поступят по справедливости.

Гай вперил в меня пристальный взгляд:

– Ты давно уже не занимался подобными расследованиями, Мэтью. Если мне не изменяет память, с тех самых пор, как Джек Барак лишился руки.

– На этот раз дело вовсе не такое опасное. По крайней мере, к большой политике оно определено не имеет никакого отношения.

– Молодой Николас поедет с тобой?

– Да. Он полон желания развеяться. И, говоря откровенно, Гай, я тоже рад возможности вырваться из Лондона. Признаюсь, мне ужасно надоело царапать пером по бумаге. Что же касается непосредственно дела, то если говорить кратко – этот человек обвиняется в убийстве своей жены. Предстоит разобраться, справедливо ли это обвинение.

В глазах Гая вспыхнула искорка интереса.

– Не хочешь ли рассказать мне эту историю подробнее? Может, я на время забуду о своей хвори.

Я был рад развлечь больного и с готовностью перечислил все известные мне факты, умолчав лишь о визите Эдит Болейн в Хатфилд. Когда я закончил, Гай откинулся на подушку; сперва я решил, что утомил его своим рассказом, но после догадался, что мой друг погружен в размышления.

– Возможно, когда близнецы были детьми, все их дикие выходки имели одну цель – если не завоевать любовь матери, то хотя бы привлечь ее внимание. Именно поэтому один из них и изуродовал другого.

– Жутковатый способ привлечь внимание.

– А как отреагировала на это мать? Впала в ярость?

– Судя по тому, что мне рассказывали, да. Правда, эта история дошла до меня отнюдь не в пересказе очевидца. Одному Богу известно, где здесь правда, а где вымысел.

– Если мать, увидев своего сына изуродованным, всего лишь разозлилась, то, вполне вероятно, дети решили – проливать кровь легко и просто. – Гай вновь погрузился в задумчивость. – А что собой представляет их отец? Человек, обвиненный в убийстве своей жены?

– Понятия не имею. Знаю только, что он привел в ужас всех соседей, через год после исчезновения законной супруги поселив в своем доме служанку из трактира. С ближайшим

соседом у него давняя распря из-за границ земельного участка. К тому же сама фамилия Болейн по-прежнему воспринимается как позорное клеймо. Все это может сыграть против него на суде присяжных. На следующей неделе мне предстоит лично познакомиться с Джоном Болейном. Может, тогда я пойму, что это за человек.

– Надеюсь, ты вернешься живым и здоровым, – вздохнул Гай.

– Надеюсь, когда я вернусь, ты тоже будешь здоров.

Он вновь вскинул худую смуглую руку и уронил ее на одеяло.

– Похоже, мое паломничество на эту бrenную землю близится к концу. Что ж, оно было достаточно длинным. Как-никак мне уже шестьдесят шесть лет.

– В Библии говорится, что срок жизни человека на земле – семьдесят лет, при большой крепости – восемьдесят.

– Однако не многим удастся прожить так долго, и мы с тобой прекрасно это знаем. Я думаю, мое время пришло. Не хочу видеть, что происходит в Англии. Не хочу видеть, как уничтожается Церковь, которой я отдал свою жизнь.

– Ты отдал свою жизнь не только Церкви, – напомнил я. – Множество больных людей нуждаются в твоей помощи. Должен признаться, в последнее время я часто пренебрегал упражнениями, которым ты меня научил. Боюсь, во время путешествия в Норфолк мне придется расплатиться за это отчаянной болью в спине. Когда вернусь, непременно буду следовать всем твоим советам.

Гай внимательно посмотрел на меня:

– Запомни, в седле тебе нужно сидеть высоко. Не вытягивай вперед шею и не опускай глаза. Знаю, изгиб твоего позвоночника вынуждает тебя смотреть вниз, но старайся гордо вскидывать голову.

– Постараюсь.

Я наклонился и сжал его руку, превратившуюся в кость, обтянутую кожей. На несколько мгновений в комнате повисло молчание, которое нарушил стук в дверь. Гай бросил на меня быстрый взгляд, в котором мелькнуло беспокойство, и крикнул:

– Войдите!

В комнату вошла Тамазин Барак; в одной руке она держала корзинку с продуктами, а другой сжимала ладошку маленького светловолосого мальчика.

– Я купила все, о чем вы просили... – начала объяснять она и осеклась, увидев меня.

Ее миловидное лицо, обрамленное белым чепцом, из-под которого выбивались пряди светлых волос, мгновенно приобрело ледяное выражение, а пухлые губы сжались.

Я не встречал Тамазин в течение последних трех лет; за это время она заметно постарела, у рта и вокруг глаз появились морщинки. Джорджу, ее маленькому сынишке, моему крестнику, вскоре должно было исполниться четыре; он появился на свет незадолго до нашего разрыва. Их младшую дочь я вообще не видел ни разу. Джорджи, вытаращив глазенки, смотрел на меня с откровенным любопытством.

– Да ниспошлет Господь тебе доброго дня, Тамазин, – негромко произнес я.

Она, отвернувшись от меня, как от пустого места, обратилась к Гаю.

– Пойду отнесу все это в кухню, – произнесла Тамми напряженным, лишенным всякого выражения голосом. – Когда Фрэнсис вернется, он приготовит похлебку из мяса и овощей. Мяса совсем немного, цены опять выросли, и у меня не хватило денег на хороший кусок.

– Мэтью зашел неожиданно, – пояснил Гай. – Я не стал говорить ему, что ты согласилась сходить за провизией для меня. Решил, быть может, увидев его...

Тамазин отвела глаза.

– Мне нужно спешить домой, – сказала она, и в голосе ее послышалась дрожь. – Я оставила Тильду на попечение мамы Маррис...

– Ох, Тамазин, Тамазин! – умоляюще воскликнул Гай. – Мэтью скоро уезжает в Норфолк. Я буду счастлив, если вы помиритесь прежде, чем он покинет Лондон. Вспомни, Господь учит нас милосердию и прощению.

Жена Барака упорно молчала.

– Кто этот дядя в черном? – раздался звонкий голосок маленького Джорджа. Он указал на меня пальчиком. – Спина у него согнута. Он что, горбун?

– Тише, Джорджи, – сказала Тамми, притянув сына к себе.

Когда она повернулась ко мне, взгляд ее был по-прежнему исполнен ледяной неприязни.

– Я никогда не смогу простить вам того, что по вашей милости муж мой стал калекой, – процедила она. – Я вспоминаю о вас каждый вечер, когда помогаю Джеку снять жуткое приспособление, которое заменяет ему руку, и смазываю маслом его жалкую култышку. Вспоминаю, когда вижу, как бедняга морщится от боли. И чувствую, что никогда не смогу простить вас, – завершила она дрогнувшим голосом.

– Но Джек сам принял решение, – напомнил Гай.

– Я признаю свою вину. Признаю, что вовлек твоего мужа в опасное дело, – сказал я, глядя на Тамазин в упор. – Но когда-то мы с тобой были друзьями. Неужели впредь мы более не сможем хотя бы общаться вежливо, как подобает воспитанным людям?

– А она вам нужна, моя вежливость? – спросила Тамазин. – Вы хотите, чтобы я расточала любезности, когда сердце мое сжимается от злобы? – Она повернулась к Гаю. – Вам следовало сказать ему, что я скоро приду, и попросить уйти. – Она вновь взглянула на меня. – Так, значит, вы едете в Норфолк?

– Да. В Норидже мне предстоит расследовать одно дело.

– Муж мой тоже будет там, на выездной сессии суда. Надеюсь, вы будете держаться от него подальше. Когда Джек вернется, я непременно спрошу, виделся ли он с вами. И Богом клянусь, ему лучше ответить, что нет. А сейчас мне надо идти на кухню.

Тамми повернулась и вышла из комнаты, увлекая за собой Джорджа, который продолжал на меня таращиться.

Гай, расстроенный и огорченный, откинулся на подушку.

– Жаль, что все так вышло, – вздохнул он. – Тамазин иногда покупает нам продукты, так как бедный Фрэнсис не справляется со всей работой по дому и в аптеке. Я так надеялся, что вы помиритесь... – Он покачал головой. – Зря я упомянул про Норфолк. Совсем забыл, что Джек тоже собирается туда.

Я молчал, обуреваемый противоречивыми чувствами: стыдом, обидой, гневом.

– Тамазин всегда отличалась упрямством, – продолжал Гай.

– Да уж, упрямства ей не занимать, – кивнул я.

– После того как Джек попал в эту переделку, она трясется над ним, как курица над яйцом, – произнес Гай. – Полагаю, это вскоре выведет беднягу из терпения. Надо было предупредить тебя, что Тамми вот-вот вернется, дать тебе возможность уйти. Я поступил как последний эгоист.

– Ты поступил абсолютно правильно.

– Я знаю, вы с Джеком по-прежнему общаетесь, хотя и втайне от Тамазин, – с улыбкой заметил Гай.

– Да, и, несмотря на то что она тут наговорила, я намерен встретиться с Джеком в Норфолке, – признался я.

– Смотри только не втяни его в новую опасную авантюру, – попросил Гай, серьезно глядя на меня.

– Никуда я Барака втягивать не собираюсь, хотя его помощью, возможно, и воспользуюсь.

Гай кивнул. Я заметил, что веки его сами собой опускаются от усталости.

– Не буду больше тебя утомлять, – сказал я. – Надеюсь, через две-три недели мы встретимся вновь.

– Я тоже надеюсь на это, Мэтью.

Я покинул комнату и спустился по лестнице. Проходя мимо кухни, услышал, как Тамазин возится там с продуктами, раскладывая их по полкам. При этом она старалась не поднимать лишнего шума: эта женщина была не из тех, кто дает волю своим чувствам. Поколебавшись мгновение, я резко повернулся и вышел на улицу.

Глава 8

На следующий день, в субботу, я поднялся спозаранку. Стояло чудесное июньское утро, но у меня не было времени наслаждаться им; надо было побывать в Линкольнс-Инн, найти какого-нибудь дружески расположенного ко мне барристера, который возьмет на себя труд вести мои дела, пока я буду находиться в Норфолке. К счастью, подобные услуги в ходу между законниками, особенно во время выездных судебных сессий. К тому же мне предстояло снабдить необходимыми указаниями своего клерка Джона Скелли. Вечером я был приглашен на ужин в дом моего друга Филиппа Коулсвина.

После завтрака управляющий сообщил мне, что ему удалось нанять четырех хороших лошадей, которым предстояло доставить меня, Николаса, Локвуда и нашу поклажу в Норидж. Я от души поблагодарил его. Джон вручил мне письмо, только что доставленное гонцом из Хатфилда. Письмо было от Пэрри.

Приветствую Вас, мастер Шардлейк!

Надеюсь, это письмо попадет к Вам прежде, чем Вы отправитесь в Норфолк. Я заказал комнаты для Вас и мастера Овертона сроком на две недели, начиная с 13 июня, – по моим расчетам, раньше этого дня Вы никак туда не прибудете. Жить Вам предстоит в трактире «Девичья голова», одном из лучших в Норидже. Расположен он поблизости от городского собора, на площади под названием Тумлэнд; неподалеку находится рыночная площадь, а за ней – тюремный замок и Ширхолл, в котором будут проходить заседания суда. Как правило, законники, прибывающие на выездную сессию, останавливаются в трактирах, расположенных на рыночной площади, так что у вас будет возможность избежать слишком тесного общения с ними и оградить себя от лишних слухов и сплетен.

Вчера я имел случай встретиться с мастером Уильямом Сесилом, секретарем лорда-протектора, с которым Вы тоже знакомы. Мы с ним состоим в отдаленном родстве, и я полностью доверяю этому человеку во всех вопросах, связанных с леди Елизаветой. В разговоре с Сесилом я упомянул о деле Болейна и попросил его не доверять слухам, ежели таковые до него дойдут. Я упомянул также, что Вы в скором времени прибудете в Норфолк, дабы провести там частное расследование.

Прошу, по прибытии в Норфолк незамедлительно напишите мне и сообщите, все ли у Вас благополучно.

Ваш преданный друг,

Томас Пэрри

До сей поры я и не знал, что Уильям Сесил приходится Пэрри родственником. Можно было не сомневаться, управляющий леди Елизаветы попросил его сделать все возможное, чтобы слухи о деле Джона Болейна не достигли ушей лорда-протектора. Из письма явствовало, что Пэрри снял для нас комнаты на постоялом дворе, расположенном в некотором отдалении от трактиров, где будут жить прочие юристы. Его желание держать наше дело в секрете было мне понятно, однако я понимал и другое: невозможно провести расследование с тщанием, которого требовала леди Елизавета, и при этом остаться в тени. Запечатанную просьбу о помиловании, которую она вручила мне, я поначалу хотел оставить дома, заперев в одном из ящиков комода, но потом все же решил взять с собой. Оставалось надеяться, что дать ей ход не придется.

Утро я провел в Линкольнс-Инн. К счастью, мне удалось без труда найти коллег, готовых взять на себя ведение моих дел. Договорившись с ними, я отправился в свою контору, где вручил Джону Скелли лист бумаги, исписанный указаниями. Николас тоже был там, заканчивая свои дела.

– Небось с нетерпением предвкушаешь нынешний вечер? – обратился я к нему.

– Еще бы, сэр! С вашей стороны было чрезвычайно любезно попросить мастера Коулсвина пригласить на ужин семейство Кензи.

– Догадываюсь, тебе не терпится увидеть прекрасную Беатрис.

Щеки Николаса слегка вспыхнули, а Скелли ниже склонился над бумагами, пряча улыбку. Беатрис Кензи, как я уже упоминал, была мне не слишком по душе; но я не собирался препятствовать семейному счастью своего помощника, который, судя по всему, влюбился в эту девушку по уши.

– Вам известно, кто еще будет на ужине? – спросил Николас.

– Полагаю, только сами хозяева – Филипп Коулсвин и его супруга, мы с тобой и семейство Кензи. Да, еще, конечно, старая матушка Филиппа, которая теперь живет вместе с ними.

– А мастер Коулсвин не пригласил какую-нибудь леди, способную возбудить ваш интерес?

– Нет. Пару мне может составить только его старуха-мать. Но ей, насколько я помню, далеко за семьдесят.

Филипп был верным и надежным другом; мы познакомились с ним, когда представляли враждующие стороны в одном весьма неприятном деле, и он зарекомендовал себя как человек чрезвычайно честный и не чуждый милосердию и состраданию. Будучи сам убежденным протестантом, Коулсвин неизменно проявлял терпимость и понимание, когда дело касалось религиозных взглядов других людей. Филипп был близко знаком с отцом прекрасной Беатрис, тоже барристером; со свойственной ему добротой он согласился пригласить нас всех на ужин, предоставив Николасу возможность провести время в обществе предмета своих воздыханий.

Ужин был назначен на шесть часов вечера; я пешком проделал путь от своего дома до дома Коулсвина на Литтл-Бритн-стрит, поблизости от Смитфилдской площади. Дом моего друга стоял в ряду других старых зданий; крыши их, снабженные выступающими козырьками, давали желанную тень, защищая от солнца, которое сейчас, несмотря на вечернее время, по-прежнему палило. Лето, судя по всему, наконец-то вступило в свои права.

До того как отправиться на ужин, я занимался укладкой вещей и бумаг, которые намеревался взять в Норидж. В руки мне попало последнее письмо, которое я получил от своей прежней служанки, Джозефины. Насколько я помнил, в нем она сообщала, что ждет ребенка и что для них с мужем настали нелегкие времена. Тогда я послал ей немного денег; с тех пор прошло уже шесть месяцев, однако Джозефина более не подавала о себе весточки. Я взглянул на адрес на конверте: «Пит-стрит, неподалеку от церкви Святого Михаила; Кослани, Норидж». Где это, я понятия не имел. Вспомнив, где предстояло поселиться мне самому, я невольно поежился: Пит-стрит, площадь Тумлэнд – ни одно из этих названий, прямо скажем, не внушало оптимизма³.

Я немного опоздал и прибыл на званный ужин последним. Памятуя о том, что в протестантских домах пышные наряды не в чести, я надел скромный коричневый дублет, единственным украшением которого служили шелковые шнуры с серебряными наконечниками, а поверх набросил летнюю шелковую мантию. Войдя в гостиную, я убедился, что Филипп, поднявшийся мне навстречу, одет еще более скромно: тесный его дублет оживлял лишь белый воротник рубашки. Он отрастил длинную бороду, весьма популярную среди религиозных радикалов.

³ *Пит* (англ. Pit) – выгребная яма; *Тумлэнд* (англ. Tombland) – букв. «земля могил/гробниц, мертвая земля» (англ.).

- Да ниспошлет вам Господь доброго вечера, Мэтью, – произнес он, пожимая мою руку.
- Простите за опоздание.
- Не стоит извинений, тем более что опоздали вы совсем немного.

Супруга хозяина, Этельреда, подойдя, приветствовала меня реверансом. Этой привлекательной светловолосой даме, как и ее мужу, было около сорока лет. На ней было коричневое платье, волосы убраны под голубой французский чепец. Она совсем не походила на ту смертельно напуганную, изможденную женщину, с которой я познакомился три года назад. Охота за протестантскими еретиками, которую вел старый король, достигла тогда наивысшего накала.

- Этельреда, вы прекрасно выглядите. Как поживают ваши дети?

– Растут с невероятной быстротой и, конечно, без конца выдумывают новые проказы. Но у нас хороший домашний учитель, который умеет держать озорников в узде.

- «А вот с братьями Болейн не смог ужиться ни один наставник», – невольно припомнил я.

– Входите же, Мэтью, – продолжала Этельреда. – Познакомьтесь с матушкой моего супруга.

Пожилая дама с седыми волосами, убранными под остроконечный головной убор, сидела в кресле; на ее круглом, изборожденном морщинами лице застыло выражение недовольства.

– Матушка, это адвокат Мэтью Шардлейк, наш добрый друг, – представила меня Этельреда. – Моя свекровь миссис Маргарет Коулсвин.

Старая дама устремила на меня въедливый взгляд и криво улыбнулась:

– Вижу, голова ваша так же убелена сединой, как и моя. Теперь у молодых людей вошло в привычку выставлять свои волосы напоказ, скромные головные уборы более не в моде.

К нам подошел Эдвард Кензи, пятидесятилетний барристер, мой коллега по Линкольнс-Инн; и в религиозной, и в политической сфере он придерживался консервативных взглядов, но при этом ко всему на свете, включая закон, относился с неисправимым цинизмом. Более всего мастер Кензи любил вкусную еду, хорошее вино и занимательную беседу. Мне несколько раз доводилось встречаться с ним, и, несмотря на различие во мнениях, я проникся к этому человеку симпатией. На нем была мантия барристера, из-под которой выглядывал красный шелковый дублет; воротник рубашки украшала затейливая вышивка. Почтенная миссис Коулсвин неодобрительно нахмурилась, давая понять, что подобное щегольство ей не по вкусу. Однако Кензи был слишком жизнерадостен, чтобы обращать внимание на сердитые гримасы старухи; расплывшись в улыбке, он пожал мою руку.

– Брат Шардлейк, давненько мы не встречались с вами в суде! – воскликнул он. – Как видно, вы по горло заняты делами леди Елизаветы. Мастер Овертон рассказал моей дочери, что в понедельник вам предстоит отправиться в Норфолк по ее поручению.

– Да, скоро мы покинем Лондон.

Я отыскал глазами Николаса, который оживленно беседовал с Беатрис Кензи. Мой помощник был без мантии, но зато вырядился в зеленый атласный дублет с черным поясом, украшенным позолоченной пряжкой. И дублет, и пояс, несомненно, стоили ему немалых денег. Беатрис, в голубом платье с высоким стоячим воротником, с драгоценным кулоном на шее, выглядела очаровательно. Волосы у нее были темные, как и у отца, а лицо покрывал толстый слой пудры. Она внимала Николасу, вся превратившись в слух, чуть жеманно оттопырив нижнюю губку. Про себя я отметил, что именно это жеманство настраивает меня против нее; возможно, я был несправедлив к Беатрис, но мне всегда нравились умные, решительные женщины, а не легкомысленные кокетки. Поблизости от молодых людей, откровенно прислушиваясь к их разговору, стояла дама средних лет, настолько похожая на Беатрис, что не оставалось никаких сомнений – это ее мать. На миссис Кензи было ярко-желтое платье с черными рукавами, вместо чепца на седеющих волосах примостилась модная шляпка.

Кензи подвел меня к ней:

– Моя супруга Лаура. Дорогая, позволь представить тебе барристера Мэтью Шардлейка, патрона Николаса.

Дама присела в реверансе; напряженное выражение лица, с которым она прислушивалась к разговору молодой пары, несколько смягчилось.

– Ах, сержант Шардлейк, я так много о вас слышала! – произнесла она преувеличенно любезным тоном. – Муж рассказывал, что прежде вы служили покойной королеве Екатерине, упокой Господь ее душу, а ныне служите леди Елизавете.

– Совершенно верно, хотя в прошлом я трудился также и в Палате прошений.

– Уж конечно, вы всегда сможете получить выгодные дела благодаря своим обширным связям! – Она оглянулась на Николаса и Беатрис. – И без сомнения, работая под вашим началом, молодой Овертон тоже сумеет приобрести необходимые знакомства.

В ее светло-голубых глазах светился откровенный расчет. Прежде я никак не мог понять, почему преуспевающий состоятельный барристер позволяет молодцу без гроша в кармане ухаживать за своей дочерью; теперь в голове моей забрезжила догадка. Причина, скорее всего, коренилась в миссис Кензи; имена моих патронесс внушали этой даме благоговение, и она рассчитывала, что благодаря мне Николас будет со временем вращаться в кругу сильных мира сего. Я взглянул на Беатрис, которая самозабвенно внимала рассказу юноши о визите в Хатфилд. Мысль о том, что юная особа, возможно, руководствуется теми же соображениями, что и ее матушка, кольнула мне сердце.

Увидев слугу, появившегося в дверях, Филипп громко хлопнул в ладоши:

– Идемте, друзья, нас ждет ужин!

Мы прошли в столовую, к изысканно накрытому столу, расселись и заправили салфетки за воротники. Рядом со мной сидела Лаура Кензи, с другой стороны, во главе стола, – Филипп. Напротив меня с помощью слуги уселась старая миссис Коулсвин. После молитвы Филипп предложил тост за «короля, нашего маленького кормчего». Слуги подали первую перемену блюд – салат, вареные яйца, сыр, а также хлеб и масло.

– Впервые в этом году мы за ужином можем обойтись без свечей, – заметил хозяин дома.

Действительно, света, льющегося из окна, которое выходило в небольшой ухоженный сад, было вполне достаточно.

– Весна в этом году выдалась на редкость холодная, – продолжал Коулсвин. – Боюсь, это предвещает плохой урожай. А значит, бедняки станут еще беднее.

– Такая уж у них участь, – пожал плечами Эдвард Кензи. – В любом государстве есть бедные. Так было всегда, и так будет до скончания веков.

– Но не всегда простым людям приходится страдать так, как сейчас, – возразил Филипп. – На пенни нынче дают хлеба в два раза меньше, чем два года назад.

Коулсвин был горячим поборником государства общего блага, ратовал за кардинальные реформы как в обществе, так и в религии; подобно мне, он был убежден, что первейшая обязанность правительства – искоренить злоупотребления, которые привели к обнищанию огромного числа граждан. В поисках поддержки он повернулся ко мне.

– Да, цены сейчас растут как на дрожжах, – кивнул я. – В отличие от доходов крестьян и ремесленников.

– Цены растут для всех, – резонно заметила Лаура Кензи. – И женщинам вроде меня становится все труднее вести хозяйство. Или взять хоть моего брата, которому принадлежит несколько домов у Епископских ворот. Жизнь неуклонно дорожает, а плата, которую он получает от арендаторов, остается такой же, как и несколько лет назад. Разве это справедливо? – Повернувшись ко мне, она добавила, слегка вспыхнув: – Простите, что возражаю вам, сержант Шардлейк.

– Вам не за что просить извинения, сударыня. Вы имеете такое же право высказывать свое мнение, как и я.

– Кто-нибудь собирается завтра в собор Святого Павла, послушать, как архиепископ Кранмер будет служить по новой «Книге общих молитв»? – спросила Этельреда, решив направить разговор в иное русло.

– Мои жена и дочь хотят посетить часовню при Линкольнс-Инн, а я, скорее всего, пойду в собор Святого Павла, – безразличным тоном сообщил Эдвард Кензи. – Первая служба по «Книге общих молитв» – вне всякого сомнения, историческое событие.

Вспомнив о репутации сторонника религиозных традиций, которой пользовался Кензи, я взглянул на него с откровенным удивлением. Он не моргнув встретил мой взгляд:

– А вы намерены быть в соборе, брат Шардлейк?

– Да. Как вы справедливо изволили заметить, это и впрямь историческое событие.

– Наверное, в прежние времена вам доводилось выполнять поручения архиепископа? – спросила Лаура Кензи, чье благоговение перед первыми людьми королевства было куда сильнее религиозных убеждений.

– Да, во времена прежнего короля, – кивнул я. – Как бы кто ни относился к архиепископу Кранмеру, вне всякого сомнения, человек он искренний и честный.

Этельреда, просияв, подхватила:

– На прошлой неделе мы всей семьей ходили слушать проповедь епископа Латимера. Он говорил о том, что наше государство поражено тяжелым недугом и единственное средство, которое может ему помочь, – стремление ко всеобщему благу и справедливости.

– Ты все перепутала, Этельреда! – раздался скрипучий голос Маргарет Коулсвин. – Поистине, мозгов у тебя не больше, чем у блохи. Мастер Латимер сказал, что нам нужны реформы, это верно. Но этой теме он посвятил десять минут, а проповедь его длилась два часа. Больше всего он говорил об истинных бедах Англии: о приверженности людей плотскому греху, распутству и азартным играм. О том, что нам никак не удастся вырвать с корнем остатки папизма. А в заключение он предал проклятию всех мятежников, которые восстают против своих землевладельцев.

Старуха обвела сидевших за столом горящим взглядом, словно бы приглашая к жаркой схватке.

Этельреда залилась краской.

– Матушка... – предостерегающе начал Филипп.

– Сторонники идей всеобщего благоденствия и сочинители памфлетов, разумеется, станут цитировать только то, что епископ Латимер сказал о земельных реформах, – откашлявшись, произнес Эдвард Кензи. – И уж конечно, при этом изрядно исказят смысл его слов. Надеюсь, епископ Латимер не предавал проклятию вкусные ужины, иначе все мы, собравшиеся здесь, обречены гореть в адском пламени. Впрочем, по мнению этого достойного проповедника, большинству из нас так или иначе предстоят адские муки, причем обстоятельство сие, судя по всему, его только радует. Яичный соус просто восхитителен, Филипп.

Дамы напряженно захихикали, только старая миссис Коулсвин сидела с каменным лицом.

– Хотя, по моему мнению, Латимер совершенно прав, осуждая тех крестьян, которым вздумалось устраивать мятежи, – продолжал Эдвард Кензи уже другим, более серьезным тоном. – Я слышал, недавно беспорядки вспыхнули в Уилтшире. Крестьяне попытались разорвать ограду, которую сэр Уильям Герберт возвел вокруг своего нового парка. Пришлось вызвать более двух сотен солдат, чтобы обратить бунтовщиков в бегство. Как вы понимаете, без кровопролития не обошлось. – Он вновь встретился со мной взглядом. – Кстати, супруга Герберта – родная сестра покойной королевы Екатерины. Вы что-нибудь слышали об этом мятеже?

– Нет. И с семейством Герберт мне довелось встретиться всего один раз в жизни, – осторожно заметил я. – Полагаю, возмущение, которое испытывают крестьяне, вполне понятно. Простым людям трудно смириться с тем, что огромный участок плодородной земли зарастает лесом, где высокородный лорд и его гости развлекаются охотой. Страсть землевладельцев

к паркам оборачивается для арендаторов новой бедой. Мы, сторонники государства общего блага, считаем подобное положение вещей недопустимым.

– Я постоянно слышу об этом пресловутом общем благе, но никак не могу взять в толк, что, собственно, означают эти слова, – заявил Кензи, в упор глядя на меня.

– Единство нации, экономическое равновесие, предполагающее, что даже самые бедные слои населения будут иметь достаточные средства к существованию.

– В апреле лорд-протектор издал указ, запрещающий незаконные огораживания пахотных земель, – вступил в разговор Филипп. – Насколько мне известно, он поручил Джону Хейлзу создать специальную комиссию, которая этим летом проедет по всей Англии и уничтожит все незаконные пастбища, огороженные с тысяча четыреста восемьдесят пятого года. Наконец-то будут ликвидированы многие застарелые злоупотребления.

Поразмыслив, я произнес:

– Да, злоупотреблений в прошлом творилось немало, но еще больше их сейчас, когда общинные земли превращаются в пастбища. – Я невольно вспомнил о том, что происходило в Бриквелле. – Что касается того, возможно ли уничтожить все незаконные пастбища, устроенные аж с тысяча четыреста восемьдесят пятого года... – я сокрушенно покачал головой, – то для подобной работы потребуется сотня законников, которые посвятят этому несколько лет. К тому же крупные землевладельцы вряд ли легко смирятся с тем, что участки, которые они привыкли считать своими, будут возвращены в общинное пользование. Полагаю, вскоре после отъезда комиссии они с помощью магистратов вернут себе утраченные земли. Увы, благой замысел лорда-протектора не назовешь досконально продуманным. Его стремление к серьезным реформам не может не радовать, но в подобных вопросах необходимо действовать согласно тщательно разработанному плану.

– Любопытно, как члены комиссии узнают, какие земли принадлежали общине пятьдесят лет назад, если все документы утрачены? – спросил Кензи.

– Возможно, они будут опираться на свидетельства пожилых людей, которые помнят прежние времена, – предположил Коулсвин.

– Человеку, который был взрослым в тысяча четыреста восемьдесят пятом году, сейчас должно быть около восьмидесяти лет. Если он вообще дожил до наших дней, – усмехнулся Эдвард.

– Но дети наверняка помнят рассказы своих родителей и...

– Ерунда, Филипп! – нетерпеливо махнул рукой Кензи. – Вы сами понимаете, что суд не может опираться на подобные свидетельства. И кто они, эти люди, которых будут опрашивать члены комиссии? Мелкие арендаторы и наемные работники! Неужели им решать, кому должны принадлежать земли в Англии? Неужели их мнение важнее мнения крупных землевладельцев? Лорд-протектор Сомерсет хочет, чтобы политические дела вершили руки и ноги, а вовсе не голова. Но это противоречит всем законам, природным и Божеским!

– Единственное, к чему стремится лорд-протектор, – это быть справедливым, – веско произнес Филипп.

– Он желает сохранить свою репутацию Доброго Герцога, друга и защитника бедняков! – возразил Кензи. – Но уверен, в действительности его волнует лишь завоевание Шотландии.

– Порой мне кажется, что, если руки и ноги принимают участие в политических делах, это не так уж и плохо, – позволил себе заметить я. – И в любом случае голове следует заботиться о том, чтобы руки и ноги были здоровы и невредимы.

Старую Маргарет Коулсвин мое заявление привело в ужас.

– Вы что, отрицаете общественный порядок, заведенный Господом? – проскрипела она. – Подобно вам, сэр, рассуждали анабаптисты, которые хотели низвергнуть весь мир в пучину анархии и разрушения!

– Помню, года три назад религиозные консерваторы называли анабаптистами всех без исключения протестантов, – изрек я с ледяной улыбкой. – Странно, что ныне обвинения в анабаптизме в ходу у убежденных реформаторов. Насколько мне известно, миссис Джоан Бошер обвинили в анабаптистской ереси. Думаю, сейчас ею занимается лорд-канцлер Рич, тот самый, что подверг пыткам Энн Аскью. Возможно, миссис Бошер тоже отправят на костер. Удивительно, как повернулось колесо судьбы.

Старуха ничего не ответила, лишь метнула в меня злобный взгляд. В комнате повисло напряженное молчание. Тут, к великому нашему облегчению, подали вторую перемену блюд: ростбиф с пряными травами и цыпленок в лимонном соусе. Все с оживлением принялись за еду.

– Благодарю вас за прекрасный ужин, миссис Коулсвин! – провозгласил Эдвард Кензи. – Угощение удалось на славу.

– Рада слышать. Сейчас так трудно достать необходимую провизию, все невероятно дорого, да и прилавки опустели. Говорят, купцы намеренно придерживают товары, чтобы продать их, когда цены взлетят еще выше.

– Не сомневаюсь, что так оно и есть, – кивнул Кензи. – Думаю, каждый сидящий за этим столом согласен с тем, что рост цен – это весьма серьезная проблема. – Он обвел всех взглядом. – Но в чем корень этой проблемы, вот вопрос? Да, конечно, торговцы придерживают товары, и это влечет за собой их дальнейшее подорожание. Но главная причина роста цен – снижение реальной стоимости денег. Не случайно в этом году, когда государство два раза чеканило новые монеты, цены взлетели, как никогда прежде. Война с Шотландией – это настоящая пропасть, в которую улетают все государственные деньги. И ведь всякому здравомыслящему человеку ясно: никаких шансов на победу у Англии нет. Шестилетняя Мария, королева Шотландская, сейчас во Франции. Она никогда не станет супругой короля Эдуарда. Французские войска уже в Шотландии и готовы защищать ее границы. Но лорд-протектор намерен продолжать эту обреченную на провал войну, невзирая на все невзгоды, которыми сие чревато для Англии.

– И все же, сэр, Англия должна отстаивать свои интересы! – подал голос Николас, сидевший на дальнем конце стола. – Всякий раз, когда дело доходило до войны с Францией, Шотландия наносила нам удар с тыла. Если Шотландия будет в нашей власти, мы обезопасим заднюю дверь в свой дом.

– Тем не менее война, которую затеял лорд-протектор, стала для нас настоящим бедствием! – раздраженно процедил Кензи. – Форты, построенные Сомерсетом, падают, как карточные домики. Все его упования на поддержку шотландских протестантов оказались напрасными. Английские солдаты дезертируют целыми отрядами. Поверьте, мастер Овертон, эта злополучная война – корень всех наших проблем. Серебро, необходимое для чеканки монет, уходит на военные расходы. Уменьшать количество серебра в монетах начал еще король Генрих, но по сравнению с тем, что творит лорд-протектор, это сущие пустяки!

– Я вовсе не согласен с тем, что война с Шотландией обречена на поражение, – заявил Николас. – Сейчас Англия как раз готовит новое наступление, и уверен, оно будет успешным.

– На прошлой неделе я видела, как по улицам Лондона проходил отряд швейцарских наемников, – сообщила Этельреда. – Все они были закованы в латы и вооружены арбалетами.

– Я тоже их видел, сударыня! – подхватил Николас; лицо его аж светилось от возбуждения, в которое молодых людей неизменно приводят разговоры о войне. – Впечатляющее зрелище!

– Я бы сказала, пугающее зрелище, – негромко поправила Этельреда. – Неизвестно, чем все это обернется для нас.

– Но они принесли присягу королю! – напомнил Николас.

– Они принесут присягу любому, кто им заплатит, – вступил в разговор я. – В этом вопросе я совершенно согласен с мастером Кензи.

– Уважающей себя нации не следует бояться войны, – отчеканил Николас.

Я бросил взгляд на Беатрис, сидевшую напротив Николаса. Не проявляя ни малейшего интереса к спору о войне, девушка вполголоса беседовала с Этельредой Коулсвин. Смотрела она только на свою собеседницу, не поворачивая головы к Николасу, и, следовательно, лишала его возможности принять участие в разговоре. По-моему, то был очередной прием женского кокетства; по расчетам Беатрис, Овертон, удостоившись наконец ее милостивого взгляда, должен был преисполниться чувства благодарности.

– А вы что думаете о войне, очаровательная мисс Беатрис? – спросил я. – Вы согласны с вашим отцом? Или же вам ближе мнение мастера Николаса?

Беатрис, смущенная и растерянная, вспыхнула и повернулась к своей матери.

– Моя дочь не имеет своего мнения по поводу столь серьезных политических дел, – со снисходительной улыбкой ответила Лаура Кензи. – Она воспитана в убеждении, что молодым девицам не стоит ломать себе голову над вопросами, которые находятся за пределами их разума.

На лице Беатрис мелькнуло облегчение.

– Да, Николас, разум у меня девический, и с этим ничего не поделаешь. – Метнув на меня откровенно враждебный взгляд, она вновь повернулась к нему и беззаботно прошептала: – Давайте прекратим разговор о войне. Подобные споры наводят лишь скуку и страх. А я так беспокоюсь за вас, ведь на следующей неделе вам предстоит отправиться на север.

– Всего лишь в Норфолк, мисс Беатрис, а это весьма далеко от Шотландии, – любезно заверил ее Николас.

В глубине души я не сомневался, что Беатрис, несмотря на свой девический разум, прекрасно осведомлена об этом обстоятельстве. Овертон слегка коснулся пальцами ее руки. Красавица лучезарно улыбнулась, словно приглашая всех сидевших за столом посмеяться над своей очаровательной глупостью.

«Нет, милая моя, похоже, ты вовсе не глупа», – подумал я.

– Мне так жаль, что вы уезжаете, Николас, – продолжала Беатрис. – А вдруг, вернувшись, вы станете изъясняться на местном наречии и я не сумею вас понять?

– Что ж, по крайней мере, мы научили свою дочь говорить так, как принято в высших кругах, – изрекла Лаура Кензи.

Судя по всему, чувство юмора не входило в число достоинств этой дамы, что меня ничуть не удивило; согласно моим наблюдениям, достоинство сие чрезвычайно редко уживается со спесью и чванством.

– Наречие, на котором говорят в Норфолке, не слишком сильно отличается от лондонского, – заметил я. – В конце концов, Норидж не такое уж захолустье. Это второй по величине город в Англии.

– К тому же там есть очень красивые здания, – подхватил Эдвард Кензи. – Например, кафедральный собор и городская ратуша.

– Вам доводилось там бывать? – спросил я.

– Да, много лет назад я занимался одним делом, которое привело меня в Норидж. По слухам, в последнее время город этот переживает упадок.

Тут Филипп напомнил, что близится вечерний звон; появляться на улицах после десяти было строжайше запрещено. Мы поднялись из-за стола; думаю, никто не сожалел об окончании ужина, прошедшего в столь напряженных спорах. За окнами сгущалась темнота; пришлось зажечь свечи. Филипп приказал своему управляющему нанять мальчиков-факельщиков, которые проводили бы нас домой. Ожидая, когда они появятся, мы вышли на свежий воздух. Эдвард Кензи подошел ко мне.

– Занятный сегодня выдался вечер, брат Шардлейк, – произнес он. – Я рад, что мы с вами согласны во взглядах на войну. Но скажите, неужели вы действительно считаете, что существующий общественный порядок необходимо изменить? Неужели вы, в отличие от всех прочих джентльменов, не опасаетесь разбушевавшейся черни? Неужели вы ходите по улицам в одиночестве, а не только в сопровождении вооруженного мечом помощника? Не отводите полный отвращения взгляд, когда нищие тянут к вам руки, демонстрируя язвы и раны, в большинстве своем поддельные?

– Признаюсь, брат Кензи, я действительно отвожу взгляд от нищих, но со стыдом, а не с отвращением. Наверное, тот, кто отворачивается от чужих язв, не имеет права рассуждать о всеобщем благоденствии. И все же я не могу не сознавать, что в нашем обществе слишком много несправедливости.

Кензи ничего не ответил; он с улыбкой наблюдал, как Овертон, прощаясь с Беатрис, целует ей руку и рассыпается перед девушкой в любезностях.

– Молодой Николас – славный малый, – проронил Кензи. – Хотя, бесспорно, он излишне дерзок. – Эдвард пристально посмотрел на меня; глаза его блеснули в свете свечей, льющемся из окон дома. – Ваши связи в высшем обществе совсем вскружили голову моей жене. Вы ведь когда-то служили у лорда Кромвеля, не так ли?

– Говорить о моих связях в высшем обществе означает грешить против истины, мастер Кензи. Никаких высокопоставленных покровителей у меня нет и сроду не было. Я всего-навсего помощник мастера Пэрри, управляющего двором леди Елизаветы.

– Для того чтобы произвести впечатление на Лауру, этого вполне достаточно, – усмехнулся Кензи.

Скорее всего, его совершенно не волновало, насколько глубоки чувства, возникшие между Николасом и его дочерью; до тех пор пока жена ничего не имела против ухаживаний молодого человека, он тоже не собирался возражать. Я прислушался к долетавшему до меня разговору. Лаура Кензи выражала надежду, что Николас, вернувшись из Норфолка, пожелает к ним на семейный обед.

– О да, мы с нетерпением будем вас ждать! – подхватила Беатрис, лаская Николаса взглядом огромных глаз.

Этот нежный взгляд показался мне фальшивым; Овертон, разумеется, был иного мнения. Но влюбленные, как известно, слепы.

Глава 9

Праздник Святой Троицы пришелся в этом году на девятое июня. С этого дня службы во всех церквях должны были вестись по новой «Книге общих молитв». Утром я надел мантию и сержантскую шапочку и, захватив с собой пресловутую книгу, отправился в собор Святого Павла. Идти мне пришлось в одиночестве. Николас всеми правдами и неправдами старался избегать церковных служб; что касается Джона Гудкола, то в ответ на предложение присоединиться ко мне управляющий слегка смутился и заявил, что он и его жена предпочли бы пойти в ту церковь, которую посещают каждое воскресенье. Я не стал настаивать. Для себя я решил, что подобное историческое событие пропустить невозможно.

Проходя под воротами Темпл-Бар, я вспоминал вчерашний вечер. Возможно, недоверие, которое внушала мне Беатрис Кензи, не имело под собой ни малейших оснований. Мы с этой девушкой были едва знакомы, и, уж конечно, я был не вправе одобрять или не одобрять выбор Николаса. Тем не менее, решил я, во время нашего пребывания в Норфолке стоит осторожно расспросить молодого человека, каковы его намерения относительно Беатрис.

Я миновал Ладгейт; величественный шпиль собора Святого Павла уже маячил впереди. Вокруг ворот, как всегда, толпились нищие. Оборванные дети протягивали свои худые как палочки ручонки; калеки, лишенные той или иной конечности, уверяли, что получили увечья на войне. Вспомнив свой вчерашний спор с Эдвардом Кензи, я вытащил кошелек и дал шиллинг прозрачной от худобы маленькой девочке. Сопровождаемый криками «Сэр, подайте и нам тоже, мы умираем с голоду!», я поспешно зашагал прочь, опасаясь, что нищие увяжутся следом, и сожалея, что со мной нет провожатого.

Когда я пришел в собор, служба еще не началась. Войдя, я увидел, что вдоль стен на равных расстояниях стоят солдаты королевской гвардии. Все первые лица города уже собрались: лорд-мэр Эмкоут и лондонские олдермены в красных мантиях; главы торговых гильдий в разноцветных плащах; члены Тайного совета в мантиях, отороченных мехом, с тяжелыми золотыми цепями на шее. Разумеется, здесь были Ричард Рич, на изможденном лице которого застыло неизменное суровое выражение, и недавно получивший дворянство Уильям Паджет, чье грубое широкое лицо, казалось, стало еще шире, а длинная раздвоенная борода – еще длиннее. Неподалеку от него стоял брат Екатерины Парр, маркиз Нортгемптон, которого я узнал по ярко-рыжей бороде, обрамлявшей худое вытянутое лицо; он лениво перелистывал свой молитвенник. До чего же этот человек не похож на свою сестру, невольно отметил я. Парр пользовался репутацией человека недалекого, хотя и обладавшего изысканными манерами; своим стремительным карьерным взлетом он был обязан исключительно родству с покойной королевой. Я заметил и Уильяма Сесила; на узком его лице застыло напряженное выражение, а пронзительный взгляд был устремлен в толпу. Встретившись со мной глазами, он едва заметно кивнул. Я кивнул в ответ, вспомнив тот невероятно холодный, тревожный январский день, когда пути наши в очередной раз пересеклись. Филипп Коулсвин сидел на скамье рядом с женой и дочерью, но они расположились в дальнем конце нефа, так что нас разделяла толпа.

Но вот главная дверь распахнулась; все взгляды устремились на процессию священнослужителей, направлявшихся к алтарю. Шествие возглавлял Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский; длинная седая борода и умные голубые глаза придавали ему особенно благообразный вид, а желтоватое лицо было исполнено спокойной властности; в руках он держал «Книгу общих молитв».

Поднявшись на кафедру, Кранмер начал праздничную службу, выговаривая каждое английское слово с особой ясностью и звучностью. В тексте новой службы прославление святых отсутствовало. Собравшиеся украдкой переглядывались, словно ожидая, что кто-нибудь

вот-вот возвысит голос в защиту старой привычной латыни; но все шло своим чередом. Когда богослужение приблизилось к своей кульминации – «вечере Господней и Святому причастию, обычно называемому мессой», как осторожно выражалась новая богослужебная книга, – царившее в соборе напряжение достигло наивысшего накала. Во время чтения приуготовительных молитв не было произведено никаких действий, знаменующих подготовку к причастию, – ни омовения рук, ни крестных знамений, ни благословений. Архиепископ, подняв чашу с хлебом и вином, принялся читать нараспев, по-прежнему на звучном и отчетливом английском: «Дозволь нам, Господь Милосердный, вкусить плоти возлюбленного Сына Твоего Иисуса Христа и испить Его крови во время сего великого таинства, дабы мы пребывали в Нем, а Он – в нас».

Да, с начала и до конца богослужения каждое слово действительно было произнесено по-английски. Я огляделся вокруг. Множество лиц светилось от счастья, но наряду с ними встречались также печальные и хмурые; тишина в соборе стояла такая, что, урони кто-нибудь булавку, это услышали бы все. Когда служба завершилась и Кранмер сошел с кафедры, толпа наконец пришла в движение; раздались вздохи, зашуршали одежды; люди оглядывались на соседей, наблюдая за их реакцией. Придав своему лицу непроницаемое выражение, я вслед за прочими двинулся к выходу.

Двое мужчин, тоже в адвокатских мантиях, пробирались ко мне сквозь толпу. В том, что был ниже ростом, я узнал Сесила. Вслед за ним шел человек лет сорока, высокий и плотный; его чисто выбритое лицо казалось бы красивым, если бы не надменное выражение глубоко посаженных карих глаз и рта с недовольно опущенными уголками. Незнакомец смерил меня презрительным взглядом, словно перед ним стоял нечистый на руку торговец, которого он собирался обвинить в мошенничестве.

Сесил, напротив, расплылся в улыбке и пожелал мне доброго утра. Щеки его, обрамленные жидкой бородкой, разругались, а глаза светились воодушевлением.

– Ну, сержант Шардлейк, какое впечатление на вас произвела новая служба? – осведомился он.

– Мы стали свидетелями великих перемен, – уклончиво ответил я.

Спутник Сесила слегка нахмурился, и я догадался, что он не разделяет энтузиазма молодого секретаря. Уильям, сменив свой восторженный тон на деловой и сдержанный, представил нас друг другу:

– Адвокат Шардлейк, познакомьтесь с сэром Ричардом Саутвеллом. Он вскоре станет членом Тайного совета и помогает леди Марии выполнять обязанности верховного феодала в Норфолке. Насколько мне известно, завтра вы отправляетесь именно в те края. Полагаю, знакомство с сэром Ричардом будет для вас нелишним.

Я поклонился, Саутвелл удостоил меня едва заметного кивка. Я вспомнил, что Пэрри упоминал о своем недавнем разговоре с Сесилом. Несомненно, Уильям, представляя нас друг другу, преследовал какую-то цель.

– Мне сообщили, что вы собираетесь заниматься делом Джона Болейна, – изрек Саутвелл высокомерным тоном, вполне соответствующим выражению его лица. – Полагаю, вы лишь впустую потратите время. Нет никаких сомнений в том, что этот человек виновен и будет отправлен на виселицу, – процедил он, натягивая перчатки на свои крупные мясистые руки.

– Пока мне мало что известно об этом деле, сэр Ричард, – осторожно сказал я. И после недолгого колебания спросил: – Если я располагаю верными сведениями, вы владеете землями, которые граничат с владениями Джона Болейна?

– Полагаю, да. – Саутвелл пренебрежительно махнул рукой. – Но у меня в одном лишь Норфолке более тридцати поместий. Нет никакой возможности держать в памяти, с чьими землями они граничат.

Растянув губы в понимающей улыбке, я произнес:

– Вероятно, кто-то из ваших служащих уже беседовал с женой Болейна?

Саутвелл вновь нахмурился и, опустив веки, бросил на меня холодный оценивающий взгляд:

– Существует закон относительно того, как следует распоряжаться землями, владелец которых казнен. А эта женщина, живущая в доме Болейна, никоим образом не является его законной супругой. Полагаю, куда больше ей подходит слово «шлюха». – Он зашелся скрипучим смехом, обнажив гнилые зубы.

– Да, появление Эдит Болейн после девятилетнего отсутствия делает повторный брак ее мужа недействительным, – подхватил Сесил. – Полагаю, брат Шардлейк прекрасно это понимает, – добавил он, повернувшись к Саутвеллу. – Единственная цель его расследования – удостовериться в том, что с обвиняемым поступили по справедливости.

– Для этого существует суд присяжных, мастер Сесил. Простите, джентльмены, я вас покину. Здесь слишком душно. Возможно, мы с вами встретимся в Норфолке, мастер Шардлейк, – произнес Саутвелл с легкой угрозой в голосе, повернулся на каблуках и двинулся прочь.

Уильям, вскинув бровь, проводил его взглядом.

– Прошу прощения за манеры Саутвелла, – негромко произнес он, когда мы тоже направились к выходу. – Таков уж он есть, и с этим надо смириться. Я решил, что вам следует с ним познакомиться.

– Мне известно, что один из помощников Пэрри, барристер Копулдейк, трепещет перед Саутвеллом как осиновый лист, – заметил я.

– Саутвелл – один из самых богатых и влиятельных людей в Норфолке, – почти шепотом сообщил Сесил. – Ему принадлежит более пятнадцати тысяч овец, которые пасутся на норфолкских землях. В течение длительного времени он служил герцогу Норфолку, но несколько лет назад, когда старый король пожелал уничтожить эту семью, Саутвелл дал на суде показания против герцога. Наградой ему послужила должность исполнителя королевской воли. Саутвеллу было также обещано, что, как только кто-нибудь из членов Тайного совета оставит этот мир, он займет место покойного. Ныне, когда леди Мария приобрела земли Норфолка и является верховным феодалом этих мест, Саутвелл поступил к ней на службу. Как бы то ни было, этот человек обладает большим могуществом.

– Насколько я понимаю, он отнюдь не питает расположения ни к леди Елизавете, ни к семейству Болейн, – попытожил я. – Не удивлюсь, если он нацелился на поместье Джона Болейна.

– Если Болейн будет осужден и Саутвелл пожелает приобрести его земли, мой вам совет – не чините ему препятствий, – произнес Сесил, вперив в меня взгляд. – Вследствие своей приверженности религиозным традициям – которую он не считает нужным скрывать – Саутвелл не может подняться так высоко, как ему, несомненно, хотелось бы. Но так или иначе, он пользуется доверием лорда-протектора. Леди Мария заявила, что в ее домашней церкви никогда не будут служить по новой книге. С ней придется вести долгие переговоры, и тут Саутвеллу предстоит сыграть важную роль.

– Сделаю все, что от меня зависит, чтобы не испортить с ним отношений, – уныло вздохнул я.

– Тем более что это в интересах леди Елизаветы. Да и в ваших собственных интересах тоже. Наживать себе такого врага, как Саутвелл, вам вовсе ни к чему.

– Я слышал, он был обвинен в убийстве?

– Да, – оглядевшись по сторонам, едва слышно ответил Сесил. – Семнадцать лет назад сэр Ричард прикончил в Вестминстере своего соседа, норфолкского землевладельца. Вонзил тому в грудь нож – и поминай как звали. Разумеется, его отдали под суд, но он заплатил старому королю кучу денег и получил помилование. Кстати, в прошлом году Саутвелл попытался покрыть преступление своего приспешника, молодого шалопада по имени Джон Аткинсон. Тот

похитил четырнадцатилетнюю девочку из рода Норфолк и против ее воли женился на ней. Семья девушки обратилась к лорду-протектору за помощью и защитой, и тот восстановил справедливость. Брак был аннулирован, девушка вернулась домой, а Саутвелл имел весьма неприятный разговор с протектором. – Сесил снова вперил в меня пристальный взгляд. – Так что имейте в виду: это на редкость жестокий человек, который ни перед чем не остановится. К тому же он обладает могущественными связями. Постарайтесь не перейти ему дорогу.

– Учитывая, что земли Саутвелла граничат с землями Джона Болейна, я не удивлюсь, если он имеет отношение к убийству. Если, как вы только что сказали, он пускает в ход любые средства...

– Получив в прошлом году внушение от протектора, Саутвелл стал осторожнее, – покачал головой Уильям. – И Богом вас заклинаю, никому не рассказывайте о том, что слышали от меня!

– Разумеется, я буду нем как рыба. И конечно, сделаю все от меня зависящее, чтобы не переходить дорогу Саутвеллу. Поверьте, мастер Сесил, я отправляюсь в Норфолк вовсе не для того, чтобы искать на свою голову неприятностей.

– Но неприятности имеют обыкновение сваливаться на вашу голову сами, – едва заметно улыбнулся Сесил. Остановившись, он оглянулся на кафедру, на которой во время службы стоял Кранмер. – Сегодня был сделан важный шаг. Надеюсь, на этом мы не остановимся, и вскоре во время богослужения будет отчетливо произнесено: хлеб и вино – это не более чем воспоминание о той жертве, которую принес Христос.

– Таково желание лорда-протектора?

– Таково желание короля, – веско ответил Сесил. – Они с лордом-протектором едины во мнении.

Мы подошли к дверям собора. Уильям пожал мне руку на прощание:

– Надеюсь, мастер Шардлейк, у вас будет время осмотреть Норидж. Это на редкость красивый город. Кстати, невзирая на консервативные взгляды леди Марии и Саутвелла, в большинстве своем жители Норфолка являются сторонниками церковных реформ. И повторяю: не лезьте на рожон!

С этими словами он спустился по ступенькам к ожидавшим его слугам.

Я не спешил уходить, нежась в лучах утреннего солнца. Ко мне подошел Филипп Коулсвин в сопровождении Этельреды и двоих старших детей. Как и Сесил, он буквально светился воодушевлением.

– Итак, дело сделано! – провозгласил Филипп.

– Да, архиепископ Кранмер, бесспорно, выдающийся проповедник, – кивнул я.

– Было очень приятно видеть вас вчера за нашим столом, – продолжал Филипп. – Жаль только, что разговор быстро перерос в спор.

– Такова участь всех разговоров в нынешние времена, – улыбнулся я. – Тем не менее мы прекрасно провели время: вкусная еда, достойное общество. Спасибо, что пригласили семейство Кензи.

– Эдвард Кензи – убежденный консерватор, но, как ни странно, это не мешает мне испытывать к нему симпатию.

– Мне этот человек тоже по душе. По крайней мере, он говорит, что думает.

– Хотя его жена... – начала Этельреда и тут же осеклась.

– Возможно, чем меньше говоришь о ней, тем лучше, – вскинув бровь, произнес Филипп. Мы рассмеялись.

– Сразу после возвращения из Норфолка вы должны отужинать у нас снова, – предложил Коулсвин.

– С превеликим удовольствием.

Ощувив легкий укол зависти при виде столь безоблачного семейного счастья, я простился со своими друзьями и пошел прочь. Мысли мои вертелись вокруг Эдварда и Джозефины Браун. Их ребенок уже должен был появиться на свет. Приехав в Норфолк, первым делом разыщу их, пообещал я себе.

Я шел куда глаза глядят; толпа, собравшаяся в начале переулочка, ведущего к Картер-лейн, заставила меня остановиться. Пробравшись вперед, я увидел какого-то человека, который стоял на коленях, закрыв лицо руками. Сквозь пальцы его струилась кровь; на булыжной мостовой алели кровавые пятна. Вокруг сгрудилось с полдюжины хохочущих солдат в белых мундирах, украшенных крестом Святого Георгия. На память мне пришли братья Болейн и маленький оборванец, на которого они устроили охоту. Впрочем, то, что происходило сейчас, было еще хуже. Толпа, по большей части состоявшая из ремесленников и подмастерьев – впрочем, было в ней и несколько женщин, – с интересом наблюдала за расправой, встречая одобрительными возгласами каждый новый удар. Получив очередной пинок тяжелым солдатским сапогом, несчастный застонал и схватился за стену, чтобы не упасть.

– Я не шпион, – твердил он с сильным шотландским акцентом. – Я живу в Лондоне уже десять лет и все эти годы честно работаю...

– Если ты шотландец, то почему не сражаешься вместе со своими соотечественниками? – крикнул кто-то из толпы.

– Да ты, видно, не знаешь, что такое честь! – рявкнул здоровенный солдат, судя по всему зачинщик. Он поднял ногу, чтобы нанести очередной удар. – Эй ты, трусливый шпион, открой свою харю! Я отделаю тебя так, что и мать родная не узнает!

Толпа внезапно расступилась. К великому своему облегчению, я увидел внушительную фигуру в красной мантии, с золотой цепью на шее – то был лорд-мэр Эмкоут в сопровождении дюжины вооруженных дубинками констеблей. Лицо его, обрамленное длинной седой бородой, было искажено яростью. Рядом с ним стоял какой-то человек в офицерском мундире, высокий и тощий, с крючковатым носом и короткой каштановой бородой. На вид ему было лет сорок; выражение изборожденного шрамами лица свидетельствовало о характере властном и решительном.

– Именем короля, прекратите! – взревел лорд-мэр. – Богом клянусь, я отправлю вас всех на виселицу за мятеж и дезертирство! Капитан Друри, призовите своих людей к порядку! – Он метнул яростный взгляд на офицера, стоявшего рядом с ним.

Тот ответил не менее злобным взглядом, однако приказал солдатам встать по стойке смирно. Они незамедлительно повиновались, оставив злополучного шотландца. Мэр повернулся к толпе, которая на глазах начала редеть.

– Убирайтесь прочь! – крикнул он. – Здесь вам не петушинные бои!

Шотландец попытался встать, но ноги отказывались ему повиноваться; взгляд мой встретился со взглядом его заплывших глаз. Он сплюнул кровавую слюну вместе с двумя выбитыми зубами. Заметив это, капитан Друри ухмыльнулся так, что по спине моей пробежала дрожь.

– Что у вас здесь за разборки, ребята? – спросил он беззаботно, словно речь шла о не стоящей внимания ерунде.

– Мы решили прогуляться по городу, сэр, посмотреть, что там происходит, – ответил здоровенный парень, избивавший шотландца с особым рвением. – Этот шотландский ублюдок выполз из таверны и во всеуслышание обозвал англичан свиньями! Спустить ему это безнаказанно было бы для нас бесчестьем, сэр!

Шотландец, подняв разбитое лицо, бросил на лорд-мэра исполненный отчаяния взгляд. Он попытался оправдаться, но рот его был полон крови и голос звучал невнятно:

– Клянусь, я ничего такого не говорил! Я всего лишь покупал у разносчика книгу, а солдаты услышали мой акцент и набросились на меня! Я живу в Лондоне уже десять лет и честно зарабатываю свой хлеб...

– Как именно? – спросил лорд-мэр, глядя на бедолагу с нескрываемым отвращением. – Чем ты занимаешься?

– Я работаю у торговца зерном, сэр. Его зовут мастер Джексон, и его лавка находится у причала Трех Журавлей. Я доставляю зерно из доков, помогаю на складе, и все такое... У меня есть жена и дети...

– Вашим людям следует находиться в лагере, а не шататься по городу, устраивая заварухи, – процедил лорд-мэр, повернувшись к капитану Друри.

– Этот человек оскорбил их, – ответил капитан. – Вполне вероятно, он действительно шпион.

– Шпион не стал бы привлекать к себе внимания! – раздраженно возвысил голос лорд-мэр. – Богом клянусь, Друри, ваши солдаты слишком распустились, и я не намерен больше этого терпеть. Предупреждаю: я непременно сообщу лорду-протектору, что их поведение становится невыносимым. А теперь забирайте своих людей и ведите их в лагерь в Ислингтоне, который им не следует покидать!

Друри посмотрел на своих солдат и вновь повернулся к Эмкоуту.

– А что делать с этим шотландским псом, сэр? – спросил он, и в голосе его прозвучал откровенный вызов. – Неужели оскорбление солдат его величества сойдет мерзавцу с рук?

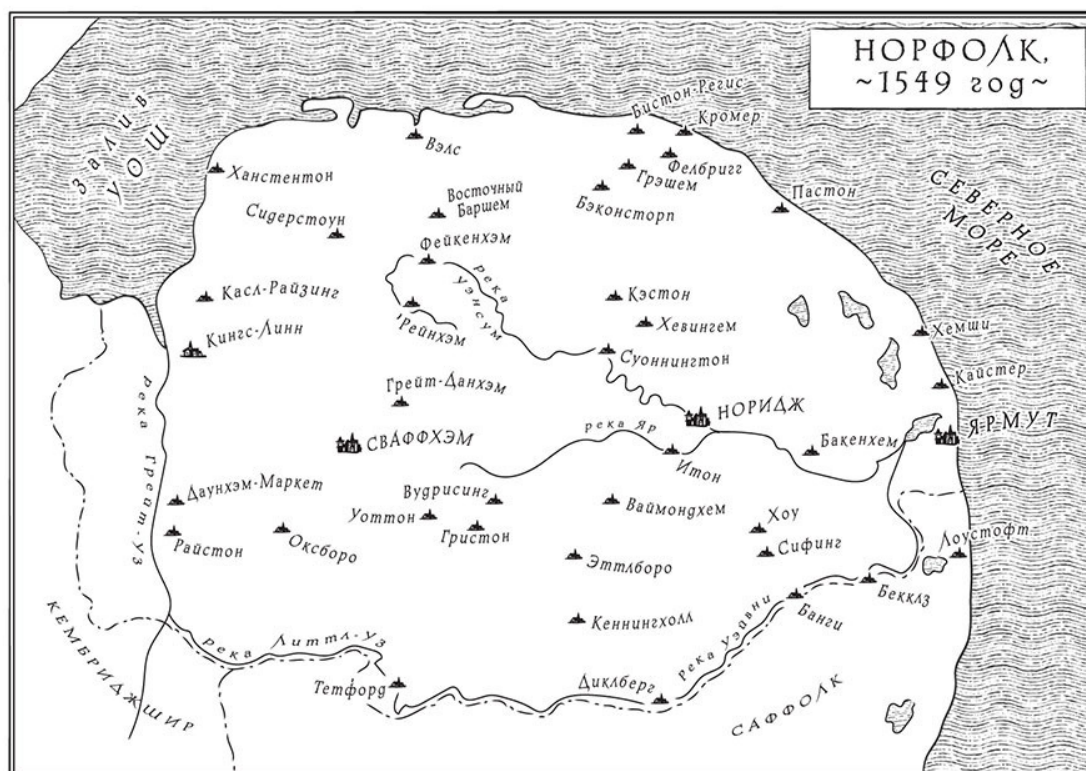
Эмкоут попытался было испепелить его исполненным ярости взглядом, но капитан даже бровью не повел. Лорд-мэр, испустив тяжкий вздох, обратился к констеблям:

– Отведите этого человека во Флитскую тюрьму. Пусть там его допросят с пристрастием.

Капитан Друри вновь растянул губы в своей жутковатой ухмылке, поклонился и приказал солдатам следовать за ним. Громко топоча, они удалились. Два констебля, схватив шотландца за руки, потащили его прочь; ноги несчастного волочились по булыжной мостовой, а по лицу стекали струйки крови.

Мне вспомнился мой старый друг капитан Джордж Ликон; он участвовал в обеих войнах с Францией и утонул на боевом корабле «Мэри Роуз». Да Ликон сгорел бы со стыда, если бы его подчиненные устроили нечто подобное. Однако затянувшаяся война, как видно, превращает людей в скотов. Булыжники, залитые кровью, блестели в ярком свете солнца. Глядя на них, я молил Господа впредь уберечь меня от таких зрелищ.

Часть вторая Норидж

Глава 10

Предполагалось, что мы прибудем в Норидж в четверг, тринадцатого июня, вскоре после полудня. Путешествие было длительным: сначала на север через Мидлсекс и Хартфордшир, а потом на северо-восток, в сторону Норфолка. Солнечная теплая погода благоприятствовала нам, но после холодной зимы и дождливой весны дороги пребывали в плачевном состоянии. Множество раз лошадям приходилось тащиться по колено в жидкой грязи. Как я и опасался, для моей горбатой спины длительное путешествие стало тяжким испытанием; к тому времени, когда мы наконец оказались в Норфолке, я весь уже извелся от боли. Николас сочувственно относился к моей немощи, в то время как Тоби Локвуд настаивал на том, что следует ехать как можно быстрее; моих мучений он, казалось, не замечал. Гордость мешала мне объяснить Тоби, что быстрая езда для меня губительна; однако на второй день пути Овертон поговорил с ним, после чего Локвуд несколько сбавил скорость. Теперь мы подстегивали лошадей, лишь завидев на дороге группу бродяг; таковых было предостаточно, и все они тащились на юг, в Лондон.

От моего внимания не ускользнуло, что Тоби и Николас, которым во время ночевки на постоянных дворах приходилось спать в одной комнате, не слишком хорошо поладили между собой. Они почти не разговаривали друг с другом; при этом со мной Тоби был неизменно вежлив и предупредителен, хотя и держался независимо. Впрочем, этого молодого человека никак нельзя было назвать разговорчивым, да и в любезных манерах его сквозил некоторый холодок. Свойственная Николасу джентльменская привычка свысока разговаривать с людьми, стоящими ниже его на общественной лестнице, даже если ему предстояло работать с ними бок о бок, отнюдь не помогала Тоби проникнуться к моему помощнику симпатией.

В Норфолк мы въехали через Тетфорд; дорога шла через лес, который лишь изредка сменялся полями и обширными землями, отданными под пастбища. В лесах преобладали древние дубы, покрытые свежей листвой, но мы так спешили, что не могли позволить себе отдохнуть под их сенью. Вскоре после того, как Тетфорд остался позади, Тоби указал направо и сообщил, что в нескольких милях отсюда находится Кеннингхолл, дворец леди Марии.

Длинная прямая дорога привела нас сначала в крохотный городок Эттлборо, а потом в Ваймондхем, несколько превышавший его размерами; оба этих названия ничего мне не говорили. Название второго города Тоби произносил как «Виндхам», что несколько сбilo меня с толку, ибо на карте, с которой я постоянно сверялся, такого населенного пункта не было.

– Здесь написано «Ваймондхем», – поправил я.

– Мы в Норфолке частенько сокращаем названия, – пояснил Тоби. – Если слово слишком длинное, выпускаем средний слог. Жители Норфолка легко справляются с любыми трудностями.

Я улыбнулся, радуясь тому, что ему не чуждо чувство юмора.

После Ваймондхема местность вдоль дороги изменилась. Лесов стало значительно меньше. Вплоть до горизонта расстилались равнины; все они были возделаны, за исключением песчаных пустошей, поросших незабудками и изрытых кроличьими норами. Картина оказалась в точности такой, каковую я ожидал увидеть: лоскутное одеяло разрезанных на полосы полей, множество обнесенных оградами ферм, иногда довольно больших. Что меня удивило, так это размеры пастбищ; никогда прежде я не видел, чтобы столь значительные участки земли были отданы овцам. Животные эти выглядели весьма необычно: шерсть у них была куда длиннее, чем у тех, что разводят в окрестностях Лондона, и ниспадала вьющимися прядями чуть ли не до самой земли. Пастбища были огорожены плетеными изгородями высотой примерно футов в пять; порой эти изгороди тянулись вдоль дороги на несколько миль, а рядом с большинством из них были прорыты каналы. На полях то и дело встречались работники, пропалывающие посевы, которые поднялись вовсе не так высоко, как это обычно бывает в середине

июня. Что касается пастбищ, там людей почти не было, лишь изредка встречался пастух с мальчиком-подпаском или же с собакой. Один из таких псов долгое время бежал за нами по другую сторону ограды, заходясь яростным лаем; он так перепугал овец, что бедные животные сбились в кучу, жалобно блея.

По пути нам встретилось несколько деревень. Через открытые окна домов можно было увидеть ткачей, сидевших за станками. Женщины и дети, стоя в дверях, пряли шерсть, проворно вращая деревянными веретенами. Люди смотрели на нас неприветливо; мало кто дал себе труд снять шапку и поклониться, как это принято среди крестьян при встрече с джентльменами. В одной из деревень путь нам преградила груженная сеном повозка, которую тащила дряхлая кляча. Возница, парень в блузе из грубой холстины, ехал по самой середине дороги, даже и не думая посторониться. Я решил, что он не видит нас, и крикнул:

– Эй, приятель, а ну-ка, позволь нам проехать!

Парень и ухом не повел. Николас, нахмурившись, рявкнул что есть мочи:

– Прочь с дороги, невежа! Мы спешим по делу государственной важности!

Возница, расправив плечи, продолжал упорно ехать по центру дороги.

– Здесь вряд ли стоит действовать грубостью, мастер Овертон, – сказал Тоби, бросив на Николаса холодный взгляд.

В обращении «мастер» прозвучала горечь, которой я никогда прежде у него не замечал.

– Прости моему спутнику его манеры, старина! – крикнул Локвуд с подчеркнутым норфолкским акцентом. – Будь так добр, позволь нам проехать! Нам срочно нужно в Норидж!

Возница оглянулся, кивнул и сдвинул свою телегу ближе к обочине.

Когда деревня осталась позади, Николас процедил, обращаясь к Тоби:

– Вот уж не думал, что при обращении со здешними фермерами требуются изысканные манеры.

– Изысканность, пожалуй, ни к чему, а вот приветливость и любезность никогда не помешают, – усмехнулся Локвуд. – Особенно людям в адвокатских мантиях. Да будет вам известно, мастер Овертон, в Норфолке законники не пользуются особым расположением.

Заночевали мы в Ваймондхеме, в одном из трактиров. Спина у меня так разболелась, что я не мог передвигаться без палки, которую предусмотрительно захватил с собой. Во дворе трактира, когда слуга отвел лошадей в конюшню, Николас сочувственно заметил:

– Вид у вас утомленный, сэр.

– Ничего, завтра приедем в Норидж, там у меня будет возможность отдохнуть. По крайней мере, от верховой езды, – сказал я и добавил, понизив голос: – Думаю, старина, ты поступишь разумно, если будешь обращаться с Тоби по-дружески. Он хорошо знает местные нравы и обычаи, и это чрезвычайно важно для нас.

– Да я бы рад, но этот парень сразу меня невзлюбил и не считает нужным скрывать этого. Вчера принялся читать мне мораль, словно мы с ним ровня, разъяснять, что алчность дворянства – причина всех бед в нашей стране. Выслушивать подобную ахинею я считаю ниже своего достоинства. Да и вообще, такие разговоры небезопасны – особенно сейчас, когда в западных графствах снова начались беспорядки.

Насчет беспорядков Овертон был абсолютно прав. В каждом трактире, где мы останавливались на ночлег, до нас долетали слухи о вспыхнувшем в Девоне мятеже, который перекинулся в Корнуолл и Хэмпшир. Никто не мог в точности сказать, что именно вызвало протесты – службы по новому английскому молитвеннику, злоупотребления землевладельцев или же и то и другое вместе.

– Со мной Локвуд никогда не заводит подобных разговоров, – пожал я плечами.

– Вы платите этому парню жалованье, и поэтому он с вами почтителен. А я теперь прекрасно понимаю, почему Копулдейк так грубо его третировал.

– Николас, судя по твоим рассказам, твой отец отнюдь не был примером истинно джентльменского поведения, – мягко заметил я.

– Я стараюсь не походить на него и вести себя сообразно своему положению, – не без гордости ответил Овертон.

– Тогда попробуй подружиться с Тоби. Поупражняйся в приветливости и любезности, которые, по его словам, так необходимы законникам в Норфолке, – с улыбкой посоветовал я.

Однако Николас не улыбнулся в ответ.

– Постараюсь, – мрачно буркнул он.

На следующее утро мы выехали спозаранку. Когда до Нориджа оставалось всего несколько миль, Тоби указал на песчаную дорогу:

– Она ведет в бриквеллские поместья.

Приглядевшись, я различил вдали очертания двухэтажного особняка, – вероятно, то был дом Джона Болейна.

В середине дня мы пересекли реку Яр. Впереди уже маячил величественный шпиль Нориджского кафедрального собора. Подъехав ближе к городу, мы увидели и другие шпили, а также зубчатые городские стены, расступавшиеся лишь в том месте, где несла свои темные коричневые воды пересекавшая город река Уэнсум, берега которой поросли камышом.

Дорога была плотно забита повозками, доставлявшими в Норидж провизию и прочие товары; подъехав к самым большим и пышно украшенным городским воротам, мы вынуждены были остановиться. В широкую арку ворот, по обеим сторонам от которой возвышались две круглые башни, могла въехать только одна повозка, а их перед нами стояло несколько. Лошади наши нетерпеливо переминались с ноги на ногу у деревянного моста, переброшенного через глубокий ров, тянувшийся вдоль городских стен; подобно всем рвам за пределами Лондона, он был наполнен вонючими отбросами. На стенах, как водится, была устроена виселица, на которой болтались полусгнившие останки закованного в цепи злоумышленника; пара ворон клевала его почерневшую плоть. Я поспешно отвернулся и устремил взгляд в другую сторону, рассматривая стены, сложенные из темного камня и снабженные многочисленными бойницами. Я заметил, что во многих местах они начали разрушаться и, несомненно, требовали ремонта.

– Эти стены вряд ли могут служить надежной защитой, – сказал я, обращаясь к Тоби. – И они куда ниже, чем я ожидал. Не идут ни в какое сравнение с теми, что окружают Лондон или же Йорк.

– Эти стены построены для украшения города, а не для обороны, – кивнул Тоби. – Возвели их два столетия назад, еще до Великой чумы. Город был тогда значительно больше.

Наконец мы въехали в ворота и двинулись по Нориджу. Меня поразило множество незастроенных пространств: справа от нас тянулся поросший травой пустырь, где возвышался стрельбищный вал, на котором практиковались лучники, а слева – фундамент огромного дома, как видно недавно снесенного.

– Прежде здесь находился монастырь Святой Марии, – пояснил Тоби. – Правительство продало этот участок Спенсерам, одной из самых богатых семей в Норфолке.

Мы продолжали путь. Дома теперь стояли более тесно, за фасадами многих зданий углублялись внутренние дворы, на нижних этажах находились лавки. В одном месте дорогу пересекал мелкий зловонный ручей. Множество лавок торговали кожевенными товарами; в воздухе висел густой запах свежеработанной кожи. Толпа на улицах казалась далеко не такой плотной, как в Лондоне, и тем не менее народу хватало: ремесленники в кожаных или холщовых куртках, подмастерья в синих фартуках, домашние хозяйки в чепцах. Время от времени попадался джентльмен в расшитом дублете, с мечом на поясе. Про себя я отметил, что джентльмены здесь предпочитают расхаживать по улицам в сопровождении нескольких вооруженных слуг, а горо-

жане выглядят еще беднее, чем в Лондоне. Многие местные жители ходили босиком, одежда их превратилась в лохмотья, а щеки западали от недоедания. Нищие, прислонившись к стенам домов, умоляюще смотрели на прохожих. Взгляды, которые они бросали на нас, были исполнены откровенной неприязни. Вспомнив о Джозефине и ее муже, я ощутил укол тревоги.

Слева, на вершине искусственно насыпанного холма, возвышался норманнский замок, гигантское сооружение из камня; снизу он был облицован кремнем, а сверху – потемневшим от времени известняком. Подобно большинству норманнских замков, он производил впечатление могущества и неприступности. И, разделяя общую участь подобного рода строений, ныне он служил тюрьмой. Тоби указал на небольшое здание, стоявшее неподалеку от замка:

– Это Ширхолл. Там будет происходить выездная сессия суда.

– А мастер Болейн, как я понимаю, сейчас заключен в замке.

– Отсюда вряд ли убежишь, – изрек Николас, озирая каменную громаду. – Единственный путь из этого замка ведет в суд.

– Вы правы, мастер Овертон, – подхватил Тоби. – Но вот из суда есть два пути – на свободу или на виселицу.

Я не стал вмешиваться в разговор, однако вспомнил, что в кармане у меня лежит просьба о помиловании, подписанная леди Елизаветой. Даст Бог, все сложится так, что пустить в ход эту бумагу мне не придется.

Мы поравнялись с самой большой рыночной площадью, которую мне когда-либо доводилось видеть; она имела форму прямоугольника и спускалась к реке. Проезжая мимо прекрасной старинной церкви, я заметил, что восточное окно украшает чудом уцелевший изысканный витраж.

– Это церковь Святого Петра Мэнкрофта, – сообщил Тоби. – В ней по воскресеньям собираются самые богатые и влиятельные горожане, так называемые отцы города.

У подножия поросшего травой холма, на котором стоял замок, устроили скотный рынок: покупатели, с озабоченным видом расхаживая вдоль загонов, разглядывали стоявших в них животных. Что же касается главного городского рынка, раскинувшегося на мощенной булыжником площади, он был закрыт; на дверях лавок висели замки, работники в кожаных фартуках выметали мусор из-под пустующих прилавков.

– Базарные дни здесь среда и суббота, – продолжил свои объяснения Тоби. – В субботу народу собирается столько, что яблоку негде упасть.

Свернув на рыночную площадь, мы пересекли ее. В центре возвышался огромный резной крест, высотой примерно с двухэтажный дом. На краю площади стояло впечатляющих размеров здание, облицованное кремнем и известняком, фасад его украшал узор из чередующихся черных и белых квадратов.

– Это ратуша, – сообщил Тоби. – Здесь вершатся все городские дела, устанавливаются размеры налогов и пошлин, проводятся собрания гильдий.

У дверей ратуши, в сопровождении вооруженных слуг, стояло несколько джентльменов в богатых дублетах. Озирая рыночную площадь, они о чем-то негромко беседовали.

– Члены городского совета и шерифы, – пояснил Локвуд. – Представители самых знатных семей в городе. Стюарды, Энгниши, Сотертоны. А вот тот жирный коротышка в красной мантии – мэр города Томас Кодд собственной персоной.

Я заметил, что неподалеку от ратуши возвышается еще одна виселица, на сей раз без повешенного. Рядом находились колодец под навесом и невысокие здания городских складов.

– Вы сказали, тесть Джона Болейна является членом городского совета, – напомнил я.

– Да. Его зовут Гэвин Рейнольдс. Но после того как стало известно об убийстве их дочери, они с женой не выходят из собственного дома на площади Тумлэнд. Рейнольдс известен своим заносчивым и вспыльчивым нравом, но, если вы явитесь к нему в мантии барристера, думаю, он не откажется вас принять, – едва заметно улыбнулся Тоби. – Он выдал свою дочь за Джона

Болейна, когда Анна Болейн собиралась стать королевой. Уж конечно, полагал, что, породнившись с этой семьей, прибавит себе весу в обществе. Но звезда Анны Болейн закатилась слишком быстро.

Прежде чем я успел ответить, нас окружила толпа оборванных детишек, неведомо откуда взявшихся. Протягивая к нам исхудалые ручонки, они жалобно канючили:

– Подайте на пропитание! Мы умираем с голоду!

К немалому моему удивлению, Тоби, грозно нахмурившись, рявкнул:

– Ну-ка, заткните глотки и убирайтесь прочь!

Мы продолжили путь, сопровождаемые хором оскорблений:

– Чертов горбун! Жадюги! Гореть вам всем в аду!

Я вопросительно взглянул на Тоби.

– С этим народом, сэр, необходимо держать ухо востро еще больше, чем в Лондоне, – вполголоса произнес он. – Стоит вам разок подать милостыню, и вас уже не оставят в покое. Конечно, непросто быть суровым с этими несчастными детьми, ведь в большинстве своем они действительно голодают. В прошлом месяце в городе был введен новый налог в пользу бедных, но средства, которые удалось собрать, слишком ничтожны, – добавил Локвуд дрогнувшим от гнева голосом.

На дальнем конце площади, за ратушей, теснилось несколько трактиров. У дверей их стояли люди, занятые оживленной беседой. Именно в этих трактирах будут жить законники, прибывшие на выездную сессию, догадался я. Когда мы подъехали ближе, крупный мужчина под сорок, отделившись от одной из групп, направился к нам. На нем были зеленый дублет и черные штаны, из-под широкополой красной шляпы выбивались каштановые волосы. Тоби изумленно вытаращил глаза, заметив, что у него отсутствует правая рука, которую заменяет металлический прут с крюком на конце, наполовину скрытый кожаным чехлом. При помощи этого крюка мужчина нес кожаную сумку.

– Джек! – воскликнул я, пожимая его протянутую левую руку. – Вот уж не ожидал увидеть тебя, едва въехав в Норидж!

– А я так вообще не ожидал увидеть вас здесь, – усмехнулся Барак. – Но когда я заметил джентльмена, окруженного толпой наглых попрошаек, сразу смекнул, что это вы. Привет, Николас! Как дела, верзила ты этакий?

– Превосходно! – ответил Николас.

Тоби, судя по всему, несколько шокировала подобная фамильярность. Но мой бывший помощник происходил из лондонских беспризорников и, естественно, не отличался изысканностью манер; к тому же Джек считал себя наставником Николаса, да и в опасную переделку, которая стоила бедняге правой руки, мы попали вдвоем.

– Это мастер Локвуд, – представил я Тоби. – Он житель Нориджа и любезно согласился помочь нам в деле, которое привело нас сюда.

Барак и Тоби обменялись рукопожатиями.

– Вы здесь по делу? – спросил Барак. – Это связано с выездной сессией суда?

– Да.

– Наверное, какая-нибудь земельная тяжба?

– Не совсем, – ответил я после недолгого колебания. – Если ты располагаешь временем, Джек, я с удовольствием расскажу об этом деле во всех подробностях. Но почему ты уже здесь? Если не ошибаюсь, заседания суда начнутся только на следующей неделе.

– Да, все судьи еще в Кембриджшире, – кивнул Барак. – Меня выслали вперед – разнюхать, какова атмосфера в Норидже, какие постановления лорда-протектора здесь выполняют, а какие посылают к чертям, насколько рьяно народ молится по новому молитвеннику, и все такое. Ну и конечно, надо приглядеть людей, которые сгодятся на роль присяжных. – Он бросил выразительный взгляд в сторону своих недавних собеседников. – Как раз этим я сейчас и

занимался. Так все же какое дело заставило вас притащиться сюда? – прищурившись, поинтересовался он. – Неужели уголовное? Тогда вам не позволят представлять обвиняемого.

– Поговорим об этом позднее, – негромко произнес я. – Где ты остановился, старина?

– В трактире, что стоит на самом берегу реки, в дальнем конце Холм-стрит. Называется он «Голубой кабан». Отсюда далековато, но такова уж моя участь – не жалеть своих ног. А вы где собираетесь поселиться?

– На площади Тумлэнд, в трактире «Девичья голова».

– Неплохое местечко. Я проезжал мимо, когда прибыл сюда. – Джек помолчал, пристально глядя на меня. – Вид у вас, мастер Шардлейк, неважнецкий. Похоже, скверно себя чувствуете?

– Да нет, не так уж скверно, – не без раздражения бросил я. – Всего лишь адски болит спина, но мне к этому не привыкать. Слушай, Барак, а давайте сегодня пропустим по кружке пива в этом твоём «Голубом кабане»? Встретимся в семь.

– Заметано. Заодно расскажете мне, каких неприятностей вам вздумалось искать на свою голову на этот раз.

Барак подмигнул Николасу, отсалютовал Тоби своей железной рукой и, повернувшись, направился обратно к своим собеседникам.

Покинув рыночную площадь, мы оказались в центре города, который представлял собой лабиринт узких, запруженных народом улиц. Судя по беспрестанно доносившемуся металлическому лязганью, поблизости располагался квартал ремесленников, занимавшихся ковкой и резьбой по железу. Я заметил, что вокруг много новых домов.

– Лет сорок назад два пожара, вспыхнув один за другим, буквально выжгли центр Нориджа, – пояснил Тоби. – С тех пор деревянных домов здесь больше не строят. Видите, больше всего зданий из кремня. Прежде из этого камня строили только церкви, устоявшие во время пожара.

– В городе полно церквей, – заметил Николас.

– Говорят, в Норидже больше церквей и пивных, чем в любом другом городе Англии, – сказал Тоби, и губы его тронула улыбка, что случилось с ним крайне редко. – Я так понял, человек, с которым мы только что встретились, прежде был вашим помощником? – уточнил он, повернувшись ко мне.

– Да. Его зовут Джек Барак.

Мы проехали мимо впечатляющих размеров старинного каменного дома; в двери его то и дело входили ремесленники, тащившие тюки материи. Из рассказа Локвуда мы узнали, что прежде здесь находился большой доминиканский монастырь. После упразднения монастыря король Генрих продал его здания городу. Потом мы оказались на улице, вдоль которой тянулись новые дома, явно построенные уже после пожаров; в большинстве своем то были особняки состоятельных горожан. Тоби сообщил, что квартал этот называется Элм-Хилл. Неподалеку от очередной церкви, возведенной из кремня, улицу пересекала другая, более широкая. Свернув на нее, мы увидели мост, переброшенный через мутные коричневые воды реки. Тоби, однако, двинулся в противоположном направлении. Перед глазами у нас теперь маячил устремленный в небо шпиль величественного собора. В некотором отдалении возвышался поросший травой холм – редкость для плоского рельефа Норфолка; склоны холма были усыпаны бесчисленными точками, и, приглядевшись, я понял, что это овцы.

Локвуд остановился в самом конце улицы, на небольшой площади неподалеку от ограды собора.

– А вот и Тумлэнд, – провозгласил он.

– Но почему эта площадь так называется? – осведомился я. – Наверное, прежде здесь было церковное кладбище?

– Нет, – покачал головой Тоби. – Насколько мне известно, ничего такого тут никогда не было. Возможно, название Тумлэнд придумали еще древние саксонцы. На этой площади живут только самые богатые горожане. – Он указал налево, на открытые ворота огромного здания. – А это главный вход в трактир «Девичья голова», где вам предстоит жить.

Въехав в ворота, мы оказались в конюшенном дворе. Упитанный коротышка средних лет в красивом черном дублете, выйдя нам навстречу, расплылся в радушной улыбке.

– Добро пожаловать в «Девичью голову», сэр! – воскликнул он, пожимая мне руку. – Это лучший трактир в Норфолке, а я, Агустус Теобальд, имею честь быть его хозяином.

Ноги у меня так затекли, что отказывались повиноваться. Спешившись с помощью табуретки, которую принес расторопный слуга, я выяснил, что не могу сделать ни шагу. Николас поспешно подал мне палку. Ощущая нестерпимую боль между лопатками, я вынужден был прислониться к водокачке над колодцем. Мастер Теобальд встревоженно посмотрел на меня:

– Вы нездоровы, сэр?

– Говоря откровенно, я чувствую себя не лучшим образом. Переезд верхом из Лондона стал для меня серьезным испытанием. Но ничего страшного, все пройдет, стоит мне лишь немного полежать.

– Вы уверены? – с беспокойством спросил Николас; никогда прежде он не видел меня в столь беспомощном состоянии.

– Слишком много внимания моей скромной персоне! – отрезал я и повернулся к хозяину трактира. – Комнаты для нас троих заказал мастер Томас Пэрри.

– Боюсь, мы ожидали всего лишь двоих гостей, – смущенно пробормотал трактирщик.

– Все правильно, – подал голос Тоби. – Видите ли, несколько дней назад я написал вам и отказался от комнаты. Ферма моих родителей находится всего в трех милях отсюда. Они будут рады, если я поселюсь у них. А ежедневные поездки в город не отнимут много времени.

– Как видите, недоразумение уладилось, – кивнул я мастеру Теобальду. – Будьте добры, распорядитесь, чтобы поклажу доставили в наши комнаты, а лошадей отвели в конюшни, накормили и как следует вычистили.

– Все будет сделано наилучшим образом, – с поклоном ответил трактирщик.

– Николас, проследи за тем, как будут разгружать вещи, – распорядился я. – Мне надо перемолвиться парой слов с Тоби. Мастер Теобальд, где бы нам поговорить с мастером Локвудом, причем сидя?

Трактирщик провел нас в дом; указав на просторную уютную столовую, он упомянул, что в прошлом гостями его заведения были Екатерина Арагонская и кардинал Уолси. Оставив нас в хорошо обставленной гостиной, Агустус Теобальд с поклоном удалился. Через несколько минут появился слуга, который принес две кружки пива, а также хлеб и сыр, что оказалось весьма кстати. Я с превеликим облегчением опустился в кресло, получив наконец возможность дать отдых своей многострадальной спине.

– Если вы хотели остановиться у родителей, вам следовало заранее предупредить меня об этом, – пробурчал я, буравя Тоби суровым взглядом. – Времени у нас немного, а дел предстоит уйма. Я рассчитывал, что вы, с вашим знанием города, постоянно будете рядом.

– Прошу прощения, – ответил Локвуд, теребя своими крупными пальцами курчавую черную бороду; взгляд мой встретился с пристальным взглядом его умных голубых глаз. – Дело в том, что моя матушка серьезно больна и очень хочет повидаться со мной. Обещаю каждый день неукоснительно прибывать сюда к тому часу, который вы назначите.

– Ваша мать больна?

– Она никогда не отличалась крепким здоровьем, а в последнее время работа на ферме совершенно лишила ее сил. К тому же все хлопоты оказались напрасными – судя по высоте нынешних всходов, на богатый урожай рассчитывать не приходится.

– Боюсь, что так, – согласился я.

– Надеюсь, вы не слишком рассердились на меня, сэр, – добавил Тоби.

– Конечно, я понимаю ваши чувства, – вздохнул я. – Но завтра вы понадобится мне с самого раннего утра. Я намерен посетить Джона Болейна в тюрьме, а затем попытаюсь добиться встречи с родителями Эдит Болейн. Послезавтра я собираюсь поехать в Бриквелл. На нынешний вечер у меня намечена встреча с Бараком, так что вы можете отправляться на ферму к родителям. Кстати, далеко ли отсюда находится трактир «Голубой кабан»?

– Я нарисую вам план. – Собеседник с сомнением взглянул на меня. – Сэр, вы уверены, что вам не следует посвятить этот вечер отдыху?

– Ничего, я отлично прогуляюсь, опираясь на палку. – В голосе моем против воли опять зазвучали раздраженные нотки. – Разумеется, если прежде у меня будет возможность немного полежать.

– Возможно, вам стоит взять с собой мастера Николаса.

– Полагаю, я сумею дойти до «Голубого кабана» без посторонней помощи. – Я злился все больше и больше. – Тем более мне нужно кое-что обсудить наедине с мастером Бараком.

– Хорошо одетым путешественникам не рекомендуется разгуливать по улицам Нориджа в одиночестве, особенно по вечерам, – веско произнес Тоби. – Воров и грабителей здесь даже больше, чем в Лондоне.

– Печально, – пожал я плечами. – Похоже, несмотря на обилие красивых домов, многие жители Нориджа пребывают в крайней нужде.

– Так оно и есть, сэр. Уже в течение нескольких лет богатые купцы, которые занимаются торговлей шерстью, размещают ткацкие цеха за пределами города, дабы не следовать тем жестким правилам, что устанавливают для мануфактур гильдии. Все производство тканей сосредоточилось в руках нескольких человек. Зачастую они контрабандой переправляют ткани на кораблях в Европу, в основном в Голландию. В результате состоятельные семьи – мы видели их представителей сегодня у ратуши – становятся все богаче. Но бедным от их богатства не перепадает ни крошки. А теперь, когда цены растут как на дрожжах, а многие фермерские работники, лишившись своих мест, устремились в город, положение простых людей стало еще печальнее.

Голос Тоби, по обыкновению, звучал спокойно и ровно, однако взгляд его был полон горечи.

– Возможно, Комиссия по огораживанию, которую собирается учредить лорд-протектор Сомерсет, сумеет исправить ситуацию, – предположил я.

– Вы и правда так думаете, сэр?

На память мне пришел разговор с Эдвардом Кензи в минувшую субботу.

– Боюсь, значительных перемен к лучшему ожидать не приходится, – осторожно заметил я. – У комиссии будет слишком мало времени, да и землевладельцы, вне всякого сомнения, станут чинить ей препятствия.

– Так считают многие, – кивнул Локвуд, откинувшись на спинку стула. – Мой отец полагал, что никто никогда не помешает ему пасти своих коров и волов на общинных землях. Однако три года назад землевладелец огородил значительную часть этого пастбища для своих овец и заявил, что имеет на это полное право. Теперь фермерский скот вынужден тесниться на крохотном лоскутке земли. В последнее время отцу удавалось сводить концы с концами, продавая зерно, – урожаи, слава богу, были щедрыми. Но как он выкрутится в этом году, невозможно себе представить... – покачал головой Тоби.

– Сочувствую вашему отцу.

– Я рассказал вам об этом, чтобы вы поняли, почему я так тревожусь о своих стариках. Прошу вас, ничего не говорите мастеру Копулдейку. В несчастьях моей семьи он видит лишь повод для насмешек.

– Вы можете на меня положиться.

– Благодарю вас.

– В качестве ответной любезности я попрошу вас об одной услуге.

– Сделаю все, что в моих силах.

– Постарайтесь поладить с Николасом. Споры нет, сознание того, что он джентльмен, заставляет Овертона буквально лопаться от гордости. Но во всех прочих смыслах он парень неплохой – порядочный, ответственный, умный и, как я имел возможность убедиться, смелый.

– Вы чрезвычайно наблюдательны, сэр, – слегка улыбнулся Тоби.

– Как и все опытные законники. И помните, я очень рассчитываю на то, что вы поможете мне разобраться в здешних обстоятельствах.

– Буду рад всячески вам содействовать, сэр.

– Прежде всего я хотел бы поговорить с коронером, который расследовал убийство Эдит Болейн. Где его можно найти?

– В городской ратуше. Коронеры, как и судьи, должны присутствовать на заседаниях выездной сессии суда.

– Превосходно. И напоследок еще одна просьба. Два года назад служанка, проработавшая у меня несколько лет, вышла замуж и переехала в Норидж. Девушку зовут Джозефина, а ее мужа – Эдвард Браун. Он был в услужении у пожилого барристера по имени Питер Хеннинг. Когда Хеннинг отошел от дел, они с женой решили вернуться в Норидж, откуда оба родом. Эдварду и Джозефине пожилая чета предложила сопровождать их в качестве слуг. Я был очень привязан к Джозефине. Когда-то я помог этой девушке выпутаться из одной неприятной переделки и радовался, что она нашла свое счастье. Кстати, и она, и Эдвард – оба круглые сироты.

Я рассказал Тоби о последнем письме Джозефины, в ответ на которое послал ей денег, и о том, что с тех пор она более не подавала о себе вестей. Завершив рассказ, я сообщил Локвуду ее адрес.

– Значит, она живет в Косни... Так простые люди называют Кослани, – с озабоченным видом пробормотал он. – Квартал самый что ни на есть захудалый. Сомневаюсь, что там поселился барристер, пусть даже удалившийся от дел. Возможно, старик уже покинул этот бранный мир.

– Не исключено. Если Эдвард и Джозефина бедствуют, я должен им помочь.

– Постараюсь выяснить, что с ними произошло, – кивнул Локвуд и при этом многозначительно прищурился.

Я догадался, какой оборот приняли его мысли, и резко бросил:

– Джозефина – всего лишь моя бывшая служанка, и ничего больше.

– Разумеется, сэр, – улыбнулся Локвуд. – Когда мне следует быть у вас завтра?

– В шесть часов утра. Позавтракать, если хотите, можете с нами.

– Удачного вам вечера, сэр, и да хранит вас Господь.

С этими словами он встал, поклонился и вышел из комнаты своей твердой уверенной походкой.

Я вздохнул и, опираясь на палку, отправился на поиски слуги, который мог бы проводить меня в комнату. Слова Тоби о том, что даже светлым июньским вечером путешествующим джентльменам не следует разгуливать по Нориджу в одиночестве, заронили в мою душу семена тревоги; я решил попросить Николаса составить мне компанию.

Путешествие верхом оказалось более мучительным, чем я соглашался признать, и, растянувшись наконец на пуховой перине, я испытал истинное наслаждение. Лежа на широкой удобной кровати под балдахином, я смотрел в окно, на церковь, стоявшую на углу Элм-Хилл, и на вяз, покрытый бледно-зеленой листвой. Лежать, бесспорно, было куда приятнее, чем сидеть

в седле, однако последствия долгой верховой езды не могли пройти быстро; боль между лопатками никак не унималась.

Несколько лет назад, когда я повредил спину, мой друг Гай научил меня несколькими физическими упражнениями. Например, он советовал мне подложить под больное место нечто вроде свернутого из ткани валика и, лежа на спине, закинуть руки за голову. Постель была слишком мягкой для подобного упражнения, поэтому я не без труда растянулся на полу, пристроил валик на уровне лопаток и, пытаясь от напряжения, осторожно закинул руки за голову и замер.

В течение нескольких мгновений я ничего не чувствовал, но внезапно раздался громкий хруст. Охнув от испуга, я потихоньку перевалился на бок и встал. Вопреки собственным ожиданиям я не только не навредил себе, но, напротив, почувствовал облегчение.

– То, что нас не убивает, способно нас излечить, – пробормотал я и, снова устроившись на кровати, мысленно поблагодарил своего друга.

Некоторое время я лежал, погруженный в легкую дремоту; но вот удлинившаяся тень вяза подсказала мне, что настало время подниматься и отправляться на встречу с Бараком. Захватив с собой палку, я вышел из комнаты, намереваясь отыскать Николаса.

Глава 11

Над городом стояли теплые июньские сумерки. Благодаря палке я шагал довольно уверенно. Покинув постоянный двор, мы оказались на площади Тумлэнд. С трех сторон ее стояли добротные новые дома, в большинстве своем трехэтажные, фасады их были выкрашены в яркие цвета, перед каждым за решетчатой оградой зеленел небольшой садик. С четвертой стороны тянулась стена, отделявшая от площади церковь. Высокие, украшенные резьбой и изысканной росписью ворота в этот вечерний час были закрыты, как и две массивные двери по обеим сторонам от них. Величественный старинный храм, возвышавшийся за стеной, подобно Нориджскому замку, был сложен из известняка; его заостренный каменный шпиль устремлялся в темнеющие небеса. На улице то и дело встречались прохожие, судя по одежде слуги и лавочники. На углу стояли стражники с дубинками, в мундирах, на которых красовался городской герб: красный щит с изображением замка в верхней части и льва – в нижней. К одному из домов подъехала повозка, на которой лежали здоровенная говяжья туша и несколько ошипанных гусей; двое слуг в фартуках распахнули ворота, пропуская ее во двор.

– Кто-то задумал дать грандиозный обед, – заметил Николас. – Похоже, жить в Норидже не так уж плохо.

– Тому, у кого есть деньги, – добавил я.

Локвуд снабдил меня планом, нарисованным, впрочем, довольно грубо; покинув площадь, мы двинулись по оживленной улице, носившей, согласно схеме, название Холм-стрит. Вдоль одной ее стороны тянулась стена, ограждавшая территорию, которая прилегала к собору. Изредка попадались прохожие, в большинстве своем торговцы с корзинами; встретила нас и повозка, груженная кудрявой шерстью местных овец. Как и повсюду в городе, здесь было полно одетых в лохмотья бедняков; внимание наше привлек человек в железном ошейнике, свидетельствующем о том, что он незаконно занимался попрошайничеством; богатая наша одежда притягивала жадные взгляды, однако, заметив меч, висевший на поясе у Николаса, прохожие поспешно отводили глаза.

– Как ваша спина, сэр? – осведомился Николас.

– Отдых пошел мне на пользу, – ответил я. – Отдых и упражнение, которому научил меня Гай. Но признаюсь откровенно, мысль о том, что вскоре придется вновь сесть на лошадь, не внушает мне особого восторга.

Перед нами вновь вырос силуэт огромной церкви. Дома вокруг были значительно меньше, чем на площади Тумлэнд, но по-прежнему отличались добротностью; за многими из них зеленели сады. Неожиданно улица совершила резкий поворот; теперь глухие стены тянулись по обеим ее сторонам. За одной из этих стен виднелась большая церковь прямоугольной формы; на плане Локвуда церковь значилась как «Большой госпиталь». Деревянные резные ворота вели в окруженный строениями двор; судя по всему, прежде тут располагался монастырь. С десятков нищих, как мужчин, так и женщин, сидели по обеим сторонам ворот с площадками для сбора милостыни на коленях. Завидев нас, они принялись на разные голоса звать к нашему милосердию. Какой-то старик с изрытым оспинами лицом, поднявшись на ноги, тянул ко мне свою плоскую.

– Я чуть жив от голода, сэр! – причитал он. – Не проходите мимо, совершите доброе дело!

Николас уже протянул руку, намереваясь оттолкнуть его, но я вытащил кошелек и протянул бедолаге шестипенсовик. Все прочие немедленно повскакали на ноги и устремились к нам. Николас бесцеремонно схватил меня за руку и потащил прочь.

– Ты обращаешься со мной как с пустым мешком! – посетовал я, когда мы оказались на безопасном расстоянии от попрошаек.

– Да они бы оставили от вас мокрое место!

– Вот и проявляй после этого христианское милосердие! – вздохнул я.

Таверна «Голубой кабан» располагалась неподалеку от большого каменного моста, переброшенного через реку, оба берега которой поросли плакучими ивами; около сторожевой башни у моста прохаживались часовые. За рекой виднелся высокий голый холм, на вершине которого можно было разглядеть один-единственный дом.

– Во время разговора глаз с меня не своди и, когда я кивну, скажи, что тебе приспичило в нужник, – распорядился я. – Мне надо кое-что обсудить наедине с Джеком.

– А вот, кстати, и он.

Николас указал на столики, стоявшие в саду трактира. Сидевшие за ними посетители, судя по холщовым блузам и кожаным курткам, принадлежали к сословию ремесленников.

Барак расположился чуть в стороне, перед ним стояла кружка эля. Отблески закатного солнца играли на его железной руке, мирно лежавшей на столе.

Завидев нас, он просиял от радости, встал и сделал несколько шагов нам навстречу. Я отметил, что за последнее время Джек заметно потолстел.

– Ну что, как вы устроились? – спросил он. – Богом клянусь, Николас, тебя и не узнать! Похоже, ты продолжаешь расти, юный балбес!

– Как твои дела, Джек? – спросил Николас.

– Откровенно говоря, я был счастлив вырваться из Лондона! – воскликнул Барак.

Однако, пристально взглянув на своего старого друга, я различил в его взгляде печаль и усталость, не свойственные ему прежде.

– Пойду принесу пива, – сказал Николас.

– Не откажусь еще от одной кружки! – жизнерадостно заявил Барак.

Овертон скрылся в трактире, а я опустился на стул рядом с Джеком и осведомился:

– Как продвигаются дела, которые привели тебя в Норидж?

– Как всегда, успешно. Вечерами ошиваюсь в тавернах, слушаю разговоры и мотаю себе на ус все, что нужно мотать. Судьи уверены: нельзя устраивать в городе выездную сессию, не разузнав прежде, какие настроения здесь царят. – Губы его тронула саркастическая усмешка. – А я пользуюсь репутацией человека, поднаторевшего в подобных дознаниях еще во времена лорда Кромвеля. Еще одна моя задача – ненавязчиво проследить, чтобы здешний шериф назначил присяжными подходящих людей. Правда, на этот раз мне придется якшаться с его помощником. Сам сэр Николас Л'Эстранже изволил отбыть в Сомерсет.

– Ну и какие же настроения царят в Норидже?

– Если говорить коротко, скверные. – Барак понизил голос. – В городе куча бродяг, пришедших сюда из деревень, работы на всех не хватает, люди терпят нужду, что, как вы понимаете, не делает их добрее. Прежде в честь прибытия судей здесь закатывали грандиозный праздник, а в этом году решили ограничиться лишь скромным обедом. Городские власти не хотят подливать масла в огонь. Понимают, что пышное празднество разозлит народ еще сильнее.

– Значит, того и гляди здесь вспыхнут беспорядки?

– Очень может быть, – кивнул Барак. – Во всех городах, где мы успевали побывать, обстановка паршивая, но здесь хуже всего.

Вернулся Николас с тремя кружками пива; мы выпили за здоровье друг друга.

– Джек, мне нужно кое-что выяснить, – начал я. – Когда будут слушаться уголовные дела? Как обычно, в начале сессии?

– Нет, – покачал головой Барак. – В этот раз лишь на третий день. Вначале судьи хотят разобрать пару крупных земельных тяжб. А слушание криминальных дел назначено на двадцатое июня.

– Значит, в нашем распоряжении целая неделя, – сказал Николас. – Больше, чем мы ожидали.

– Как я догадываюсь, вы намерены расследовать какое-то уголовное дельце? – спросил Барак, с любопытством переводя взгляд с меня на Овертона.

– Да, – кивнул я. – Дело Джона Болейна, обвиняемого в убийстве собственной жены. Ты что-нибудь слышал о нем?

– А как же. В судебных кругах это убийство вызывает определенный интерес – из-за фамилии подсудимого, разумеется. Ну и плюс еще эти жуткие подробности. От них просто мурашки по коже.

– Это еще мягко сказано.

Я поведал Джеку все, что мне было известно об обстоятельствах преступления, и о том особом внимании, которое проявила к этому делу леди Елизавета; упомянул я и о Тоби Локвуде, приехавшем с нами в Норидж. Единственным, что я утаил, был визит Эдит Болейн в Хатфилд. Когда я закончил рассказ, Барак некоторое время молчал, не сводя с меня прищуренных глаз.

– Мне казалось, сэр, что вы решили больше никогда не связываться в политику, – изрек он наконец.

– Но это дело не имеет ни малейшего отношения к политике, – возразил я. – Леди Елизавета желает лишь, чтобы расследование провели добросовестно, а вердикт, вынесенный присяжными, был справедливым.

– Возможно, к большой государственной политике это дело отношения и не имеет, но вот зато политики местной касается самым непосредственным образом, – заявил Барак. – Я уже успел выяснить, что фамилия Болейн не возбуждает здесь особых симпатий. Да и то, что Джон Болейн поселил в своем доме служанку из таверны, отнюдь не пришлось местному дворянству по нраву.

– Да, я тоже об этом слышал.

– Вы полагаете, он невиновен? – спросил Барак, буравя меня взглядом.

– Пока не знаю. Моя задача – выяснить это до начала суда, а потом добиться справедливого решения.

– Как ты считаешь, присяжные будут беспристрастны? – обратился к Джеку Николас.

– Вряд ли, – пожал плечами Барак. – Как я уже говорил, сама фамилия Болейн возбуждает в Норфолке неприязнь. И судьи заранее настроены на обвинительный вердикт. Надо сказать, приговоры год от года становятся все суровее – подозреваю, виной тому кальвинисты, которые получили теперь слишком много власти.

– Помню, ты упомянул, что один из судей отличается особой суровостью, – заметил я. – Судья Катчет, не так ли?

– Да уж, дай ему волю, он бы всех отправил на виселицу, – кивнул Барак. – Другой судья, Рейнберд, более мирного нрава. Со всеми приветлив, без конца улыбается. Иногда кажется, будто он спит на ходу, но на самом деле это не так. Он чертовски наблюдателен и умеет держать нос по ветру. Он тоже может проявить суровость, если сочтет нужным, но до Катчета ему далеко. В общем, во время выездных сессий они уравнивают друг друга.

– Послушать тебя, так ты не слишком жалуешь судей, – усмехнулся Николас.

– Ты прав, старина, – вздохнул Барак, откидываясь на спинку стула. – Я их не жую. Видел бы ты, с какой помпой они въезжают в очередной город: красуются на конях в своих красных мантиях, которые в народе называют кровавыми, а вокруг полно вооруженных стражников... А потом второпях пролистывают запутанные дела, не вникая в подробности. Они всегда спешат, так как до смерти боятся подхватить тюремную лихорадку. Быстренько вынесут несколько смертных приговоров и, прежде чем осужденных вздернут на виселицу, двинут в другой город. В гражданские дела они тоже вникать не желают. В прошлом году некий земледелец затеял тяжбу против слепой вдовы с пятью детьми. Муж ее был арендатором, и после его смерти помещик решил прогнать вдову с детьми прочь, так как вести хозяйство на ферме

они не в состоянии. Разумеется, исход тяжбы был предreshен. Суд решил, что вдова не сможет вносить землевладельцу арендную плату и, следовательно, он имеет полное право вышвырнуть ее с ребятишками на улицу. То есть закон всецело на стороне этой канальи.

– Увы, это так, – кивнул я.

– Печально, – проронил Николас.

– Не ожидал от тебя такого, Ник! – удивился Барак. – Я думал, ты всегда защищаешь богатых.

– Не всегда. Когда речь идет о столь вопиющей несправедливости...

– Сейчас настали такие времена, что справедливости не дождешься, – с горечью перебил Барак. – Беднякам платят за их труд деньгами, которые с каждым днем становятся все дешевле. Молодых крепких парней забирают в солдаты и отправляют на эту безумную войну с Шотландией.

– О, я гляжу, ты тоже стал поборником всеобщего благоденствия, – улынулся я.

– Просто я вижу, что творится вокруг, – пожал плечами Барак. Два года назад я был здесь, в Норидже, на зимней выездной сессии. Бог свидетель, с тех пор жизнь тут стала еще хуже. Люди жалеют о временах короля Генриха. Пока нами правил этот старый хрыч, каждый хотя бы знал, на что можно рассчитывать.

– Каждый знал, что сидит по уши в дерьме, вот тебе и весь расчет, – вставил Николас.

– Думаю, что скоро пошлю к чертям эту волынку с выездными сессиями, – вздохнул Барак. – Уж лучше работать с лондонскими адвокатами. – Просветлев лицом, он добавил с улыбкой: – Представьте себе, я научился писать левой рукой. Каракули, конечно, выходят ужасные, но их вполне можно прочесть. Так что я снова могу записывать показания свидетелей.

– Замечательно! – воскликнул я, украдкой покосившись на его протез, из которого торчал зачехленный нож.

На пару мгновений повисло молчание. Я заметил, что несколько молодых людей, сидевших за соседним столиком, то и дело бросают на нас злобные взгляды. Все парни были в широкополых шляпах и кожаных куртках; глядя на их дочерна загорелые лица и длинные шесты, стоявшие у стены, я догадался, что это лодочники.

– А «Голубой кабан» становится шикарным местечком, – произнес один из них так громко, чтобы мы слышали. – Поглядите только на этих блаародных жентлеменов.

– Да, зна-атная подобралась шайка, – столь же громко протянул второй.

– Слепому видно, это подручные судейских, которые скоро сюда нагрянут. Будут решать, кому придется отплясывать, размахивая ногами в воздухе.

– И где они только отыскиали такую славную компанию уродов: один горбатый, у другого вместо руки железная палка. Третий наверняка тоже калека, только вот никак не возьму в толк, чего ему не хватает.

– Наверняка у бедняги отвалился хрен.

Они хрипло расхохотались. Николас залился краской.

– Заткнитесь, вы, невежи! – взревел он, вскакивая и с грохотом отталкивая стул.

Барак сделал предостерегающий жест левой рукой, потом грохнул по столу второй, железной, и снял чехол, скрывающий нож. Лезвие оказалось коротким, но острым. Он бросил на балагуров угрожающий взгляд.

– Мы всего лишь малость пошутковали, сэр, – буркнул один из них с откровенной злобой в голосе, и все они вновь склонились над своими кружками.

– Теперь вы убедились, что я вас не обманывал, – процедил Барак, повернувшись к нам. – Джентльмены здесь не в чести, а манеры городских жителей не отличаются учтивостью.

– К тому же взрослые люди позволяют себе тупые шуточки, которые в ходу у малолетних оболтусов, – произнес Николас, по-прежнему не сводя глаз с компании за соседним столом.

Один из лодочников, обернувшись, метнул в него презрительный взгляд. Барак, заметив это, попытался отвлечь внимание Ника.

– И какие же шаги вы намерены предпринять в ближайшее время? – спросил он.

– Завтра пойдем в тюрьму, встретимся с Болейном, – ответил Овертон. – Потом поговорим с коронером и нанесем визит родителям убитой – если только они сообразоволят нас принять.

– А есть у вас какие-нибудь предположения насчет того, кто, если не Джон Болейн, мог прикончить эту женщину?

Я молча покачал головой.

– Выбор богатый, – заявил Николас. – Сыновья Болейна, его вторая жена, сосед, с которым Болейн ведет тяжбу.

«И еще сэр Ричард Саутвелл, – добавил я про себя. – Могущественный вельможа, который явно не прочь заполучить земли Болейна. Человек, которого нам, согласно предостережениям Сесиля, следует остерегаться».

– Если бы у Болейна имелось крепкое алиби, все было бы значительно проще, – вздохнул Николас. – Его вторая жена утверждает, что во время убийства Джон якобы сидел в своем кабинете, изучал документы, имеющие отношение к земельной тяжбе. Но его никто не видел, так что алиби до крайности шаткое.

– Особенно если учесть, что документы эти оказались в Лондоне, – заметил я. – Купчие и все прочее. Я привез их сюда. Полагаю, в субботу мы вместе с Локвудом съездим в Бриквелл, посмотрим, как там обстоят дела, – добавил я, повернувшись к Николасу.

– Не будете возражать, если я к вам присоединюсь? – спросил Барак. – Завтра у меня полно дел, зато в субботу я свободен как птица. – Заметив мою удивленно вскинутую бровь, он пояснил: – Тамазин ведь далеко, верно? Она не узнает, что я провожу время в вашем опасном обществе.

– Будь по-твоему, дружище, – немного поколебавшись, сказал я и едва заметно кивнул, глядя на Николаса.

– Пойду-ка я прогуляюсь до нужника, – заявил он. – Вернусь через пару минут.

Когда он ушел, я негромко произнес:

– Неделю назад я случайно встретился с Тамазин.

Выслушав мой рассказ о том, что произошло в доме Гая, Барак сокрушенно покачал головой:

– Тамми никак не может вас простить, хотя прошло уже три года. Я пытался на нее повлиять, но она упряма как ослица.

– Тамазин сказала, что вспоминает обо мне каждый вечер, когда натирает маслом твою... ну, то, что осталось от твоей руки. Говорит, ты испытываешь сильные боли.

– Конечно, чертова культя просто адски болит! – вздохнул Барак. – Но боль – это неотъемлемая часть жизни, разве нет? Вам это известно лучше, чем кому-либо. Когда вы вошли, я сразу смекнул, что у вас разламывается спина. А Тамазин вечно разводит занудство: «Будь осторожен, милый, не делай того, не делай этого», – произнес он с внезапной досадой. – Дай ей только волю, она держала бы меня в пеленках, как малое дитя. Всякий раз, когда мне надо ехать по делам, между нами вспыхивает ссора. По совести говоря, мне это изрядно надоело.

Вспомнив, что однажды супруги уже едва не расстались, я с беспокойством взглянул на Джека.

– Вы не думайте, я не представляю себе жизни без Тамми и детей, – заявил он, догадавшись, что у меня на уме. – Далеко не всякая жена так заботится о своем муже, как она обо мне. Но Тамазин не понимает, что иногда эти заботы способны привести человека в бешенство. Женщины есть женщины, – глубокомысленно вздохнул он, покачав головой. – Кстати, о женщинах. Как успехи молодого Николаса по этой части?

– Он питает нежные чувства к одной юной особе, – улыбнулся я. – И вполне вероятно, эти чувства небезответны. Однако не могу сказать, что девица сия мне по душе.

Лодочники, шумно отодвигая стулья, поднялись из-за стола и принялись разбирать свои шесты. Один, приподняв шляпу, отвесил мне поклон, но вслед за этим громко выпустил газы. Оглушительно хохоча, он и его товарищи вышли из таверны.

Барак снисходительно улыбнулся. Несколько мгновений мы с ним не произносили ни слова. Я смотрел на сторожевую башню у ворот, верхушка ее терялась в сгущавшихся сумерках. В овальном оконце башни, расположенном на высоте двадцать футов, вспыхнул свет.

– Впечатляющее сооружение, – заметил я.

– Ее возвели для охраны Епископского моста, – пояснил Барак. – Это единственный мост, по которому можно попасть на ту сторону реки.

– А что это за особняк на холме?

– Дворец Суррея. Граф Суррей, сын герцога Норфолка, построил его всего несколько лет назад. С тех пор как графа казнили, дворец стоит пустой. Он передан Ведомству по делам конфискованного имущества, но в этих краях не имеется охотников приобретать такую громадину. Холм носит название Маусхолдского, сразу за ним начинается пустошь, огромное пространство, принадлежащее кафедральному собору. Почва там песчаная и годится только для пастбищ. Кстати, у этой пустоши любопытная история, – сообщил Барак, и в голосе его послышались печальные нотки.

– Какая же?

– Несколько столетий назад там был убит ребенок – маленький мальчик. В убийстве обвинили нориджских евреев, на которых обрушились жестокие кары. Что касается мальчика, он был причислен к лику святых как мученик. Рака с мощами Уильяма Нориджского стояла в соборе до тех пор, пока король Генрих не распорядился убрать из церквей все эти священные останки. Одно из немногих добрых дел, совершенных этим старым греховодником. – Рука Барака скользнула за ворот рубашки. Я догадался, что он нащупал древнюю мезузу, иудейскую реликвию, когда-то подаренную ему отцом. Предки моего друга были иудеями. – А во время крестьянского бунта там, на Маусхолдском холме, повстанцы разбили свой лагерь, – продолжал Барак, глядя на темнеющую в сумерках возвышенность. – Как-то раз я слышал, как люди в таверне говорили об этом восстании. Вспоминали Уота Тайлера и Пирса Пахаря. Такие вот здесь царят настроения, – завершил он и с беспокойством огляделся по сторонам. – Черт побери, куда запропастился Николас, хотел бы я знать? Этому парню нужно слишком много времени, чтобы помочиться!

– Я, кстати, и сам не прочь прогуляться до нужника. Да и поесть не помешало бы. У них здесь подают какую-нибудь еду?

– Да, вполне приличную похлебку.

– Надо будет заказать.

Я встал, хотя спине моей этого явно не хотелось, и двинулся в дальний конец сада, к деревянному сарайчику, над входом в который горел фонарь.

– Николас! – окликнул я, подойдя поближе. – Ты здесь?

Ответа не последовало. Я рывком распахнул дверь и тут же подался назад. Николас лежал ничком на загаженном полу, у самой выгребной ямы, над которой была перекинута укрепленная на двух кирпичях перекладина. Я схватил фонарь и осветил молодого человека. На разбитом затылке темнела кровь. Опустившись на корточки, я нащупал пульс на его шее, – к счастью, под пальцами ощущалось слабое биение. К спине Николаса была приколотая какая-то записка. В свете фонаря я разобрал надпись, выведенную корявыми буквами: «СМЕРТЬ ДЖЕНТЛЬМЕНАМ».

Глава 12

Николас застонал и пошевелился. Я помог ему сесть и заорал во всю глотку, призывая на помощь Барака. Через несколько минут тот примчался в сопровождении нескольких посетителей таверны. К этому времени Николас, к великому моему облегчению, пришел в себя и затряс головой.

– Что произошло? – спросил я.

– Не знаю. Стоило мне сюда войти, как кто-то огрел меня по затылку. – Рука его потянулась к кошельку. – Деньги на месте, – с удивлением пробормотал он.

Джек, наклонившись, внимательно осмотрел голову пострадавшего.

– Рана неглубокая, – сообщил он. – Много крови, но никакого серьезного вреда. Судя по всему, ни убивать, ни грабить тебя они не собирались. Унизить джентльмена – вот их единственная цель. Ты никого не видел?

– Нет. Но мне кажется, их было несколько.

– Наверняка работа тех чертовых лодочников.

– Думаю, ты прав, – кивнул я. – Они хотели отомстить.

– За что? – сердито буркнул Николас. – Они первыми начали к нам цепляться.

– Возможно, за то, что ты назвал их невежами, – предположил Барак. – То есть подчеркнул их принадлежность к низшему классу. Такого рода оскорбления здесь не сходят с рук.

– Они оскорбили нас еще хуже, и без всякой на то причины, – напомнил я. – Давайте выйдем уже из этого вонючего сарая.

Под огнем множества любопытных взглядов мы помогли Николасу выйти на свежий воздух и усадили его на скамью. Он несколько раз моргнул и снова затряс головой.

– У него здорово кружится башка, – захохотал кто-то из зрителей.

– И вся его красивая одежда теперь в дерьме.

Надо признать, наблюдение было верным; от одежды бедняги Николаса исходила жуткая вонь. К нам подошел запыхавшийся хозяин таверны.

– Что здесь произошло? – спросил он, обращаясь к Бараку, своему постояльцу.

– На моего друга напали, когда ему приспичило заглянуть в нужник.

– Его ограбили?

– Нет, только ударили по голове.

Я протянул трактирщику записку, пришпиленную к спине Овертона:

– Вот что они оставили. За соседним столом сидели какие-то лодочники, все время пытавшиеся завязать ссору. Думаю, это они напали на моего помощника.

– Он сам сказал, что никого не видел, – раздался чей-то злобный голос. – Или джентльменам можно возводить на простых людей напраслину?

– И зачем они только вообще к нам приперлись, спрашивается? – подхватил кто-то еще. – Сидели бы в своем Лондоне.

По небольшой толпе прошел одобрителный ропот. Хозяин таверны отвел нас в сторону и произнес, понизив голос:

– Среди наших завсегдатаев много лодочников и рыбаков. Я очень сожалею о случившемся, сэр, но умоляю вас: не разбрасывайтесь здесь подобными обвинениями. Иначе нам не миновать крупных неприятностей. Сообщите обо всем констеблю, если считаете нужным. Но я очень сомневаюсь, что от этого будет хоть какой-то толк. Ведь нападение произошло без свидетелей.

Догадавшись, что оскорбившие нас рыбаки являются постоянными клиентами заведения, я метнул в собеседника суровый взгляд. Однако Барак, оглядев толпу, сказал мне почти шепотом:

– Думаю, вам с Николасом стоит побыстрее унести отсюда ноги.

– А ты?

– За меня не волнуйтесь. Меня можно принять за джентльмена, лишь когда я нахожусь в вашем блистательном обществе.

Трактирщик едва сдержал вздох облегчения.

– Я пошлю двух мальчишек с фонарями проводить вас до самого дома, – пообещал он. – Где вы остановились?

– В «Девичьей голове».

Хозяин таверны обернулся к зевакам:

– Ничего особенного не произошло. Все живы и здоровы. Возвращайтесь к своей выпивке, парни.

Зрители, поняв, что представление окончено, поплелись к своим столам.

– Ты можешь идти? – обратился я к Николасу.

– А что мне остается делать? – пожал он плечами. – Господи Иисусе, мне нужно вымыться как можно скорее.

Глянув на людей, сидевших за столами, я получил в ответ несколько недоброжелательных взглядов. Тут, к моей радости, появился трактирщик в сопровождении двух дюжих юнцов, державших в руках факелы.

Вернувшись в «Девичью голову», мы объяснили плачевный вид Николаса тем, что в темноте он якобы наступил на кучу дерьма, поскользнулся и упал. Хорошенько вымывшись и переодевшись, Овертон почувствовал себя лучше, хотя и оставался бледным как полотно. Николас настаивал на том, что завтра утром будет сопровождать меня и Тоби. Припомнив поговорку «Утро вечера мудренее», я отправил его спать. Когда Николас ушел, я извлек из кармана записку. Один из четверых лодочников – я не сомневался, что нападение совершили именно они, – был обучен грамоте. Никогда прежде я не сталкивался с подобной ненавистью к джентльменам – ненавистью, толкавшей людей на самые рискованные поступки. Оказавшись в своей комнате, я первым делом тщательно запер дверь.

Назавтра я проснулся рано. Не было еще и шести утра, а мы с Николасом уже сидели за завтраком. Я с облегчением заметил, что к нему вернулся прежний румянец. Огромный синяк на затылке был скрыт под шляпой. Вчера, прежде чем лечь спать, я снова проделал упражнения, рекомендованные Гаем, и теперь спина беспокоила меня гораздо меньше. Садиться в седло, впрочем, у меня не было ни малейшего желания, но я чувствовал, что смогу обойтись без палки. Едва колокола собора прозвонили шесть, как в дверях появился пунктуальный Тоби Локвуд.

– Да ниспошлет вам Господь доброго утра, – произнес он, кланяясь нам обоим.

– И вам тоже, Тоби. Как поживают ваши родители?

– Матушка чувствует себя немного лучше. А отец очень озабочен видами на урожай.

Я выглянул в окно, на залитую солнцем улицу:

– К счастью, ненастная погода, похоже, закончилась.

– Да. Даже в такую рань уже жарко. День, судя по всему, будет знойный.

– И к тому же трудный. Я намерен сегодня повидаться с Джоном Болейном, с коронером и с родителями Эдит Болейн – конечно, если они нас примут.

– Вчера вечером мне удалось договориться с коронером. Он будет ждать вас в ратуше в полдень.

– Было бы лучше сначала поговорить с ним, а потом уже с Болейном, – задумчиво произнес я.

– Но к сожалению, сэр, встретиться с вами раньше он никак не сможет.

– Значит, первым делом мы отправимся в замок. Скажите, Тоби, а удалось вам что-нибудь узнать о моей бывшей служанке Джозефине Браун?

– Никто из моих знакомых не слышал этого имени, – покачал головой Локвуд. – И о Питере Хеннинге, адвокате в отставке, тоже пока ни слуху ни духу. Правда, один из моих друзей, помощник солиситора, пообещал навести справки. Даже если мастер Хеннинг оставил адвокатскую практику, он не мог провалиться сквозь землю. Конечно, если милостью Божией этот человек до сих пор жив.

– Спасибо, Тоби. Это очень важно для меня. Что ж, идемте. – Я внимательно посмотрел на Николаса. – Ты уверен, что после вчерашнего приключения сможешь выдержать все тяготы предстоящего дня?

– Уверен, – буркнул он не без раздражения.

– После вчерашнего приключения? – нахмурившись, переспросил Тоби.

Я рассказал ему о печальном происшествии в «Голубом кабане» и показал записку, которую оставили злоумышленники. Локвуд внимательно выслушал, теребя свою густую черную бороду.

– Напрасно мастер Николас назвал этих людей невежами, – заметил он. – Даже если они первыми затеяли ссору.

– В точности то же самое сказал мой друг Барак, – кивнул я.

– Вы совершили оплошность, явившись в трактир, в который редко заглядывают джентльмены, – продолжал Тоби, пристально глядя на Николаса. – Постарайтесь впредь не допускать подобных промахов и избегать ненужных стычек.

– Я думаю, стоит сообщить о случившемся констеблю, – процедил Николас.

– Это ни к чему не приведет, лишь создаст о вас не самое благоприятное впечатление, – возразил Локвуд, переводя на меня взгляд своих ярко-голубых глаз. – Согласитесь, сэр, выполняя свою работу, мы должны считаться с обстоятельствами, верно?

В семь часов утра мы уже покинули трактир «Девичья голова». Мы с Николасом облачились в мантии законников.

Тоби указал на один из домов, стоявших на площади Тумлэнд.

– Здесь живет олдермен Гэвин Рейнольдс, – сообщил он; дом представлял собой просторный особняк, недавно выкрашенный в желтый цвет. – Я уже предупреждал вас: нрав у старика скверный. Судя по запуганному виду его бедной жены, она трепещет перед грозным мужем. Прежде он был известен тем, что не пропускал ни одной смазливой служанки. Сегодня мы попытаемся к нему наведаться, утром у нас назначена встреча в замке, а это, как вы помните, на Элм-Хилле.

Мы вышли на широкую рыночную площадь, над которой возвышалась громада замка. Торговцы протирали свои прилавки, выметали мусор и убирали конский навоз, готовясь к завтрашнему базарному дню. У большого креста какой-то человек в одеянии проповедника ораторствовал, энергично размахивая в воздухе книгой Нового Завета. Ему внимала небольшая толпа, состоявшая главным образом из ремесленников и подмастерьев в синих фартуках.

– Апостол Павел говорит, что как тело едино, хотя имеет многие члены, и как все члены одного тела, хотя их и много, составляют единое тело, так и Христос един для всех, – долетел до меня голос проповедника, звучный и глубокий.

– Это правда! – воскликнул какой-то юнец. – Все верующие равны перед Господом!

Толпа встретила сие заявление одобрительным гулом.

Проповедник, долговязый молодой человек, вновь взмахнул в воздухе Новым Заветом:

– Именно так! Все верующие равны в глазах Господа! Но апостол Павел учит также, что в этом мире каждому из нас, подобно частям человеческого тела, уготовано свое служение. Господь, по милости своей, даровал каждому из нас способности, необходимые для того слу-

жения, к которому Он нас предназначил. Тот, кто наделен даром пророчества, должен пророчествовать...

– Предрекаю, что, когда к нам наконец прибудет Комиссия по огораживаниям во главе с Джоном Хейлзом, общины вновь воспрянут! – подал голос пожилой человек с окладистой седой бородой. – Вместе мы будем так же сильны, как левиафан из Книги Иова. – Все повернулись к нему, и он громогласно процитировал: – «Можешь ли ты удою выловить Левиафана и веревкою схватить язык его? Вденешь ли кольцо в ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его? Будет ли он умолять тебя и будет ли говорить с тобой кротко?» Мы, простые люди, и есть этот самый левиафан! – гремел над площадью его голос.

Ответом ему стал хор одобрительных возгласов. Проповедник горячо затряс головой:

– Не сомневайтесь, возлюбленные братья и сестры, в мире, которым управляет Господь, должна восторжествовать справедливость. И благодаря попечениям короля и лорда-протектора она неминуемо восторжествует. Но телу необходима голова, дабы управлять членами. Помните: апостол Павел учит нас с радостью подчиняться тем, кто управляет нами...

– К черту лордов! – заорал какой-то подмастерье.

Мы двинулись дальше.

– Этот проповедник ходит по острию ножа, – заметил я. – Он ежеминутно рискует возбудить гнев толпы. То же самое происходит в Лондоне.

– Именно поэтому разрешение проповедовать на улицах теперь дается далеко не всякому, – сказал Тоби. – Того, которого вы только что видели, зовут Роберт Уотсон. Он один из тех, кому покровительствует архиепископ Кранмер. Кранмер добился, чтобы Уотсона назначили каноником в собор. По слухам, он хотел досадить этим епископу Рагге.

– Рагге, я так понимаю, приверженец старых религиозных традиций?

– Да. К тому же он ленив и корыстен. Что до Уотсона, то вы сами видели, он пляшет под дудку лорда-протектора. Некоторым это не слишком нравится, например тому старику, что его перебил. Его, кстати, зовут Захария Ходж. Воображает себя пророком и вот уже лет двадцать проповедует на улицах Нориджа. Даже в тюрьме за это несколько раз сидел. Надо сказать, некоторые из его пророчеств и в самом деле сбываются.

– Ну просто кошмар, сколько в последнее время развелось прорицателей, – ухмыльнулся Николас. – И все они играют на руку какому-нибудь политику.

– Это верно, старина, – согласился я.

Мы посторонились, уступая дорогу худому оборванному подростку с копной спутанных каштановых волос, тащившему огромный тюк шерстяной ткани. Какой-то толстяк средних лет, стоя в дверях своей лавки, покрикивал на него:

– Пошевеливайся, Скамблер! Ты что там, уснул?

Мальчишка, изнемогавший под тяжестью своей ноши, ускорил шаг. Тут толстяка окликнули из лавки, и он исчез. В этот момент трое других подростков в блузах подмастерьев, ошивавшиеся у повозки, бросились наперерез мальчику с тюком. Один из них сбил беднягу с ног, так что тот упал. Тюк, несмотря на все отчаянные усилия мальчика удержать его, оказался в грязной луже.

– Грязнуля Скамблер снова отличился! – хором закричали подмастерья.

Лавочник вновь появился в дверях и, сердито сдвинув брови, бросился к месту происшествия. Сокрушенно взглянув на перепачканный грязью тюк, он поднял его из лужи и двинулся к мальчику, недоуменно озиравшемуся по сторонам. Подмастерья, устроившие эту проделку, с серьезными лицами наблюдали за происходящим. Один из них осуждающе покачал головой.

– Гляди, что ты натворил, безмозглая скотина! – взревел лавочник.

Николас подошел к нему и тронул за рукав:

– Послушайте, сэр! Вот эти три шельмеца сбили мальчика с ног, и мы тому свидетели!

– Нам нельзя терять времени, я уже говорил вам об этом, – недовольно вздохнул Тоби.

– Но допустить, чтобы эта шайка юных оболтусов осталась безнаказанной, тоже нельзя, – возразил я, подходя к Николасу.

Локвуд неохотно последовал за мной.

Лавочник, злобно зыркнув на Овертона, процедил:

– Не суйте свой нос в чужие дела, молодой крючкотвор! Я уже полтора месяца вожусь с этим недоумком Скамблером, и ныне моему терпению пришел конец! Убирайся прочь, дармоед! Если у тебя остались родные, я привлеку их к суду за порчу ткани!

– Простите, сэр, но мой помощник совершенно прав! – изрек я непререкаемым тоном. – Мальчика нарочно сбили с ног. Мы это видели, все трое.

– Вранье! – хором завопили подмастерья.

Злополучный Скамблер взглянул на своих обидчиков, и недоуменное выражение на его лице сменилось печальным.

– Это правда они? – едва слышно спросил он.

Я пристально посмотрел на мальчика, пытаюсь определить, не страдает ли он слабоумием. Но взгляд его, хотя и растерянный, отнюдь не свидетельствовал о тупости.

Лавочник по-прежнему рвал и метал:

– Вы думаете, мы здесь, в Норфолке, такие недоумки, что не отличим дармоеда от хорошего работника? – Трясущимся от ярости пальцем он указал на троих озорников. – Эти ребята работают подмастерьями у городских ремесленников, достойных всяческого уважения. А Скамблер – безмозглый осел, не способный даже смотреть себе под ноги. Родные выгнали его из дома, потому что этот жалкий мешок с костями способен доводить людей до белого каления! А то, что его с детства прозвали Грязнулей, говорит само за себя!

Один из подростков поднял тюк, валявшийся на земле, и подал его лавочнику. Тот кивнул в знак благодарности. Скамблер, по щекам которого ползли слезы, пробормотал:

– Я смотрел под ноги, хозяин. Наверняка это они меня повалили.

Торговец вместо ответа закатил ему оплеуху:

– Убирайся! И чтоб глаза мои тебя больше не видели. – Он метнул в нас злобный взгляд. – Законники! Знаем мы ваши законы, черт бы вас всех побрал!

Смачно сплюнув, он скрылся в своей лавке и захлопнул дверь. Трое подмастерьев, хохоча, убежали прочь. Один из них распевал во весь голос:

– Ах ты, наш Грязнуля Скамблер, глупый маленький урод!

Несчастный Скамблер стоял, потупив голову и глотая слезы.

– Прости, парень, что не сумели тебе помочь. Но мы сделали все, что могли! – обратился я к нему.

– Вы были очень добры, сэр, благодарю вас.

Я вытащил из кармана кошелек и протянул бедолаге шиллинг.

– Почему эти мальчишки тебя изводят? – спросил я.

Скамблер покачал головой, слезы потекли по его щекам еще быстрее.

– Не знаю, – выдохнул он. – Но люди всегда надо мной издеваются. А почему – не знаю.

– Кончай лить слезы, парень, – нетерпеливо вмешался Тоби. – Будь мужчиной.

Скамблер взглянул на него, резко повернулся и припустил бегом в сторону замка. Мы с удивлением глядели ему вслед.

– Вот мерзавцы, – буркнул Николас. – То, что они устроили, – это уже не шутка. Мальчонка по их милости лишился работы.

– Все дело в том, что этот парень не походит на других, – задумчиво произнес я, вспоминая собственное детство. – Люди не любят тех, кто от них отличается, и дети в этом смысле еще хуже взрослых. Проповедники ныне орут на всех углах, что мир забыл о милосердии, и с ними трудно не согласиться. – Переведя взгляд на Тоби, я заметил: – А вы могли бы нас поддержать.

– Насколько я понимаю, сэр, нам следует по возможности не привлекать к себе внимания. Таково распоряжение мастера Пэрри, о котором мне сообщил мастер Копулдейк.

– Идемте, – велел я. – Нас ждут в замке.

«Судя по всему, сочувствие, которое Локвуд питает к обиженным и угнетенным, далеко не безгранично», – размышлял я по пути.

Глава 13

Прежде чем подняться на огромный, поросший травой холм, на котором стоял Нориджский замок, нам пришлось пересечь пустошь, где уже сколачивали загоны для завтрашнего скотного рынка. Перейдя по мостику мутный ручей, мы вступили сначала на извилистую тропу, а потом на широкую дорогу, которая вывела нас к воротам замка. Солнце стояло уже высоко, и к тому времени, как мы добрались до цели, я взмок от пота, а многострадальная моя спина буквально раскалывалась от боли. Что до моих молодых спутников, то они оба, несмотря на события вчерашнего вечера, выглядели свежими и бодрыми. Наконец мы оказались у главного входа, представлявшего собой огромную полукруглую арку. Массивные деревянные ворота были заперты, но у вделанной в них калитки стоял часовой – хорошо сложенный парень с начищенной до блеска алебардой в руках. На нем были круглый шлем и белый солдатский мундир. Буквы «ER»⁴, вышитые на мундире, напоминали, что превращенный в тюрьму замок находится в ведении короля, а не городских властей. Стражник внимательно наблюдал за человеком, который приколачивал к воротам какую-то бумагу, вероятно с официальным указом. Покончив с работой, тот кивнул стражнику, бросил: «Теперь пойду к ратуше» – и двинулся по дороге прочь.

Локвуд, подойдя к воротам, принялся читать. Пробежав объявление глазами, он потерял свою длинную бороду и присвистнул.

– Очередное воззвание лорда-протектора? – осведомился я.

– А что же еще.

Мы с Николасом тоже изучили бумагу.

– Подумать только, герцог Сомерсет объявляет помилование всем бунтовщикам, выступавшим весной против незаконных огораживаний, – заметил Тоби. – Против богатых землевладельцев, вроде сэра Уильяма Герберта и ему подобных.

– И о чем Сомерсет только думает? – нахмурился Николас. – Очень подходящее время для подобного указа, ничего не скажешь. В западных графствах и без того беспорядки. Этот указ только придаст бунтовщикам пылу.

– Так оно и будет, – с непроницаемым лицом кивнул Тоби.

Я подошел к часовому и протянул ему верительную грамоту, которую Копулдейк вручил мне в Лондоне.

– Нам необходимо увидеть заключенного по имени Джон Болейн, – сообщил я.

Часовой кивнул и распахнул перед нами калитку. Поднявшись на каменное крыльцо и миновав богато украшенную арку, мы оказались в огромном пустынном зале с высокими узкими окнами, сквозь которые проникал тусклый свет. Как и во всех на свете тюрьмах, тут разило сыростью, мочой и потом. Несмотря на стоявшую за стенами замка жару, воздух здесь оставался холодным и влажным. Двое стражников играли в карты, устроившись у грубого деревянного стола. Один из них, оторвавшись от этого увлекательного занятия, устремил на нас вопросительный взгляд. Я изложил наше дело, и он крикнул: «Орестон!» Зычный голос эхом разнесся под сводами просторного зала. До меня долетел топот шагов по железной лестнице. Мгновение спустя одна из внутренних дверей распахнулась и перед нами предстал здоровенный детина в грязной блузе; на поясе у него висела дубинка.

– Тут целый отряд законников хочет увидеть Болейна, – сообщил ему часовой.

Тюремщик бросил на нас любопытный взгляд.

– Как я смотрю, кого-то из важных людей сильно интересуется мастер Болейн, – пробормотал он.

⁴ Аббревиатура от латинского словосочетания «Eduardus Rex» – «король Эдуард».

– Его адвокат живет в Лондоне и не смог приехать. Он передал мне свои полномочия, – пояснил я и кивнул в сторону Тоби. – А это его помощник, мастер Локвуд.

Вслед за тюремщиком мы спустились на один пролет по железной лестнице и оказались в коридоре с каменными стенами и узкими окнами; в коридор выходило несколько дверей с зарешеченными оконцами. Звук наших шагов гулко раздавался под сводами замка; заслышав его, заключенные подходили к оконцам своих камер и провожали нас тоскливыми взглядами. Остановившись возле одной из дверей, тюремщик выбрал ключ из связки, висевшей у него на поясе, и отпер ее.

Камера Джона Болейна оказалась совсем крохотной; свет проникал туда только через маленькое окошко, расположенное под самым потолком. Я догадался, что мы находимся под землей. Пол покрывали грязные циновки; вонючая бадья, табуретка и деревянная кровать с соломенным тюфяком составляли всю обстановку камеры. Заключенный, сидя на кровати, читал Евангелие при тусклом свете, падающем из окна. Когда мы вошли, он поднял голову.

Я ожидал, что Джон Болейн, подобно своим сыновьям, окажется светловолосым и дородным. И действительно, высокий рост и широкие плечи близнецы явно унаследовали от отца; однако волосы и борода у него были черными как смоль. Изборожденное морщинами чумазое лицо выглядело до крайности изнуренным, в глазах застыло выражение безнадежности. Трудно было поверить, что перед нами один из крупнейших землевладельцев Норфолка. Впрочем, еще в Лондоне Тоби Локвуд утверждал, что Болейн пребывает в удручающем состоянии.

– Что, мастер, хотите примириться с Господом до того, как вас повесят? – жизнерадостно осведомился Орестон.

Болейн промолчал, ограничившись презрительным взглядом.

– Оставьте нас, – повернулся я к тюремщику.

Он пожал плечами и вышел, закрыв за собой дверь.

– Сержант юстиции Мэтью Шардлейк, – представился я, протянув Болейну руку. – Приехал разобраться в вашем деле. Это мой помощник, мастер Овертон. Полагаю, с мастером Локвудом вы знакомы.

– Да, – сдержанно ответил Джон. – Надо же, сержант юстиции! Никак не ожидал, что сюда пришлют адвоката, занимающего столь высокое положение.

– В этом мире есть люди, которые хотят вам помочь, мастер Болейн, – улыбнулся я. – Я не имею полномочий представлять ваши интересы в суде, так как дело относится к разряду уголовных. Однако намерен собрать все факты, проливающие свет на случившееся. С вашего позволения, я сяду. В последнее время спина доставляет мне много неприятностей.

– Вы уже встречались с моей женой Изабеллой? – спросил Болейн, и голос его неожиданно потеплел.

– Пока еще нет. Надеюсь, завтра мы сможем съездить в Бриквелл и поговорить с ней.

– Они заявляют, что теперь Изабелла не считается моей законной женой. Здесьшний священник не разрешил ей навещать меня, – вздохнул Болейн, и лицо его исказилось от злобы. – Меня повесят, в этом можно не сомневаться. Им ненавистно мое имя, ненавистна моя жена... И соседи давно мечтают прибрать к рукам мои земли.

– На суде имеют значение лишь факты, а чувства не играют никакой роли, – заметил я, пытаясь его приободрить. – Если вы не возражаете, я задам вам несколько вопросов. У меня с собой ваши прежние показания, – сообщил я, вынимая из сумки бумаги.

– Как вам будет угодно.

– Прежде всего давайте поговорим об исчезновении вашей покойной супруги девять лет назад. Насколько я понял, Эдит покинула ваш дом внезапно, без всяких объяснений.

К моему удивлению, Джон отрывисто расхохотался.

– Именно так. Хотя, надо признать, ее исчезновение не слишком меня удивило, – бросил он с горечью.

– Почему?

Поколебавшись несколько мгновений, Болейн начал свой рассказ:

– Двадцать лет назад, когда я женился на Эдит Рейнольдс, она была очаровательной девушкой, с пышной грудью и чудесными белокурыми волосами. При этом Эдит была на редкость робкой и застенчивой – полагаю, потому, что отец держал ее в ежовых рукавицах. Впоследствии я догадался, что она вышла за меня замуж лишь для того, чтобы избавиться от отцовской власти. Но тогда я любил Эдит. Очень любил. – Джон прикусил губу и погрузился в молчание. Когда он заговорил вновь, голос его был едва слышен. – Как только мы поженились, Эдит точно подменили. Свои супружеские обязанности она исполняла до крайности неохотно. Даже самую главную из них. – Залившись краской, Болейн бросил на меня вызывающий взгляд. – Мужчины обычно не признаются в подобных вещах, но мне уже на все наплевать. Произведя на свет близнецов, жена заявила, что больше не желает иметь детей. К сыновьям она не питала ни малейшей привязанности, даже когда они были совсем малютками. Иногда я думаю, что именно поэтому Джеральд и Барнабас выросли такими варварами. В общем, жизнь с ней превратилась в сущий ад, – продолжил он дрожащим от застарелой обиды голосом. – Эдит постоянно устраивала скандалы, прислуга боялась ее как огня – за исключением горничной по имени Грейс Боун, к которой моя супруга благоволила. Но даже Грейс в конце концов не выдержала и попросила расчет. К тому же у моей жены имелись странные привычки. Как я уже сказал, когда мы поженились, она была цветущей девушкой с пышными формами. Однако порой Эдит принималась морить себя голодом и доходила до того, что от нее оставались кожа да кости. Причины столь дикого поведения были совершенно мне непонятны. Садясь за стол, она заявляла, что не голодна, и не брала в рот ни крошки. Я пытался действовать добротой, пробовал вразумить ее бранью. Но все оставалось по-прежнему. У меня даже возникли опасения, что у Эдит помутился рассудок.

– А потом вы встретили свою нынешнюю супругу, Изабеллу?

Во взгляде Болейна вновь сверкнул вызов. Про себя я отметил, что подвижное лицо выдает в нем человека, обуреваемого страстями.

– Да, это случилось примерно за год до исчезновения Эдит, – кивнул Джон. – Изабелла работала в таверне, куда я частенько заглядывал. Она обладает всеми достоинствами, которых была лишена моя первая жена. Иными словами, она добра, приветлива, жизнерадостна и молода. И самое главное – я пришелся ей по душе. Это было упоительно – после стольких лет ненависти ощущать себя желанным. Изабелла стала моей любовницей. А какой у нас еще был выбор в подобных-то обстоятельствах? – спросил Болейн, и в приглушенном его голосе неожиданно зазвенела злоба.

– Вскоре соседи начали чесать языками, и Эдит узнала о ваших отношениях с Изабеллой, – подсказал Тоби.

– Да, когда это произошло, Эдит не сказала мне ни слова, но нрав ее стал еще невыносимее. Незадолго до этого Джеральд порезал Барнабасу лицо. Эта кошмарная выходка не только рассердила Эдит, но, полагаю, и всерьез напугала ее. Она вновь перестала есть. Времена тогда были трудные, лето выдалось жарким и засушливым, а значит, неурожайным. Я опасался, что останусь без денег. Если вы помните, именно в тот год пал лорд Кромвель. Признаюсь, я был с Эдит груб и не раз давал волю вспыльчивости.

«То, что этот человек подвержен приступам вспыльчивости, не вызывает никаких сомнений, – подумал я. – Но вот мог ли он до такой степени выйти из себя, чтобы убить бывшую жену предельно жестоким и изощренным способом?»

– И вот в один из зимних дней, в начале декабря, Эдит исчезла, – продолжал Болейн. – Не взяла с собой ничего, ушла в той одежде, которая на ней была. Поднялась суматоха, мою жену искали повсюду, но не удалось обнаружить ни малейшего ее следа.

– После исчезновения Эдит Изабелла переехала к вам? – уточнил я.

Болейн сдвинул брови, лицо его стало непроницаемым.

– Она перебралась в мой дом только год спустя, – процедил он. – После того, как нам стало ясно: Эдит не вернется. Вы читали мои показания, сэр, а значит, вам должно быть известно – я не пытался скрыть свои отношения с Изабеллой. Наше чванливое норфолкское дворянство было этим до крайности скандализировано. Многие местные болваны были убеждены, что я убил Эдит и закопал ее тело в укромном месте. При встрече со мной они воротили нос и утверждали, что безнравственность – фамильная черта Болейнов, а отсутствием моральных принципов я похожу на Анну Болейн, свою дальнюю родственницу. «Ну и черт с ними», – думал я. А что мне еще оставалось?

– И все эти девять лет вы не получали от Эдит никаких вестей?

Он устало покачал головой:

– Нет, и это меня вполне устраивало. Как и все прочие, я считал, что она мертва. Полагал, жена покончила с собой.

– У нее имелись какие-либо знакомые за пределами Норфолка? – спросил я и после недолгого замешательства уточнил: – Например, в Эссексе, в Кембриджшире, в Хартфордшире?

Николас метнул в мою сторону предостерегающий взгляд. Упомянув про Хартфордшир, я слишком приблизился к Хатфилду. Однако на лице Болейна не дрогнул ни один мускул.

– Нет, никаких знакомых в других графствах у Эдит не было. Она родилась и выросла в Норидже.

– Насколько мне известно, ее отец – богатый купец.

– Да уж, денег у него предостаточно. – В голосе Болейна вновь зазвенела злоба. – Гэвин Рейнольдс торгует тканями, так же как его отец и дед. Они нажили состояние, нелегально продавая камвольную шерсть в Данию. Характер у старика скверный. Впрочем, мне не стоит об этом распространяться. Олдермен Рейнольдс – один из тех, кто правит Нориджем. Жена его – урожденная Сотертон. Рейнольдс жесток и хитер. Можно не сомневаться, он способен добиться своего любой ценой. Сейчас он залег на дно – видно, боится, что шум вокруг этого дела повредит его положению в городе. – Болейн усмехнулся. – Старый хрыч мечтал стать мэром Нориджа. Теперь с этой мечтой пришлось проститься. Думаю, он не будет слишком горевать, когда меня вздернут на виселицу.

– Прямо отсюда я намерен отправиться к нему.

– Сомневаюсь, что он станет с вами разговаривать.

– Когда это необходимо, я умею проявлять настойчивость.

Тоби почесал голову, и Болейн, заметив это, грустно улыбнулся:

– В здешних тюфях пропасть блох.

– Мастер Болейн, наша цель – доказать, что вы не убивали Эдит, – веско произнес я. – А значит, мы должны найти, у кого еще имелась причина лишить жизни вашу бывшую жену. И кто при этом мог подстроить все так, чтобы подозрение упало на вас. Прежде всего необходимо определить, у кого была возможность спрятать в конюшне грязные ботинки и молоток. Это правда, что ключи от конюшни были только у вас и у конюха?

– Да. – Лицо Болейна смягчилось. – Мой любимый жеребец по кличке Полдень – отличный скакун, но норов у него крутой. Меня этот зверюга слушается беспрекословно, а ко всем прочим относится с недоверием. Даже сыновьям я запрещал подходить к нему, потому что конь не раз их лягал. Я боялся, что он лягнет Изабеллу или кого-нибудь из работников. Кроме меня, он слушался только мальчика-конюха. Но конюх тут ни при чем, уверяю вас. – Болейн грустно усмехнулся. – У этого мальчишки не все в порядке с головой, но с лошадьми он ладит отлично. Я нанял его в начале года. Честно говоря, поначалу сомневался, стоит ли брать на работу парня, которого все считают малость чокнутым. Но меня заверили, что лучше конюха не найти. И правда, он подружился с Полднем, и тот полюбил его. Мне кажется, этот парень,

Саймон, предпочитает общаться с лошадьми, а не с людьми. Близнецы вечно его изводили, и бедняге приходилось это терпеть. В общем, поверить в то, что Саймон убил человека, так же трудно, как и в то, что он улетел на Луну. Ключи от конюшни малец всегда держал при себе, я сам на этом настаивал. После убийства он вручил их мне и скрылся в неизвестном направлении. Я так полагаю, что Скамблер чертовски испугался. Удивляться этому не приходится, этот парень из тех, кто боится собственной тени.

Мы с Николасом переглянулись.

– По пути сюда мы встретили в городе мальчика по фамилии Скамблер, – сообщил я. – Подросток лет пятнадцати, худой как жердь.

– Наверняка это он.

– Он тащил здоровенный тюк ткани, и какие-то подмастерья подставили ему подножку, так что бедняга уронил свою ношу в лужу. Лавочник, у которого он работал, тут же его уволил. Все называли его Грязнулей – насколько я понял, это его прозвище.

– Так его зовут с детства, – кивнул Болейн. – Он постоянно таскается по городу и вечно попадает в переделки, придурок безмозглый.

– Сегодня Скамблер угодил в переделку не по своей вине, – уточнил Николас.

– Мальчишки – жестокий народ, – пожал плечами Болейн. – Но повторяю: к смерти Эдит Скамблер не имеет никакого отношения. Можете о нем забыть.

– Нет уж, забывать о нем не стоит, – решительно возразил я. – Если мы действительно хотим разобраться в этом деле, то должны поговорить с каждым, кто имеет к нему хотя бы отдаленное отношение. Вы сказали, что, кроме вас, ключи от конюшни были только у Скамблера. Насколько я понимаю, где он живет сейчас, вам неизвестно?

Болейн вновь пожал плечами, на сей раз с откровенным раздражением:

– Откуда мне знать? Родители его давно умерли. Вроде у него есть какая-то тетка, которая живет на Бет-стрит. А впрочем, найти его не составит труда. Грязнуля Скамблер – известная в Норидже личность, и вам наверняка подскажут, где он сейчас обретается. Но предупреждаю, вы только зря потеряете время.

– Доказать вашу невиновность возможно, лишь узнав, кто подкинул в конюшню основные улики против вас, – веско произнес я. – Необходимо собрать как можно больше фактов. Чем мы и займемся на этой неделе.

– Адвокат Шардлейк известен тем, что раскрыл немало запутанных убийств, – с гордостью сообщил Николас.

Во взгляде, который бросил на меня Болейн, мелькнуло откровенное недоверие.

– Я очень признателен вам за хлопоты, – буркнул он.

– Давайте подумаем, у кого еще была причина убить вашу супругу, – предложил я. – Как это ни печально, на ум мне первым делом приходят Изабелла и ваши сыновья.

– Разумеется, у Изабеллы имелся веский повод избавиться от Эдит. Как, впрочем, и у меня самого. – Голос Болейна звучал спокойно и размеренно, однако видно было, что он с трудом сдерживает досаду. – Но спрашивается: зачем ей глумиться над трупом? С какой целью она стала бы выставять тело на видном месте? Для того, чтобы навлечь подозрение на себя и на меня?

– Согласен, – кивнул я. – Это ваш самый сильный козырь. Кстати, Изабеллу допрашивали?

– Да. И коронер пришел к выводу, что она непричастна к убийству.

– Однако официально она не давала показаний. Как и Джеральд с Барнабасом. При этом, насколько я понимаю, они никогда не питали к матери сыновнюю любовь. Ее возвращение вряд ли доставило им радость.

– Я хорошо знаю своих сыновей, – процедил Болейн, глядя мне прямо в глаза. – Это парочка бессердечных мерзавцев, в чем нет ни малейших сомнений. Но они не убивали Эдит.

– Мастер Шардлейк уже имел случай познакомиться с этими молодыми джентльменами, – вставил Тоби. – В вашем лондонском особняке.

У Болейна глаза на лоб полезли.

– Что им там понадобилось?

– Думаю, решили проверить, можно ли в доме чем-нибудь пожить, – сказал я.

– Эти парни меня терпеть не могут, – пробормотал Болейн. – Я давно это понял. Но поверите ли, после исчезновения матери они просто места себе не находили. Несколько недель глаза у обоих были на мокром месте. Думаю, мать они как раз любили – на свой собственный манер, разумеется. Хотя я и довожусь этим молодчикам родным отцом, однако не испытываю на их счет ни малейших иллюзий, – продолжил Джон, вперив в меня пристальный взгляд. – И все же я не могу поверить, что они убили Эдит.

– Тогда остается ваш сосед Леонард Вайтерингтон. У него тоже имеется свой интерес. Вы вели тяжбу относительно границы между вашими владениями. Если вас признают виновным и передадут ваши земли в казну, он сможет их выкупить.

– Если только этот пройдоха сумеет опередить сэра Ричарда Саутвелла, – мрачно усмехнулся Болейн. – Земли Саутвелла с двух сторон примыкают к Бриквеллу. Думаю, в схватке с таким противником Вайтерингтон обречен на поражение. Возможно, границы его владений действительно изменятся, да только совсем не так, как ему того хотелось бы.

– А у вас были какие-нибудь столкновения с сэром Ричардом?

– Я слишком мелкая сошка, чтобы такой вельможа обращал на меня внимание. Вайтерингтон – другое дело. Он считает, что если расширит свои владения, это поможет заткнуть глотки арендаторам, которые возмущаются огораживанием пастбищ. Наверное, он предполагает отдать вновь приобретенные земли под общинные пастбища или что-нибудь в этом роде. Но мои арендаторы никогда не смирятся с утратой своих наделов.

– Насколько мне известно, дело уже доходило до драки.

– Да. В марте. Управляющий Вайтерингтона собрал толпу крестьян, и они попытались силой захватить мои земли. Я узнал об их планах заранее – от одного из арендаторов Вайтерингтона, которому приплачивал за подобные сведения. Так что я приказал своему управляющему Чаури тоже собрать парней покрепче, включая моих сыновей. В том, что они будут рады поработать кулаками, я не сомневался. Близнецы привели своих друзей, таких же головорезов, как и сами. В тот день они повеселились на славу. Вышибли прихвостней Вайтерингтона прочь, а одному из них проломили голову. Кажется, после этого он тронулся умом. Думаю, теперь любезный соседущка хорошенько подумает, прежде чем соваться на мои земли.

– Полагаю, тот человек, которому проломили голову, всего лишь хотел получить клочок земли, дающий ему средства к существованию, – подал голос Тоби. – А Вайтерингтон использовал его желание в своих целях.

Болейн повернулся к говорившему, и лицо его впервые за время нашего разговора приняло надменное выражение.

– Арендаторы, создающие проблемы своим землевладельцам – или соседям своих землевладельцев, – заслуживают самого жесткого наказания, – отчеканил он. – Тем не менее ныне Вайтерингтон угрожает обратиться в суд. Но я сомневаюсь, что он на это решится.

– Насколько мне известно, мастер Болейн, в Норфолке у вас есть и другие владения, – заметил я.

– Прочие мои поместья расположены довольно далеко отсюда, – пожал он плечами. – Я был бы не прочь отдать их под пастбища. В нынешние времена разведение овец – единственный верный способ получить доход. Никакой арендной плате не поспеть за ростом цен. Но на этих землях находятся фермы, которые я не могу уничтожить. Попробуй я только заикнуться об этом, арендаторы непременно подадут в суд. – Он испустил тяжкий вздох. – Новых судебных издержек, вдобавок к тяжбе с Вайтерингтоном, мне не выдержать.

– Я полагаю, ваш дом в Лондоне стоит немалых денег, – произнес я.

– Вы намекаете, что для меня он слишком дорог? Но я давно мечтал купить приличный дом в Лондоне и жить в нем с Изабеллой, вдали от косых взглядов и пересудов. Хотя Бриквелл я продавать не собираюсь. Здесь жили все мои предки.

– Позвольте спросить вас еще кое о чем, мастер Болейн, – сказал я, понизив голос.

– О чем же?

– Из ваших показаний явствует, что в тот вечер, когда было совершено убийство, вы провели два часа в своем кабинете, просматривая документы. Да, именно два часа, с девяти до одиннадцати. Приходится только сожалеть, что в это время вас никто не видел – ни ваша жена, ни слуги.

– Мне нужно было поработать в тишине. И я попросил Изабеллу проследить, чтобы меня никто не беспокоил.

– А какие именно документы вы просматривали?

– Старинные купчие и прочее в этом роде. Я знал, что Вайтерингтон намерен обратиться в суд, и собирался нанять адвоката. Но прежде необходимо было хорошенько изучить все бумаги самому.

До этого момента Болейн говорил только правду, в чем у меня не было ни малейших сомнений. Теперь он начал лгать, и поведение его сразу изменилось. Он избегал встречаться со мной взглядом и беспокойно ерзал на табурете.

– Дело в том, что все эти документы находятся у меня, – негромко сообщил я. – Мы обнаружили их в вашем лондонском доме.

Болейн резко вскинул голову.

– Да, я отвез некоторые бумаги в Лондон, – заявил он после недолгого замешательства. – Как я уже сказал, хотел нанять адвоката. Теперь я отчетливо вспомнил: в тот вечер я просматривал старые приходно-расходные книги, расписки от арендаторов и тому подобное.

Он явно лгал, однако я решил до поры до времени оставить всякие попытки вывести его на чистую воду. Прежде следовало побывать в Бриквелле, предоставив Болейну возможность хорошенько подумать.

– Понятно, – кивнул я, намеренно придав своему голосу оттенок сомнения. – Боюсь, мы слишком утомили вас, мастер Болейн. В самом скором времени мы вновь посетим вас. Но полагаю, завтра нам необходимо съездить в Бриквелл. Попробую побеседовать с мастером Вайтерингтоном.

– Не уверен, что этот старый дикарь согласится встретиться с вами, – пожал плечами Джон. В следующее мгновение неприязненное выражение его лица сменилось умоляющим. – Вы ведь не откажетесь передать Изабелле, что я люблю ее? Что я думаю о ней дни и ночи? Да, еще поблагодарите ее за то, что она присылает мне еду. Хотя добрую половину всей снеди забирают тюремщики, будь они трижды прокляты.

– Непременно все передам вашей жене.

– Во время своего прошлого визита Тоби сказал, что леди Елизавета проявила ко мне интерес, – почти шепотом произнес Болейн. – Это правда?

– Правда.

– Это она вас наняла?

– Она хочет, чтобы справедливость восторжествовала. Но прошу вас, держите это в тайне.

– Можете не сомневаться, я умею держать рот на замке.

Я поднялся с табурета со всей возможной осторожностью, но все же спина моя жалобно затрещала. Тоби ударил кулаком в дверь, призывая тюремщика, который незамедлительно выпустил нас. После холодной, промозглой атмосферы замка приятно было вновь оказаться на свежем воздухе и ощутить тепло солнечных лучей. Несколько минут мы постояли на холме,

озирая раскинувшийся внизу город. Никогда прежде я не видел такого количества церковных шпилей одновременно.

– Ну, что скажете? – обратился я к своим спутникам. – Какое впечатление на вас произвел Болейн?

– Он явно кривит душой, рассказывая, чем занимался в вечер убийства, – заявил Николас.

– Несомненно. Нам следует выяснить причины этого.

– Подобная ложь наталкивает на мысль, что он таки имеет отношение к убийству, – заметил Тоби.

– Это вполне возможно, – кивнул я. – Не сомневаюсь, Джон Болейн подвержен приступам ярости. Но вот настолько ли он жесток, чтобы совершить чудовищное надругательство над трупом, это другой вопрос. Из его рассказа о драке в Бриквелле можно сделать вывод, что он суров и безжалостен. Тем не менее порой он производит впечатление человека слабого и неуверенного в себе. Боится, что арендаторы привлекут его к суду, опасается происков Вайтерингтона. Но как бы то ни было, в самом главном вопросе Болейн лжет. И мы должны понять почему. А еще нам необходимо отыскать Грязнулю Скамблера.

– Никогда прежде не был в тюрьме, – содрогнувшись, признался Николас. – Тоскливое местечко.

– Прежде вы не занимались уголовными делами? – осведомился Тоби.

– В основном мы специализируемся на земельной собственности, – пояснил я. – Впрочем, у меня самого имеется изрядный опыт посещения тюрем.

«И не только в качестве адвоката», – добавил я про себя. Два раза я попадал в Тауэр в качестве арестанта. Правда, оба раза заключение длилось недолго.

Я поднял голову. Солнце стояло почти в зените.

– Ну а теперь идем в ратушу, – скомандовал я. – Нас ждет встреча с коронером.

Глава 14

Проповедник, витийствовавший на рыночной площади, уже ушел. Я заметил одного из подростков, изводивших Скамблера. Что касается злосчастного Грязнули, то его и след простыл.

Мы направились к ратуше, трехэтажному зданию впечатляющих размеров. У дверей стояло двое стражников в ливреях. Я заметил, что кремниевые плиты, которыми были облицованы стены, покрывают многочисленные зазубрины; в швах раствора, скрепляющего плиты, торчали мелкие осколки. Я уже собирался провести по стене пальцами, но Тоби, заметив мое намерение, предостерег:

– Осторожно: пораните руки.

Откуда-то из подвала донесся приглушенный крик. В решетку крохотного оконца, расположенного у самой земли, вцепились грязные пальцы.

– Добрые господа, смилуйтесь, подайте на хлеб, – долетел до нас жалобный голос.

– Здесь тоже есть тюрьма, – пояснил Тоби. – Те заключенные, которым предстоит предстать перед городским судом, сидят тут. В замок помещают только тех, чьи дела будут слушаться на выездной сессии суда присяжных.

Я просунул сквозь прутья решетки несколько мелких монет. В то же мгновение кто-то схватил их, и из мрачного подземелья появились новые руки. С трудом выпрямившись, я испустил тяжкий вздох, повернулся к Тоби и спросил:

– Здесь ведь проходят заседания городского совета?

– Да, разумеется. Это самая большая ратуша в Англии. За пределами Лондона, конечно. Ее возвели примерно сто сорок лет назад, причем горожан насильно заставляли работать на строительстве. Среди этих горожан были и мои предки.

Локвуд поднялся на крыльцо и что-то сказал одному из стражников. Тот поклонился и распахнул дверь, пропуская нас.

Внутри было достаточно света благодаря большим окнам; возможно, когда-то окна украшали витражи, но ныне их сменили простые стекла. Стражник подвел нас к лестнице.

– Коронер ожидает вас в оружейной палате, господа, – сообщил он.

– В оружейной палате? – удивленно переспросил Николас.

– Никакого оружия вы там не увидите, – улыбнулся Тоби. – Это зал, в котором проходят заседания городского совета. Но там устроено подобие чердака, где действительно хранится оружие – на случай, если в городе вспыхнут беспорядки.

– Такое уже бывало? – спросил я.

– Пока нет.

Стражник провел нас наверх и постучал в массивную резную дверь. Раздался голос, приглашавший войти, и дверь распахнулась. Слуга, отвесив поклон, пропустил нас. Мы оказались в просторном зале, где полукругом стояли скамьи и стулья. За столом, заваленным бумагами, восседал дородный мужчина средних лет, седобородый и с выцветшими голубыми глазами. Он встал, приветствуя нас:

– Сержант Шардлейк?

– К вашим услугам. А это мои помощники: мастер Овертон и мастер Локвуд.

Коронер вперил в нас пронзительный взгляд:

– Позвольте представиться: Генри Уильямс, коронер Нориджа. Бриквелл расположен на территории, находящейся в моем ведении. Мне не часто приходится встречаться с законниками столь высокого ранга, сэр. Вы знакомы с сержантом юриспруденции Фловердью, представителем Ведомства по делам конфискованного имущества?

– Нет. Но уже немало о нем наслышан. Например, мне известно, что он хочет выселить семью Джона Болейна из имения, не дожидаясь решения суда.

Уильямс поджал губы:

– Возможно, он намерен приобрести эти земли для себя или для кого-то другого. Он человек, который... э-э-э... Скажем так, фамилия не слишком ему подходит. С росинкой на цветке он, чего уж греха таить, не имеет ничего общего⁵. – Коронер невесело усмехнулся и, прищурившись, вновь метнул на меня пронзительный взгляд. – Насколько мне известно, мастер Шардлейк, вы прибыли к нам, дабы заняться делом Болейна, которое вам передал мастер Копулдейк?

– Да, именно так.

– Копулдейк работает на Томаса Пэрри, управляющего леди Елизаветы, – продолжал он, не сводя с меня глаз.

Я сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей. И заверил собеседника:

– В мои намерения входит всего лишь собрать факты и взглянуть на них свежим взглядом. Я отнюдь не собираюсь доказывать невиновность Болейна во что бы то ни стало. Как, впрочем, и его виновность.

– Виновен он или нет, решит суд.

– Разумеется.

Я ободряюще улыбнулся, прекрасно сознавая, что коронер заинтересован в подтверждении собственного вердикта.

– Вы будете давать показания на суде? – осведомился я.

– Разумеется. Ведь именно я провел дознание, что называется, по горячим следам. И вынес вердикт, согласно которому Эдит Болейн была убита своим собственным мужем Джоном, – произнес он многозначительно.

– Понятно. Решающими уликами оказались ботинки Болейна и окровавленный молоток, найденные в конюшне?

– Заметьте, ключи от конюшни имелись только у самого Болейна, не считая, разумеется, слабоумного мальчишки-конюха. Никто другой проникнуть в конюшню не мог. К тому же стоявший там жеребец обладает крутым нравом – об этом упоминается в показаниях Болейна. Наверняка конь огрел бы чужака копытом.

– Согласен, улики против Болейна весьма серьезны. Но может быть, кто-то проник в конюшню, обойдясь без ключа? Например, подлез под дверь? Или, скажем, воспользовался дырой в крыше?

– В отчете констебля о дыре на крыше не говорится ни слова, – нахмурился Уильямс. – Как и о том, что под дверью имеется широкая щель.

Я счел за благо сменить тему:

– Вопрос о том, по какой причине Болейн надругался над телом убитой жены столь чудовищным образом, напрашивается сам собой. У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет, мастер Уильямс?

Коронер пожал плечами:

– Кто знает, что творилось тогда у него в голове? Одно ясно как день: внезапное возвращение Эдит привело Болейна в ярость. У него имелись веские причины убить ее.

– Согласен. И все-таки мой опыт доказывает: все, что лишено смысла, как правило, оказывается неправдой.

– Мой опыт доказывает другое, – проворчал Уильямс. – Чем старше я становлюсь, тем сильнее убеждаюсь: сплошь и рядом человеческие поступки вообще лишены здравого

⁵ *Фловердью* (англ. Flowerdew) – цветочная роса (англ.).

смысла. – Он устало улыбнулся и вновь вскинул на меня внимательный взгляд. – Вы уже побывали в Бриквелле?

– Пока нет. Собираюсь поехать туда завтра. Меня очень занимает один вопрос. Неужели никто не имеет понятия, где Эдит провела последние девять лет?

Коронер вздохнул.

– Никто, – ответил он; я видел, что он не кривит душой. – Я уже пробовал выяснить что-нибудь относительно местопребывания Эдит два года назад, когда Джон Болейн обратился с просьбой признать его жену умершей. А мой предшественник пытался найти ее следы еще в тысяча пятьсот сороковом году, когда она исчезла. Но эта женщина словно сквозь землю провалилась.

– А ее родители? Они тоже ничего не знают?

– Нет. Эдит не подавала им никаких вестей. Впечатление такое, словно она забилась в нору и просидела там девять лет. – Мгновение помешкав, он добавил: – Помню, когда я принимал дела у своего предшественника – теперь он уже покинул этот бренный мир, упокой Господь его душу, – тот рассказал мне об этом случае. И упомянул, что хотел бы хорошенько расспросить одну женщину. Но и она тоже бесследно исчезла.

– И кто же это такая?

– Грейс Боун, горничная Эдит Болейн.

– Да, мастер Болейн упоминал это имя. Сказал, что Эдит вечно скандалила со слугами. И даже ее любимая горничная в конце концов не выдержала и уволилась.

Коронер покачал головой:

– Судя по тому, что рассказывал мой предшественник, здесь все не так просто. В тысяча пятьсот сороковом году, когда Эдит исчезла, мысль о том, что дело нечисто, напрашивалась сама собой. С мужем они жили скверно, и у Болейна имелась любовница. Так вот, бывший коронер допрашивал всех слуг и выяснил, что Эдит и Грейс были привязаны друг к другу, как только могут быть привязаны госпожа и горничная. Узнав о том, что муж ей изменяет, миссис Болейн часто запиралась в своей комнате и рыдала, а Грейс пыталась ее утешить. В эти месяцы они сблизились между собой еще теснее. Когда Грейс вдруг неожиданно уволилась, все прочие слуги ушам своим не поверили. Эдит после ее ухода окончательно свихнулась, а вскоре и сама исчезла. – Уильямс задумчиво посмотрел на меня. – Мой предшественник даже предполагал, что горничная была убита, так же как и ее госпожа.

– И предполагаемый убийца, разумеется, Джон Болейн?

Уильямс пожал плечами.

– Могу сказать одно: с тех пор о Грейс Боун не было ни слуху ни духу. Как и ее госпожа, она словно сквозь землю провалилась. Говорят, в Норидже у нее есть брат, но его тоже не удалось найти. Разумеется, сейчас проводить дознание уже поздно.

– Вы хотите сказать, что практически одновременно с Эдит пропала еще одна женщина, живущая в Бриквелле, однако никакого дознания, связанного с этим исчезновением, не проводилось? – недоверчиво уточнил я.

Коронер нахмурился:

– Напротив, сэр. Я хочу сказать, что мой предшественник провел дознание, однако ему не удалось ничего выяснить. Возможно, Грейс Боун было известно, что Эдит намерена уйти от мужа. Поэтому она решила оставить их дом прежде, чем поднимется шум, связанный с исчезновением ее госпожи.

– Не исключено, что так оно и было. Но почему эта женщина исчезла бесследно? – Я в упор взглянул на Уильямса. – Вполне резонно предположить, что она убита.

Уильямс покачал головой:

– Нет никаких фактов и улик, подтверждающих подобную гипотезу. А это означает, что мы не можем считать ее убитой. Что касается убийства Эдит Болейн, тут фактов и улик более чем достаточно. И все они изобличают Джона Болейна.

– Я читал показания отца Эдит Гэвина Рейнольдса. Он утверждает, что в последние девять лет ни разу не видел свою дочь. Вплоть до прошлого месяца, когда его вызвали на опознание ее тела.

– Это все, что он счел нужным сообщить, – пожал плечами Уильямс.

– Меня удивило, что в деле отсутствуют показания Саймона Скамблера, который работал у Болейна конюхом.

Уильямс внезапно расхохотался:

– Вы о чокнутом Грязнуле Скамблере? Этот парень и цыпленка не сумеет зарезать – как говорится, кишка тонка.

– Тем не менее я намерен побеседовать с ним. А также с мастером Гэвином Рейнольдсом.

– Будьте осторожны с этим стариканом, – предостерег Уильямс. – Он не из тех, кого можно взять голыми руками.

Мы вышли из ратуши.

– Ну, какое впечатление произвела на вас встреча с коронером? – обратился я к своим спутникам.

– В его интерпретации исчезновение горничной предстает в совершенно ином свете, чем в рассказе Джона Болейна, – ответил Николас.

– Хотя вполне вероятно, Болейн ничуть не кривил душой. Ему самому так опостылела Эдит, что он не сомневался: Грейс она тоже осточертела и служанка уволилась, потому что устала от выходок хозяйки. Надо поговорить с ним еще раз. И попытаться выяснить, где он все-таки был в вечер убийства.

Мы двинулись в сторону площади Тумлэнд. Солнце палило вовсю, но высокие дома, стоявшие в центральных, богатых и процветающих кварталах города, давали желанную тень. Внимание наше привлек впечатляющих размеров особняк в итальянском стиле; двери его были закрыты на массивные деревянные засовы.

– Это бывший дворец герцога Норфолкского, – пояснил Тоби.

– Ныне он является собственностью короля? – уточнил я. – Или вместе с другими владениями герцога был продан леди Марии?

– Думаю, пока он принадлежит королю.

– И следовательно, им распоряжается Ведомство по делам конфискованного имущества.

Дом Гэвина Рейнольдса на площади Тумлэнд выглядел необитаемым: ставни на окнах опущены, двери, ведущие во внутренний двор, закрыты. Однако, после того как Тоби громко постучал в дверь, до нас долетел звук шагов. Дверь открыл мужчина лет тридцати, весьма привлекательной наружности – хорошо сложенный, с густыми каштановыми волосами, короткой бородкой и умными зелеными глазами. На нем были ярко-красный дублет и зеленая шапка. Увидев наши с Николасом мантии, он подозрительно прищурился.

– Это дом мастера Гэвина Рейнольдса? – осведомился я.

– Олдермена Рейнольдса, – не сводя с меня настороженного взгляда, уточнил он. – Я – его управляющий. Мастер Рейнольдс и его супруга сейчас не принимают посетителей: они недавно понесли тяжкую утрату.

– Именно в связи с этой утратой мы и позволили себе побеспокоить мастера Рейнольдса, – заявил я, назвал свое имя и звание, после чего представил своих спутников. – Мы расследуем обстоятельства трагической гибели дочери вашего хозяина.

Управляющий не сдвинулся с места.

– По чьему поручению вы проводите расследование, сэр? – спросил он, бросив взгляд в сторону дома, стоявшего в глубине внутреннего двора.

– Подобные вопросы я буду обсуждать только с вашим хозяином, – отрезал я. – Он дома? Из дома донесся мужской голос, громкий и злобный:

– Господи Иисусе, Воувелл, кто там еще приперся? Гони их прочь!

Управляющий замешкался.

– Прошу вас, подождите здесь, – обратился он к нам и закрыл дверь.

– Старикан явно не рад гостям, – усмехнулся Николас.

– Думаю, любопытство все-таки пересилит, – заметил я. – От мантии законника тоже иногда бывает толк.

«Хотя в этой мантии, даже летней, шелковой, сегодня чертовски жарко», – вздохнул я про себя.

Через несколько минут управляющий вернулся.

– Вы можете войти, – сообщил он. – Прошу, подождите в холле.

Вслед за ним мы вошли в дом, просторный и хорошо обставленный. В центре холла стоял стол венецианской работы, несомненно очень дорогой, а на нем – огромная ваза с цветами. Управляющий скрылся за одной из внутренних дверей. До меня донеслись приглушенные голоса, затем дверь приоткрылась, из нее выглянула горничная и, увидев нас, тут же исчезла.

Оглянувшись, я слегка вздрогнул. На лестнице стояла пожилая женщина, худая как тень. Она появилась так бесшумно, что мы не услышали ее шагов. Мы поспешно сняли шляпы и склонились в почтительном поклоне. Старая дама стояла на нижней ступеньке, буравя нас ледяным взглядом. Глаза ее, несмотря на возраст, сохранили ярко-голубой цвет, руки были сложены на подоле черного платья, белоснежные волосы убраны под черный чепец. Лицо ее имело желтовато-бледный пергаментный оттенок.

– Зачем вы пришли? – Голос ее был так тих, что мало чем отличался от шепота.

– Мы занимаемся расследованием обстоятельств смерти Эдит Болейн.

– Моя дочь мертва, и тут уже ничего не исправишь, – проронила старуха, словно превозмогая усталость. – Ее мужа вскоре вздернут на виселицу. Что вы намерены расследовать?

– Олдермен Рейнольдс примет вас, господа! – возвестил управляющий, входя в комнату. – Но предупреждаю, смерть дочери повергла его в глубокую скорбь.

Когда мы двинулись к двери, управляющий вскинул руку, преграждая путь Тоби:

– Мне очень жаль, мастер, но мой хозяин примет только законников. Вам придется подождать здесь.

Тоби пожал плечами. Миссис Рейнольдс по-прежнему стояла у подножия лестницы, вцепившись рукой в перила.

Управляющий проводил нас с Николасом в просторную приемную. В комнате царил сумрак, так как ставни на окнах были плотно закрыты; на массивном столе горели свечи. У стола стоял высокий тощий старик в глухом черном дублете. На вид ему было лет семьдесят; длинные седые волосы, на старомодный манер, почти касались плеч. Избороженное морщинами лицо, длинный нос, квадратный подбородок, жесткий рот с опущенными уголками; темные глаза полыхали неприязнью. С первого взгляда было видно: Гэвин Рейнольдс относится к числу людей, с которыми не слишком приятно иметь дело. Его жена стояла в дверях, на лице ее застыло настороженное выражение. Управляющий переминался с ноги на ногу за спиной хозяйки.

Рейнольдс махнул рукой в их сторону и произнес исполненным досады голосом:

– Моя супруга Джейн и мой управляющий Майкл Воувелл. Они будут присутствовать при нашей встрече, которая, надеюсь, окажется недолгой. Что привело вас ко мне?

Старик сделал несколько шагов, и я заметил, что он сильно хромает и вынужден опираться на палку с золотым набалдашником.

– Мы расследуем обстоятельства убийства вашей дочери и надеемся, что вы сообщите нам некоторые факты, ибо... – начал я.

– Расследование уже было проведено, – бесцеремонно прервал меня Рейнольдс. – На кого вы работаете?

– Поручение приехать сюда мне дал мастер Томас Пэрри.

– Это что еще за хрен, черт бы его побрал?

Я глубоко вздохнул, пытаясь сохранять невозмутимый вид. И пояснил:

– Казначей и управляющий леди Елизаветы.

Рейнольдс поджал губы:

– Все ясно. Разумеется, Елизавета пытается спасти от виселицы своего родственничка Болейна. Только слишком поздно вы спохватились, господин горбатый адвокат. Вина Джона Болейна доказана, и через несколько дней ему предстоит дрыгать в воздухе ногами.

Последнюю фразу старик произнес с нескрываемым удовольствием.

– Нам поручено проверить все обстоятельства дела, – спокойно ответил я. – Никаких иных целей мы не преследуем. Вы согласны побеседовать с нами, сэр?

– О чем тут беседовать? – процедил Рейнольдс дрожащим от злобы голосом. – Я вынужден сидеть взаперти, чтобы скрываться от любопытных взглядов. Мне пришлось распрощаться с надеждой стать мэром.

«Да, если этот человек и скорбит о чем-то, так только о крахе своих честолюбивых планов, а не о смерти дочери», – подумал я.

Однако Николас произнес сочувственно:

– Мы догадываемся, сэр, что вы пережили страшное потрясение.

– Догадываетесь? – возвысил голос Рейнольдс. – Девять лет назад моя единственная дочь бросила мужа и детей и скрылась в неизвестном направлении. Эдит не обратилась за помощью ко мне или к кому-либо другому. Она просто ушла неведомо куда. – Он злобно махнул рукой. – А в прошлом месяце ее труп обнаружили в Бриквелле. И после этого вы строите догадки по поводу того, были мы потрясены или нет?

– Никаких догадок мы не строим, – отрезал я. – Сэр, мы понимаем, что такого страшного исхода вы не ожидали. Все эти девять лет вы надеялись на лучшее.

– Девять лет, целых девять лет, – повторил Рейнольдс. Голос его по-прежнему дрожал от досады.

Я повернулся к его супруге, рассчитывая, что с ней будет проще найти общий язык:

– Скажите, миссис Рейнольдс, помимо вас, у вашей дочери имелись родственники в Норидже? Или где-нибудь в другом месте? Возможно, у нее были друзья, у которых она могла найти приют?

Вместо жены ответил муж.

– Родственники, друзья? – процедил он. – Сразу видно, вы не знали мою дочь, мастер горбун. Эдит всегда была чокнутой, с самого детства. Она не любила общаться с людьми, потому что ненавидела всех вокруг без исключения. Когда она была маленькой, ее невозможно было заставить играть с другими детьми. А когда она выросла и превратилась в красивую девушку, то ни в какую не хотела бывать на званых вечерах и балах. Я надеялся, что замужество смягчит ее дикий нрав. Но она сразу возненавидела этого болвана Болейна, а потом и своих несчастных сыновей. – Внезапно он разразился каркающим смехом. – Признаюсь откровенно, все мы были чертовски рады, когда Болейн проявил интерес к Эдит. Анна Болейн была тогда в фаворе, и мы рассчитывали, что у нас появятся связи при дворе. Но Джон Болейн никогда не умел пользоваться моментом. Приехав в Лондон, он повел себя как настоящий пентюх и даже не сумел встретиться с Анной Болейн. Что до Эдит, она вообще наотрез отказалась ехать в столицу. А

кончилось все тем, что Болейн убил ее! – Голос старика вновь задрожал от ярости. – И вместо законной жены привел в свой дом потаскуху из грязной харчевни! Мне осталась одна-единственная отрада – посмотреть, как эта шлюха будет побираться на рыночной площади.

Лицо Рейнольдса исказилось от злобы, а глаза метали молнии. Бросив взгляд на его жену, я заметил, что она еще сильнее побледнела от испуга.

На несколько мгновений в комнате повисло молчание, которое нарушил женский визг, долетевший из дальних комнат. Миссис Рейнольдс нахмурилась.

– Чем сейчас заняты мальчики? – обратилась она к мужу.

Тот зашелся лающим смехом.

– Судя по визгу, забавляются с этой девчонкой Юдит, – ответил он.

Его супруга поспешно вышла из комнаты. Несколько мгновений спустя до меня донеслись знакомые нахальные голоса:

– Смотри-ка, опять Локвуд притащился!

– Какой черт тебя принес, недоумок? Лучше бы ты оставил деда в покое, пока цел.

Мы с Николасом многозначительно переглянулись. Итак, снова близнецы, Барнабас и Джеральд.

– Что вам понадобилось в кухне? – раздался голос управляющего.

– Да вот хотели посмотреть, высоко ли у Юдит задираются юбки, – ответил один из близнецов. – А она, дуреха, принялась верещать как резаная!

– Ваша бабушка просила вас не приставать к служанкам!

– Отвали, если не хочешь щеголять с расквашенным носом!

В комнату ввалился Барнабас, юнец со шрамом. Завидев нас, он на миг замер от неожиданности и нахмурился, однако уже в следующее мгновение к нему вернулась прежняя наглость.

– Гляди-ка, Джерри, у нас гости, старые знакомые! Горбун и его подручный, долговязый рыжий ублюдок!

Взгляд Джеральда, вошедшего в комнату вслед за братом, не предвещал ничего хорошего.

– Вы знакомы с моими внуками? – удивленно спросил Рейнольдс.

– Да. Мы имели удовольствие встретиться с этими молодыми джентльменами в Лондоне, на прошлой неделе. В доме их отца.

– Куда эта компания крюкотворов приперлась, хотя их никто не звал, – вставил Барнабас.

– Внуки – это все, что у меня осталось, – заявил Рейнольдс. – Я должен защищать их интересы. После того как отца мальчиков повесят, я подам прошение об опекунстве. – Он повернулся к близнецам, и взгляд его неожиданно смягчился. – А потом мы найдем пару богатеньких красоток вам в жены, да, парни?

– Только не надо с этим спешить, дедуля. Нам пока и холостым неплохо.

Рейнольдс перевел взгляд на меня:

– Кстати, если у вас имеются какие-то подозрения относительно моих внуков, знайте – у мальчиков есть алиби. Тот вечер, когда моя дочь была убита, они провели со своими друзьями. Повеселились на славу, как это принято у молодежи, верно, парни? Весь вечер просидели в харчевне, и тому есть добрый десяток свидетелей. Коронер уже говорил с ними.

– Дед, хочешь, мы вышвырнем эту парочку вон? – спросил Джеральд, расправляя могучие плечи. – Да и Локвуда стоит выгнать вон. Неплохая выйдет забава.

– Полагаю, они уйдут сами, – процедил Рейнольдс. – Прежде, чем вы им поможете это сделать.

Николас метнул в близнецов негодующий взгляд. Барнабас в ответ лишь издевательски подмигнул. Я взял своего помощника за локоть и потащил к дверям.

– Я слышал, сейчас за городом стоят цыгане, мастер горбун! – крикнул нам вслед один из близнецов. – Будьте осторожны, иначе они украдут вас и будут показывать на потеху публике! Их дедушка, оценивший шутку по достоинству, зашелся лающим смехом.

«Да уж, – вновь подумал я, – в душе этого человека нет ни капли сожаления о погибшей дочери».

В холле мы увидели Тоби, ожидавшего нас в обществе управляющего. Воувелл, нахмурившись, с тревогой поглядывал на дверь кухни, откуда доносились приглушенные всхлипывания. Джейн Рейнольдс куда-то скрылась.

К немалому моему удивлению, Воувелл вышел на улицу вслед за нами. Быстро оглянувшись на дом, он сжал мою руку повыше локтя и прошептал:

– Вам следует знать, сэр, что мой хозяин рассказал вам далеко не все.

– Что вы имеете в виду?

Лицо управляющего исказилось от злобы.

– Существуют некие обстоятельства, которые он считает нужным скрывать. Я служу у него более десяти лет и хорошо осведомлен обо всех его делах. Так вот, девять лет назад, за несколько месяцев до своего исчезновения, Эдит Болейн обратилась к отцу за помощью. Джон Болейн хотел, чтобы у них были еще дети, но Эдит не могла заставить себя лечь с супругом в постель. Болейн, пытаясь принудить жену выполнять свои обязанности, пускал в ход побои. Она надеялась, что отец встанет на ее защиту. Но вы уже поняли, что за человек старый Рейнольдс. Папаша лишь накричал на Эдит и прогнал ее с глаз долой. Заявил, что он не собирается вмешиваться в чужие семейные дела и со своим мужем она должна разбираться сама.

– Почему вы решили рассказать мне об этом? – спросил я, внимательно посмотрев на Воувелла.

– Потому что я слишком хорошо знаю Гэвина Рейнольдса. Все, что его волнует сейчас, – это его несостоявшееся мэрство. А теперь, когда в доме появилась парочка юных мерзавцев, возросла вероятность того, что в один прекрасный день я тоже исчезну без следа.

– Я заметил, что Рейнольдс сильно хромает. Если бы не хромота, он, пожалуй, выгнал бы нас пинками. Вам не известно, при каких обстоятельствах он повредил ногу? – спросил я.

– Нынешней весной поскользнулся в жидкой грязи, которой в Норидже хватает. Это произошло на моих глазах. С той поры старикан вынужден ходить с палкой. Признаюсь откровенно, этот дом мне изрядно опостылел. Вот, собственно, и все, что я хотел вам сообщить.

С этими словами он повернулся, скрылся в доме и закрыл за собой дверь.

Я догнал Николаса и Тоби.

– Что там вам нашептывал этот молодчик? – спросил Николас.

Я кратко передал слова управляющего.

– Если бы Рейнольдс сообщил властям, что Эдит жаловалась на побои мужа, это стало бы еще одним доказательством вины Болейна, – заметил Николас.

– Не понимаю, почему старик счел нужным это скрыть? – спросил Тоби. – Он спит и видит, как бывшего зятя вздернут на виселицу.

– Потому что в этой истории он сам предстает отнюдь в не лучшем свете, – предположил я. – Отец просто-напросто отмахнулся от своей дочери, и, если это станет публичным достоянием, его репутация пострадает еще сильнее. А репутация – это единственное, что волнует Рейнольдса. Бедная Эдит! – вздохнул я. – Этой женщине достались в удел безрадостная жизнь и ужасная смерть.

Вечер я провел в своей комнате, записывая сведения и факты, которые нам удалось собрать. Вне всякого сомнения, пока что все они подтверждали виновность Джона Болейна. Тем не менее образ жестокого домашнего тирана никак не увязывался в моем сознании с подавленным и растерянным человеком, которого мы нынешним утром видели в тюремном

замке. Покончив с записями, я вспомнил, что пришло время составить отчеты для Пэрри и леди Елизаветы, и призадумался, сжимая в пальцах перо. Стоит ли сообщать о том, что все обстоятельства складываются против Болейна? О том, что без просьбы о помиловании, судя по всему, не обойтись, так как суд, вероятно, признает его виновным? Стоит ли упоминать, что сам я отнюдь не уверен в невиновности Болейна? До заседания суда осталась всего неделя, но, возможно, за это время мы сумеем раздобыть сведения, которые заставят взглянуть на дело в новом свете. Не исключено, что это произойдет уже завтра, во время поездки в Бриквелл. Поразмыслив, я ограничился сообщением о том, что расследование пока не принесло результатов, и обещанием в ближайшее время написать вновь. Запечатав письма, я отнес их вниз и попросил хозяина отправить с утренней почтой в Лондон. Любопытно, подумал я, как отнесутся к моим посланиям в Хатфилде. Пэрри вряд ли будет опечален медленным ходом расследования. А вот леди Елизавета – иное дело.

Глава 15

На следующее утро, предвещавшее очередной жаркий день, Локвуд присоединился к нам за завтраком ровно в шесть часов. Он сообщил, что мать его чувствует себя немного лучше. Едва Тоби уселся за стол, как в дверях появился Джек. Трактирный слуга с подозрением посмотрел на его железную руку и потрепанную одежду, но Барак, не удостоив его взглядом, уселся за стол рядом с нами.

– Познакомься с мастером Локвудом, – сказал я. – Впрочем, вы уже встречались. В четверг, когда мы приехали в город, он был с нами.

– Рад знакомству, – кивнул Барак, пожимая руку Тоби. – Насколько я помню, вы местный житель и хорошо знакомы со здешними обстоятельствами.

– Что-то в этом роде.

– Глаза и уши повсюду – вот что вам сейчас необходимо, – глубокомысленно изрек Барак, обращаясь ко мне.

– Кстати, о глазах и ушах. Вчера вечером мои нориджские осведомители сообщили весьма важные для нас сведения, – повернулся ко мне Тоби. – Во-первых, у нас теперь есть адрес тетки Скамблера – она, как выяснилось, проживает на Бет-стрит. Во-вторых, удалось найти следы Джозефины и Эдварда Браун.

– Джозефина! – воскликнул Барак. – Да, конечно, она ведь теперь живет в Норидже! Как у нее дела?

– Муж ее работает каменщиком, а она прядет шерсть. Не так давно они перебрались в Конисфорд, квартал, что находится к югу от замка. – Поколебавшись, Тоби добавил: – Один из самых бедных кварталов в Норидже.

– Мы непременно с ней увидимся! – заявил я. – И со Скамблером, конечно, тоже. Нынешним вечером, когда вернемся из Бриквелла. Я вам очень признателен, Тоби. Как вам удалось отыскать Джозефину?

– Один из моих друзей выяснил, что Хеннинг, удалившийся от дел адвокат, и его супруга в прошлом году умерли от оспы. Дом их был продан, а слуги остались без крова. Друг мой знаком с их бывшим домоправителем, который ныне влачит почти нищенское существование. Именно он сообщил, что случилось с мастером Брауном и его женой. В последний раз он получил от них весточку несколько месяцев назад.

Николас покачал головой:

– Вы хотите сказать, что слуг просто-напросто выгнали на улицу? Но ведь это жестоко!

– Подобное случается чаще, чем вы думаете, – пожал плечами Тоби.

– Как я погляжу, у вас неплохие глаза и уши, – одобительно кивнул Барак. – Я имею в виду, что ваши осведомители знают свое дело.

Тоби настороженно взглянул на него.

– Полагаю, вы тоже служите глазами и ушами для судей, собирая сведения о том, какие настроения царят в Норидже, – заметил он.

– Прежде Джек много лет работал на лорда Кромвеля, – сообщил я.

– На самого Кромвеля! – Это имя явно произвело на Локвуда впечатление. – Говорят, он заботился о бедных, да только парламент и старый король не позволяли ему облегчить их участь.

– Чистая правда, – подтвердил Барак.

– А вот нынешние судьи всегда на стороне богатых, – заявил Тоби, глядя в глаза Джеку. Тот пожал плечами:

– Это дело их совести. Моя задача – всего лишь узнать, какие настроения царят в городе. А уж судьи после выездной сессии будут отчитываться перед лордом-протектором Сомерсетом и лорд-канцлером Ричем.

– И что вы скажете об этих самых настроениях?

– Повсюду преобладает чрезвычайное недовольство. – Барак загадочно улыбнулся. – Во всех городах, где прежде проходила выездная сессия, люди тоже были не слишком довольны жизнью. Но здесь возмущение достигло крайней степени. С подобным мне еще не доводилось сталкиваться.

Встав из-за стола, мы, не тратя времени попусту, выехали в Бриквелл. С утра спина беспокоила меня гораздо меньше, и я надеялся без особых мучений продержаться в седле пять миль. Не желая пересекать рыночную площадь, мы выехали из города через ворота Святого Бенедикта, расположенные в западной части, а затем свернули на дорогу, ведущую на юг. Несмотря на ранний час, там царило оживление. То и дело попадались повозки, груженные сыром и маслом, и пешие путники, тащившие на спине огромные мешки; все они спешили доставить товары на рынок. Встречались и всадники, законники и джентльмены; хотя до начала выездной сессии оставалось еще три дня, они, как видно, решили прибыть в город заблаговременно. Стайка подростков, громко гомонивших и хохотавших, преградила дорогу двум пожилым адвокатам в черных мантиях и их многочисленным слугам.

– Прочь с дороги, болваны! – крикнул один из юристов.

Как правило, мальчишки предпочитают не связываться со столь почтенными джентльменами, в особенности если их слуги, все как на подбор рослые и крепкие парни, вооружены ножами и дубинками. Однако на этот раз юные шалопаи, отступив на обочину, дружно спустили штаны, предоставив путешественникам возможность полюбоваться своими тощими задницами. Пожилой законник, обозвавший их болванами, побагровел от ярости, которую изрядно усугубил одобрительный хохот других путешественников. Раздались даже крики «Отлично, ребята!» и «Теперь навалите им кучу дерьма!». Барак и Тоби тоже смеялись, в то время как мы с Николасом, оба в адвокатских мантиях, обменялись встревоженными взглядами.

– Как бы эти шутники не избрали очередной мишенью нас, – вполголоса пробормотал Николас.

Но к счастью, все обошлось. По мере того как мы продвигались на юг, дорога становилась все более пустынной. Вокруг расстилались равнины; небо, синевшее над нашими головами, казалось безбрежным. На одном из огороженных пастбищ мы увидели нескольких человек, которые стригли овец, собранных в небольшом загоне. Выбрав очередную овцу, работники растягивали ее на дощатом столе и остригали длинные кудрявые пряди, с поразительной ловкостью орудуя огромными ножницами. В начале лета стричь овец уже поздновато, но холодная зима и поздняя весна сдвинули все сроки.

Мы с Николасом, Тоби и Бараком продолжали путь. С тех пор как Барак потерял руку, я ни разу не видел его в седле и ныне убедился, что он уверенно справляется с поводьями, накрутив их на свой протез. Судя по долетавшим до меня обрывкам разговора, Локвуд, с первого взгляда невзлюбивший Николаса, проникся к Бараку симпатией, чем я был весьма доволен.

– Никогда прежде не видел такой прорвы овец, – заметил Джек.

– Каждый год все больше и больше земель отдается овцам. И все больше и больше фермеров лишаются своих наделов, – откликнулся Тоби.

– Да, об этом толкуют во всех тавернах.

– А что в тавернах говорят о мятежах в западных графствах? – спросил я, поворачиваясь к ним.

– Некоторые считают, что причина – новая богослужбная книга, другие видят корень всех бед в беззакониях местных землевладельцев. В общем, непонятно, кто там мутит воду. В этом разобраться не только я не могу, но и, судя по всему, лорд-протектор Сомерсет тоже. Одно ясно – мятежи разгорятся все сильнее.

Проехав меж пастбищ, мы свернули на широкую песчаную дорогу. Я услышал, как Барак спрашивает у Тоби, женат ли тот.

– Я? Нет, что вы. Пока у меня нет желания повесить себе на шею жену и детей.

– А я вот уже семь лет таскаю на своей шее такой груз и, как видишь, пока жив! – расхохотался Барак. – Хотя, конечно, рад возможности время от времени вырваться на свободу. А как у тебя дела по любовной части, парень? – обратился Барак к Николасу.

– Я обхаживаю дочь одного барристера из Грейс-Инн, – сообщил тот. – Ее зовут Беатрис.

– Надеюсь, она красотка?

– Свежа, как роза, нежна, как голубка.

– И когда же зазвонят свадебные колокола?

– Это одному Богу известно.

– На матушку очаровательной Беатрис производят сильное впечатление мои знакомства в высших кругах, – сообщил я, подъезжая к ним. – Думаю, эта особа мечтает в один прекрасный день удостоиться приема у леди Елизаветы.

Я бы никогда не рискнул неодобрительно отозваться о Беатрис в присутствии Николаса, однако не отказал себе в удовольствии слегка уколоть ее мать.

– Я так понимаю, она дамочка с амбициями? – спросил Барак, привыкший называть вещи своими именами.

– Тем лучше для меня, – ухмыльнулся Николас. – Амбициозная теща – залог успешной карьеры зятя.

Мы проехали мимо маленькой часовни, где до прошлого года служили заупокойные мессы; ныне и часовня, и прилегающие к ней земли принадлежали королю. Почти все витражные окна были разбиты, кто-то мелом накорябал на дверях: «К черту папу римского!» Впереди виднелся шпиль деревенской церкви.

– Бриквелл уже близко, – сказал Тоби, указывая на шпиль. – Вон она, тамошняя церковь. Думаю, сэр, неплохо было бы взглянуть на план, который я вам дал.

Я вытащил из сумки план, и мы на ходу принялись его разглядывать. Пахотные земли, расстилавшиеся слева от нас, прежде принадлежали упраздненной ныне часовне. Наверняка какой-нибудь богатый помещик собирается их выкупить, подумал я. Например, сэр Ричард Саутвелл, чьи владения примыкают к бывшим церковным землям. Проехав еще немного, мы оказались в маленькой убогой деревушке, где ветхие домишки теснились вокруг небольшого пруда. Слева по-прежнему тянулись пашни, а справа – зеленые пастбища, испещренные серыми и белыми пятнами – местными овцами.

– Это земли, принадлежащие Болейну, – пояснил Тоби. – Прежде он отдавал их в аренду, а потом пустил под пастбища. Скоро увидим его дом.

Действительно, вскоре дорога привела нас к кирпичной ограде, за которой возвышался просторный особняк из красного кирпича; длинные дымовые трубы, казалось, касались неба. Когда мы въехали в железные ворота, я заметил, что маленький садик перед домом совсем одичал, а цветочные клумбы поросли сорняками.

– Значит, это – обитель Джона Болейна? – спросил Николас.

– Да, – кивнул Тоби. – Какой разительный контраст с тюремной камерой, где он обретается ныне.

Мы неспешно подъехали к дому. Не успели мы спешиться, как входная дверь распахнулась и на пороге возник рыжеволосый детина лет тридцати, широкоплечий и начинающий обрывать жиром. В руках он держал дубинку.

– Я адвокат Шардлейк, – представился я. – Прибыл сюда по просьбе мастера Копулдейка, дабы расследовать дело Джона Болейна. Миссис Изабелла дома?

– Нам ничего не известно о том, что мастер Копулдейк передал это дело другому адвокату, – нахмурился рыжеволосый.

– Я являюсь его законным представителем. У меня есть письмо, подтверждающее мои полномочия. Со мной помощник, мастер Овертон. Что касается мастера Локвуда, полагаю, он вам хорошо известен.

– Конечно. Да ниспошлет вам Господь доброго утра, Тоби.

– И вам тоже, Дэниел. Мы приехали сюда, чтобы помочь вашему хозяину. – Тоби повернулся ко мне. – Это управляющий мастера Болейна Дэниел Чаури.

Управляющий по очереди поклонился каждому из нас.

– Боюсь, мне придется попросить вас самих отвести лошадей в конюшню, – вздохнул он. – В доме не осталось других слуг, кроме меня.

– Значит, дома только миссис Изабелла?

Я опасался очередной встречи с несносными близнецами, но Чаури ответил:

– Да, только она, ее горничная и я. Все остальные слуги разбежались после ареста хозяйина.

Я понимающе кивнул. Нет ничего удивительного в том, что слуги не захотели оставаться в доме, в котором произошло столь ужасающее происшествие. Мы спешили. Ломота под лопаткой напоминала, что моей многострадальной спине путешествие пришлось не слишком по вкусу. Чаури провел нас в конюшню, расположенную за домом. Неподалеку от конюшни находился небольшой сарайчик на одно стойло; проходя мимо, мы услышали громкое ржание и звук, производимый конскими копытами.

– Я так полагаю, там обитает пресловутый Полдень? – осведомился Барак.

– Именно так. Этого коня лучше держать подальше от других лошадей. К счастью, его стойло сделано из крепких дубовых досок и он хорошо привязан. Корм я бросаю ему через стенку, не подходя к этому зверю близко. Зайти в стойло и убрать навоз пока не отваживаюсь.

Я передал поводья своей лошади Бараку и подошел к сараю. Значит, именно здесь были обнаружены грязные ботинки и окровавленный молоток. Оглядев дверь, я убедился, что она надежно заперта и плотно прилегает к стене. Подсунуть под нее либо перебросить через эту дверь даже небольшой предмет было совершенно невозможно. Я обошел сарай кругом и обнаружил, что сзади имеется небольшое оконце с опущенными ставнями, попытался открыть его, но ставни были заперты изнутри. Действия мои вызвали новый приступ ржания и биения копытом. Вернувшись к дверям сарая, я заметил в стене крохотный зазор между досками – шириной в четверть дюйма, не более. Прикинув к этой щели, я заглянул внутрь. В конюшне царила полная темнота, однако через несколько мгновений взгляд мой различил белки лошадиных глаз, поблескивавшие в сумраке.

– По-моему, держать коня в полной темноте жестоко! – заметил я, отойдя от стены и повернувшись к Чаури.

– Не спорю, но дело в том, что окно заперто изнутри. Для того чтобы добраться до него, нужно пройти мимо стойла на близком расстоянии. Честно говоря, у меня нет ни малейшего желания получить удар копытом. Зато у меня имеется ключ. Когда мастера Болейна арестовали, он передал его мне. Если хотите, можете зайти в конюшню и открыть ставни, – предложил Чаури, и в голосе его послышалась легкая насмешка.

– Не думаю, что готов к подобному подвигу, – сухо ответил я.

– Мастер Болейн хочет продать Полдня, – сообщил управляющий. – Через миссис Изабеллу он передал мне просьбу заняться этим. Но найти покупателя на этого бешеного зверя непросто.

После того как мы привязали лошадей в другой конюшне, Чаури проводил нас в дом. В гостиной он попросил нас подождать, а сам отправился на поиски хозяйки. Комната, где мы оказались, была хорошо обставлена, на стенах висели дорогие гобелены, изображающие идиллические сельские сценки, участниками которых были пастушки и нимфы. Однако же взгляд мой различил комья пыли, скопившиеся в углах.

Чаури, вернувшись, сообщил, что миссис Болейн готова нас принять. Про себя я отметил, что он назвал свою хозяйку именем, на которое она ныне не имеет права. Николасу я сделал знак следовать за мной, а Барака и Тоби взглядом попросил подождать. Ни к чему было пугать бедную женщину, ввалившись к ней целой толпой. Комната, в которую провел нас управляющий, была, как и весь дом, хорошо обставлена, но несла на себе признаки запустения. Когда мы вошли, чрезвычайно миловидная женщина лет тридцати, с пышными формами и белокурыми волосами, выбивавшимися из-под унылого черного чепца, поднялась нам навстречу. Поклонившись, я представился сам и представил Николаса.

– Мастер Копулдейк просил вас помочь моему мужу? – спросила дама; в речи ее ощущался заметный норфолкский акцент.

– В мои намерения входит тщательно расследовать все обстоятельства дела и выяснить, нельзя ли взглянуть на происшедшее в ином свете.

– Благослови Господь леди Елизавету за милость, которую она нам оказывает, – с чувством произнесла Изабелла. – Но до суда осталось так мало времени! Всего шесть дней...

– Мне это известно. Вчера я посетил вашего супруга в Нориджском замке. Он велел передать, что любовь, которую он к вам питает, неизменна, и просил поблагодарить за снесь, которую вы ему посылаете.

– Я приготовила еще одну корзинку с едой. Не могли бы вы захватить ее с собой и передать моему мужу? В противном случае ему придется голодать. Тюрьма не обеспечивает заключенных пропитанием.

– Буду рад вам помочь.

Изабелла откинула с лица прядь белокурых волос.

– Наша кухарка попросила расчет, так что готовить мне приходится самой. Хорошо, что у меня имеется немалый опыт по части стряпни – я ведь работала в харчевне, – сообщила она, пристально глядя на меня огромными синими глазами. – Думаю, вам хорошо об этом известно. После того как Джон поселил меня в своем доме, все соседи отвернулись от него. Полагаю, сэр, вы тоже презираете меня – и за то, что я работала в харчевне, и за то, что столько лет жила во грехе?

– Разумеется, нет, – покачал я головой, мысленно подивившись и откровенности, и смелости этой женщины. – Заверяю вас, я сделаю все, что в моих силах, дабы помочь вам и вашему мужу.

– И я тоже! – неожиданно вставил Николас, буквально поедавший Изабеллу глазами; красота хозяйки явно произвела на молодого человека неотразимое впечатление.

– С вашего позволения, мы присядем и зададим вам несколько вопросов, – сказал я и уточнил: – Предупреждаю, это будут вопросы довольно щекотливого характера. Мастер Николас станет записывать нашу беседу – без этого никак не обойтись.

– Я готова ответить на любой вопрос. Дэниел, будьте любезны, оставьте нас!

Чаури, поклонившись, направился к дверям, однако по пути обернулся и бросил на свою хозяйку взгляд, как мне показалось, исполненный откровенного вожделения.

Изабелла, впрочем, ничего не заметила или сделала вид, что не заметила. Когда дверь за Чаури закрылась, она произнесла вполголоса:

– Уверена, вам известно, что закон более не считает меня супругой Джона. Но я не сомневаюсь: если его признают невиновным, он вернется сюда и мы снова будем жить вместе, как и прежде. Так или иначе, Эдит мертва.

– Да уж, мертвее не бывает, – кивнул я. – Насколько я понимаю, вы познакомились с вашим будущим мужем лет десять назад?

– Именно так. Как вы уже знаете, я тогда работала в харчевне. Джон частенько заглядывал к нам, так как дома у него творился настоящий ад. Он рассказывал мне, что вытворяет Эдит: Бог свидетель, я никогда не желала ей зла, но Джона она совершенно измучила. Да и сыновья доставляли ему немало огорчений. Им тогда было лет по восемь, не больше, но всякому было ясно – свет еще не видел подобной парочки жестоких паршивцев! – Изабелла вздохнула, и верхняя ее губа изогнулась от отвращения.

– Мы уже имели удовольствие познакомиться с Джеральдом и Барнабасом, – сообщил Николас.

– Поначалу я только жалела Джона. Я видела, что он достойный человек, который пытается выдержать все удары судьбы. Ну а потом... потом мы полюбили друг друга... – Во взгляде Изабеллы, устремленном на меня, вспыхнули искорки вызова. – Да, полюбили, несмотря на разницу в возрасте и положении. Такое бывает с людьми, знаете ли...

– Знаю! – с жаром ответил я. И спросил: – Вы когда-нибудь встречались с Эдит?

– Никогда. Но я столько слышала об этой женщине – сначала от Джона, потом от слуг и соседей. О ее угрюмом и вздорном нраве, о том, что она совершенно не заботилась о собственных детях. О ее странной привычке время от времени морить себя голодом. Нашлись досужие сплетники, которые рассказали ей о нас с Джоном, и вскоре после этого она исчезла. Когда стало ясно, что Эдит уже не вернется, Джон предложил мне поселиться в его доме. Конечно, он предупреждал, что его сыновья примут меня в штыки, да и соседи, скорее всего, не захотят с нами знаться. Но я любила его и была согласна на все.

Поколебавшись мгновение, я задал следующий вопрос:

– Джон когда-нибудь говорил вам о своем желании иметь еще детей от Эдит?

– Да, говорил, – ответила она, глядя мне прямо в глаза. – Но его жена наотрез отказывалась. Поначалу он пытался ее уломать, но все было напрасно, и он оставил все попытки. А после... Джон признался мне, что еще задолго до нашей встречи проникся к Эдит отвращением. Таким же сильным, какое питала к нему и она сама.

Мы с Николасом обменялись многозначительными взглядами. Очередная версия существенно отличалась от той, что вчера сообщил нам Майкл Воувелл, управляющий старика Рейнольдса.

– Простите за нескромный вопрос, но почему у вас с Джоном нет детей? Вы не хотели их иметь?

– Да, я не хотела иметь детей, пока мы не станем супругами по закону, – вздохнула Изабелла. – А Джон... он мечтал о детях. Мысль о том, что близнецы останутся его единственными наследниками, была для него невыносима. Он пытался переубедить меня, но после... – она покраснела и опустила глаза, – после признал мою правоту. Мы... мы принимали все меры предосторожности, известные сельским жителям. Я всегда говорила Джону, что, если мы поженимся, я буду счастлива родить ему дитя. После того как Эдит официально признали мертвой, мы наконец обвенчались, и тогда все препятствия исчезли. Но увы... Господь не благословил нас потомством. – Изабелла вздохнула и устало покачала головой. – Если бы я только знала, какое горе нас ожидает! Я попыталась бы родить ребенка сразу, как только мы стали жить вместе.

Щеки ее вновь вспыхнули, и она с трудом перевела дух. Я сознавал, как тяжело дается Изабелле подобная откровенность в разговоре с посторонними людьми. Решимость и отвага, свойственные этой женщине, порой граничили с дерзостью.

– Когда вы поселились в Бриквелле, как встретили вас сыновья Джона? – продолжил я свои расспросы.

– Возненавидели лютой ненавистью, – призналась Изабелла. – Скажу откровенно, вскоре я начала платить им той же монетой. Да еще и боялась обоих как огня. Как ни пытался мой муж держать эту парочку в узде, они были совершенно неуправляемы.

– Насколько мне известно, с ними не мог справиться ни один учитель.

– Ох, страшно вспомнить, как доставалось от них несчастным учителям! Помню, одного близнецы связали веревками и спустили вниз по лестнице. Он чудом не сломал шею, бедняга. Другого в классной комнате раздели догола, а потом вытащили наружу и бросили на лужайке. После этого учителя обходили наш дом за несколько миль. Близнецам было тогда по четырнадцать лет. Два молодых жеребца, не дающие проходу служанкам. Они всегда были неразлучны и все безобразия творили вместе. Как, впрочем, и сейчас. Когда Джона арестовали, я боялась оставаться с его сыновьями под одной крышей. Но на мое счастье, они решили прибегнуть к покровительству своего деда. Как видно, опасаются, что их объявят подопечными короля – в случае, если мой муж... – Изабелла осеклась, не договорив; самообладание в конце концов изменило ей; слезы, хлынув из глаз, поползли по щекам. Смахнув их платком, он пробормотала: – Продолжайте, мастер Шардлейк. И не обращайтесь внимания на проявления моей женской слабости.

– Вы знакомы с дедушкой близнецов, мастером Гэвином Рейнольдсом? Я беседовал с ним вчера. Излишней приветливостью сей пожилой джентльмен не отличается.

– Я его никогда не видела. Он наотрез отказался со мной знакомиться. А вот внуки частенько у него бывали. Думаю, чувствовали в нем родственную душу...

– Мне показалось, он питает к ним привязанность.

– Может быть, – пожала плечами Изабелла. – Могу сказать одно: у меня нет ни малейшего желания водить с ним знакомство.

– Есть еще один, весьма важный вопрос. Из ваших показаний явствует, что в тот вечер, когда была убита Эдит, ваш супруг заявил, что намерен поработать с документами в своем кабинете. Он просил вас проследить, чтобы его никто не беспокоил, и в течение двух часов вы его не видели.

– Да, так оно и было. Вам наверняка известно, что Джон вел давнюю тяжбу с соседом Леонардом Вайтерингтоном. Бедный Джон. Люди словно сговорились отравлять ему жизнь.

– Не скрою: то, что мастера Болейна никто не видел в течение двух часов, дает в руки обвинению сильный козырь.

– Я прекрасно понимаю это, – нахмурилась Изабелла. – Во время первого свидания с Джоном в тюрьме я сказала ему, что готова дать ложные показания. Хотела сказать коронеру, что в тот вечер якобы заходила в кабинет и разговаривала с ним. Но он запретил мне обманывать. Сказал, лжесвидетельство – это преступление и, если меня уличат, у меня будут серьезные неприятности. Вы сами видите, мастер Шардлейк, какой Джон преданный и любящий муж.

– Я вижу, что вы – преданная и любящая жена, – негромко произнес я. – Николас, не надо записывать этот разговор о лжесвидетельстве.

– Лжесвидетельство? Да я и слова такого не слышал! – улыбнулся Овертон, и губы Изабеллы тронула слабая ответная улыбка.

– Как вы полагаете, где ваш муж провел эти два часа? – спросил я.

– В своем кабинете, где же еще, – пристально взглянув на меня, отчеканила она.

– Вы готовы на суде дать показания в защиту своего мужа?

– Разумеется. Я заявлю во всеуслышание, что Джон – лучший из мужей. И что он не мог убить Эдит. Я в это никогда не поверю.

– Еще один, последний вопрос. У вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, кто мог ее убить?

Изабелла вздохнула:

– Поверьте, я ломаю голову над этим вопросом дни и ночи напролет, но не нахожу ответа. Леонард Вайтерингтон хочет заполучить часть наших земель. Но вряд ли это достаточно веский повод для того, чтобы совершить убийство.

– А близнецы?

– Нет, вряд ли. При всей своей испорченности и жестокости они любили мать.

– Мне не показалось, что они хоть сколько-нибудь опечалены ее смертью, – заметил я.

– Они никогда не станут выказывать своей печали, – возразила Изабелла. – Эти молодчики из тех, кто считает скорбь проявлением слабости.

– Ясно, – кивнул я и добавил с улыбкой: – На прощание позвольте дать вам небольшой совет, миссис Болейн. Откровенность и прямота, с которой вы отвечали на мои вопросы, достойны всяческого восхищения. Но на суде вам следует держаться... как бы это лучше выразиться... несколько более робко, застенчиво, даже слегка приниженно. И не бойтесь дать волю слезам. Женские слезы обычно трогают сердца судей.

– Вы считаете меня излишне самоуверенной? Поверьте, за эти девять лет мне пришлось научиться ставить на место людей, выражающих мне свое презрение.

– Я все понимаю, миссис Болейн. Но суд – это совершенно особый случай. Вы должны думать о том, как произвести наиболее выгодное впечатление.

– Хорошо, я попытаюсь последовать вашему совету. Что касается слез, то за ними дело не станет. Стоит мне подумать об участии, которая ожидает моего мужа, если его признают виновным, и слезы текут сами собой. – Изабелла потупилась, но через мгновение вновь вскинула голову. – Прошу вас, найдите убийцу. Ради спасения Джона и в память о несчастной Эдит.

Глава 16

Я сообщил Изабелле, что намерен осмотреть место преступления, и попросил послать с нами Чаури в качестве провожатого. Она с готовностью согласилась и отправилась на поиски управляющего. Мы с Николасом вернулись в гостиную, где Барак и Тоби коротали время за дружеской болтовней.

– Этой женщине не занимать смелости и силы духа, – сообщил я. – И несомненно, она всей душой предана своему мужу.

– По моему мнению, излишняя смелость идет ей во вред, – заметил Тоби. – По слухам, разбираясь с жалобами арендаторов, она не чуждается самых резких выражений. Суд может счесть ее слишком дерзкой.

– Я уже дал ей совет держаться поскромнее. Но несомненно, Изабелла не из тех, кто способен надругаться над мертвым телом. Хотя веский мотив для убийства у нее, вне всякого сомнения, имелся.

– А вы заметили, какой страстный взгляд метнул на хозяйку Чаури? – осведомился Николас.

– Я горбат, но не слеп. Но у меня создалось впечатление, что сама она к нему совершенно равнодушна.

– Если Болейна повесят, у Чаури появится шанс жениться на Изабелле. Так что, вполне возможно, у него тоже имелся повод прикончить Эдит, – предположил Николас.

Я испустил сокрушенный вздох. Наш визит в Бриквелл порождает лишь новые вопросы, не давая никаких ответов. Наконец появился Чаури. Мы попросили его отвести нас к ручью, у которого была убита Эдит; ручей этот, насколько я помнил, представлял собой естественную границу между владениями Болейна и Вайтерингтона.

Чаури прихватил с собой три пары ботинок на толстой подошве.

– Там жуткая грязь, – сообщил он.

Я взглянул на ботинки. Все три пары – тяжелые, большого размера.

– Это ботинки мастера Болейна и его сыновей, – пояснил управляющий. – Ту пару, что нашли в конюшне, забрали в качестве улики.

Мы поблагодарили его, переобулись и вслед за нашим провожатым вышли из дома.

Довольно долго мы шли по тропе, тянувшейся меж вспаханных полей.

– Миссис Болейн очень предана своему мужу, – заметил я, обращаясь к Чаури.

– Она прекрасная женщина и прекрасная хозяйка! – с пылом ответил он.

– Вы верите в невиновность мастера Болейна?

– Верю. Я служил у него последние пять лет. Несмотря на свою привычку выходить из себя по пустякам, он хороший человек. Думаю, все, чего он хочет, – спокойно жить в своем поместье.

– Кстати, а где живете вы? В том же самом доме, что и хозяева?

– Нет. У меня собственный небольшой домик неподалеку.

– О, замечательно! – воскликнул я непринужденно. – Полагаю, дом достаточно просторный, чтобы хватало места жене и детям?

– Я пока не женат.

– В вечер убийства вы слышали какие-нибудь подозрительные звуки?

– Я не слышал ровным счетом ничего! – отрезал Чаури и поджал губы. – Если вы хотите узнать, имеется ли у меня алиби, сразу говорю – нет!

Поля, расстилавшиеся по обеим сторонам дороги, были разделены на узкие полосы; нам встретился лишь один участок довольно значительного размера, примерно в несколько акров. На краю этого участка стоял небольшой каменный дом.

– Это земли йомена⁶ Чарлесвотра, – сообщил Чаури. – Он прикупил к своему наделу еще несколько полос. Один из разбогатевших фермеров, желающих выбиться в люди. Он даже готов платить за обучение своих детей в школе, – добавил управляющий, и в голосе его послышались нотки осуждения.

– Мой отец тоже был йоменом, – сообщил я. – И на мое счастье, он тоже выбился в люди и послал меня в школу.

Чаури слегка смутился; Барак и Тоби перемигнулись. Я заметил, что люди, работавшие в полях, завидев нас, разгибали спину и, опираясь на свои мотыги, провожали чужаков удивленными взглядами.

– Пялятся как на диковинку, недоумки, – недовольно проворчал Чаури. – Ничего, там, куда мы идем, никаких любопытных глаз не будет.

Мы прошли еще немного, и поля сменились общинными пастбищами, обнесенными плетеными оградами. В основном там паслись волы и коровы, овец было совсем немного. Справа за пастбищами виднелся пруд, за которым темнел лес; слева тянулась болотистая местность, поросшая тростником и редкими деревьями. Солнце припекало вовсю; день выдался еще более жаркий, чем вчера.

Тоби замедлил шаг и повернулся ко мне.

– Это общинные пастбища, мастер Шардлейк, – сказал он, указывая на изгороди. – Во многих местах землевладельцы пытаются изъять их из общего пользования и отгородить для своих овец. Видите этих коров? Каждая из них принадлежит какому-нибудь местному крестьянину и обеспечивает молоком целую семью. Без волов и лошадей крестьяне не могут возделывать землю. Лес дает им дрова и желуди для свиней. На болотах крестьяне собирают тростник и охотятся на диких птиц. Если деревни лишатся общинных земель, они просто-напросто вымрут.

– Это, конечно, правда, – кивнул Чаури. – Но не забывайте, в некоторых деревнях общинных земель намного больше, чем требуется крестьянам. А там, где общинных наделов мало, помещики пускаются на любые ухищрения. Взять хотя бы мастера Вайтерингтона. Общинное пастбище в собственном имении он хочет отгородить для своих овец, а крестьянам отдать земли, которые рассчитывает отсудить у моего хозяина.

– Но разве закон не защищает общинные пастбища? – осведомился Барак.

– Защищает лишь на словах, – пожал плечами Тоби. – Сами знаете, кто заседает в суде и ведает всеми земельными документами. Владельцы богатых поместий.

– Вы слово в слово вторите этим радикалам, что твердят о всеобщем благе, Локвуд, – усмехнулся Чаури. – Впрочем, бесчестных и алчных землевладельцев у нас и впрямь хватает. С этим трудно поспорить. Взять хотя бы Вайтерингтона.

– Мастер Чаури, если я не ошибаюсь, вон та полоса, где трава потемнее, и есть русло пересохшего ручья? – спросил я, указывая направо. – Старое русло, которое, как утверждает Вайтерингтон, должно являться границей между поместьями?

– Это именно оно, – кивнул Чаури. – Хотя ручей давно пересох, но в дождливую погоду старое русло наполняется водой.

– А чуть подальше виднеются ручей и мост через него, верно? Расстояние до моста составляет примерно треть мили, насколько я могу судить.

⁶ *Йомены* (йоменри) – в феодальной Англии свободные мелкие землевладельцы, которые, в отличие от джентри, самостоятельно занимались обработкой земли.

– Да, и пока это официальная граница между имениями. Как раз там было найдено тело бедной Эдит Болейн.

– Ну что ж, идемте туда.

Мы дошли до деревянного моста через ручей. На берегу, принадлежавшем Вайтеринг-тону, слева тянулись пахотные земли, а справа – пастбища, огороженные плетеными изгородами. Вдали виднелись деревня и шпиль церкви.

– Иногда, бывает, местному священнику удается разрешить тяжбу между землевладельцами и уладить дело мирным путем, – заметил Чаури. – Но здешний священник предпочитает не вмешиваться в дела своих прихожан. Правду сказать, человек он недалекий и невежественный. Без конца вздыхает о старых добрых временах и печется лишь о собственном покое.

Мы поднялись на мост и некоторое время стояли там, глядя на мутные воды ручья, медленно текущего меж заболоченных, поросших ивами берегов.

– Хотите увидеть место, где было найдено тело? – переведя дух, спросил Чаури.

– Разумеется.

Вернувшись на земли Болейна, мы через калитку в изгороди вошли на пастбище. Пройдя вдоль ручья ярдов пятьдесят, Чаури остановился и указал на берег:

– Это было здесь, около вон той молодой ивы. Тело обнаружил старый пастух. Когда мне сообщили об этой страшной находке, я бросил все и примчался сюда. Зрелище, доложу я вам, было кошмарное. Совершенно голый труп, стоявший вниз головой в жидкой грязи. Когда убитую вытащили, выяснилось, что череп у нее проломлен, так что мозги вывалились в воду.

Я приблизился к берегу, радуясь, что ботинки на толстой подошве позволяют это сделать. Жидкая грязь хлюпала и пузырилась при каждом моем шаге. Николас двинулся вслед, протянув руку Бараку, которому трудно было сохранять равновесие в подобных обстоятельствах. Чаури и Тоби остались стоять в отдалении.

– Будьте осторожны, вас может засосать! – крикнул Чаури. – Смотрите, куда ставите ногу!

– Для того чтобы поступить с телом подобным образом, потребовалась немалая сила, – пробормотал Барак. – Тащиться по такой грязи с трупом в руках – работенка не из легких.

Я оглянулся на мост, на глаз прикидывая расстояние до него:

– Да уж, убийца наверняка изрядно попотел. Если предположить, что Эдит была убита на мосту – а это единственное подходящее место, где можно назначить встречу, – убийце пришлось тащить ее сюда на себе, да еще и в полной темноте. Это мог сделать только сильный и крепкий мужчина, к тому же хорошо знакомый со здешней местностью.

– Пожалуй, мне подобное не по силам, – подал голос Николас. – Возможно, преступников было двое, – предположил он.

Некоторое время мы молчали, глядя на воду, казавшуюся почти неподвижной. Сейчас все вокруг дышало тишиной и покоем.

– Согласен, притащить сюда Эдит в одиночку трудновато даже для крепкого мужчины, – кивнул я. – Но когда человек охвачен приступом безумной ярости, силы его, как известно, удваиваются.

– И все же не исключено, что здесь действовало двое безумцев, взбешенных до последней степени, – настаивал на своем Николас.

Я пристально взглянул на него:

– Ты имеешь в виду Джеральда и Барнабаса?

– Вполне вероятно, что Эдит, вернувшись, захотела повидаться с сыновьями и назначила им встречу на мосту.

– Но все, с кем мы до сих пор говорили, в один голос твердят: несмотря на свой отвратительный нрав, близнецы любили мать. Впрочем, убийц действительно могло быть двое. Мало ли с кем у Эдит имелись счеты, – добавил я, окидывая взором поля и равнины.

С трудом вытаскивая ноги из жидкой грязи, мы вернулись на тропу. Управляющий поджидал нас, поглаживая свою рыжую бороду.

– Мы очень вам признательны, мастер Чаури, – сказал я. – Без вас мы вряд ли отыскали бы это место. Позвольте задать вам еще один вопрос. Случались ли в этой местности за последние несколько лет другие убийства или, может быть, таинственные исчезновения людей?

Вопрос мой, несомненно, привел Дэниела в недоумение.

– Нет, что вы, – покачал он головой. – Мы здесь живем тихо и мирно. Если, конечно, не считать драки с арендаторами Вайтерингтона несколько месяцев назад.

– Я просто полюбопытствовал, – ответил я, думая о Грейс Боун, которая пропала бесследно незадолго до исчезновения Эдит.

– Может, здесь и происходили подобные происшествия, но мне о них ничего не известно, – произнес Чаури.

– Если вас не затруднит, расскажите чуть подробнее о стычке с людьми Вайтерингтона, – попросил я. – Насколько я понимаю, драка была довольно жестокой. Мастер Болейн упомянул, что в ней принимали участие его сыновья. Скажите, он ведь попросил вас собрать людей, готовых схватиться с арендаторами соседа?

В темных глазах Чаури мелькнуло недовольство, меж бровей залегла угрюмая складка.

– Начнем с того, что главный и единственный зачинщик этой стычки – Вайтерингтон, – пробурчал он. – Этот пройдоха пытался силой захватить наши земли. У меня имелся осведомитель среди его арендаторов, так что о намерениях этого негодяя мы узнали заранее и приготовились дать ему отпор. Да, мастер Болейн попросил меня собрать людей, и я решил привлечь близнецов. Отношения с отцом у них скверные, но оба рады любому поводу помахать кулаками. Вместе со своими друзьями, такими же молодыми бездельниками, они сколотили целую шайку и за деньги готовы драться на стороне любого помещика, желающего выяснить отношения со своим соседом или же прогнать прочь арендаторов. Спору нет, было разбито немало носов и скул. Но повторяю: виновник этого – Вайтерингтон, и никто иной.

– Вы сообщили мастеру Болейну, что хотите обратиться к его сыновьям?

– Нет, я решил не делать этого, – вновь сверкнул глазами Чаури. – С близнецами я связался через их деда.

– Возможно, вы приняли верное решение, – кивнул я. А про себя отметил, что, похоже, этот человек при случае может быть жестоким и беспощадным. – Еще раз благодарю вас за помощь и содействие, мастер Чаури. Полагаю, вас ждут дела, и не смею больше вас задерживать. Возвращайтесь домой. Мы сейчас отправимся в Южный Бриквелл и попытаемся побеседовать с мастером Вайтерингтоном.

– Будьте осторожны, сэр, – предостерег меня управляющий. – Старый хрыч не отличается хорошими манерами. Откровенно говоря, это настоящий дикарь.

Перейдя через мост, я оглянулся. Чаури стоял на тропе, глядя нам вслед. Несколько минут спустя до нас долетели возбужденные крики и вопли. Судя по всему, на землях Вайтерингтона вспыхнула очередная стычка.

Глава 17

Мы двинулись в сторону Южного Бриквелла. Сердитые голоса, доносившиеся издалека, не умолкали. Поднявшись на холм, мы увидели на полях, окружавших деревню, множество человеческих фигур; над головами людей кружились белые птицы. Войдя в ворота, мы приблизились к особняку, возведенному из кремниевых плит; выглядел он менее старинным, чем дом Болейна. Во дворе царила суета; несколько человек сновало туда-сюда, конюх вел под уздцы пару лошадей. Другой слуга держал на поводке двух здоровенных охотничьих мастифов. Увидев нас, собаки обнажили клыки и зашлись злобным лаем.

– Судя по всему, мы выбрали для визита не слишком подходящее время, – заметил Барак. – Здесь явно назревает какая-то заваруха.

– Идемте в поля, посмотрим, что там происходит, – предложил Тоби.

– Думаю, разумнее будет не вмешиваться в чужие дела, – изрек Николас.

– А я уверен в обратном, – возразил Джек. – Нам необходимо выяснить, что такое здесь творится. К тому же бояться нам нечего, – добавил он, придерживая свой протез здоровой рукой. – У нас есть ножи, а у Ника еще и меч в придачу.

– Хорошо, идемте, – согласился я. – Только, сделайте милость, не лезьте на рожон.

Мы прошли через деревню, представлявшую собой несколько ветхих лачуг, окружавших пруд. Южный Бриквелл оказался даже еще меньше, чем Северный. За деревней раскинулось пастбище, на котором паслись недавно подстриженные овцы. Заметив хижину пастуха, я мысленно спросил себя, уж не здесь ли живет Эдриан Кемпсли, обнаруживший тело Эдит.

Деревня была совершенно пустынна – на улице никого, за исключением кур и коз. Окна домов в большинстве своем закрыты ставнями, из редких открытых окон выглядывали люди, как правило старики и дети; лица их выражали величайшее беспокойство. Приблизившись к полям, мы увидели, что там собралось человек тридцать – в основном мужчины, однако встречались и женщины, и даже подростки. Все они двигались вдоль борозд, которые разделяли наделы, к дубовой рожице, зеленевшей на краю поля. Многие несли сети и вилы, несколько молодых парней держали в руках луки и колчаны со стрелами. Белые птицы тревожно вспархивали с земли и начинали беспорядочно носиться в воздухе. Люди пытались набросить на них сети; один из юношей выпустил стрелу, и подбитая птица упала.

– Хороший выстрел, – одобрительно пробормотал Николас.

– Что они делают? – недоуменно спросил я.

– Убивают голубей своего помещика, которые уничтожают посевы, – пояснил Тоби. – Вон, видите голубятню? – Он указал на просторный сарай, стоявший на краю поля. – Голубиные яйца и мясо – любимое лакомство богатеев. Но крестьянам трудно смириться с тем, что эти птицы лишают их детей хлеба.

– У моего отца тоже есть голубятня, – сообщил Николас. – Но конечно, не такая здоровенная, как эта.

– В таком роскошном дворце явно проживает несколько сот вредных птиц, – усмехнулся Тоби. – Видите, они совсем обезумели. Наверняка крестьяне насыпали в борозды зерна, хорошенько вымоченного в пиве, и голуби опьянели.

– Но подобная расправа является нарушением закона, – вмешался я. – Тем, кто устроил голубиное побоище, не миновать крупных неприятностей.

– Неприятностей у крестьян и так более чем достаточно, – с внезапной злобой процедил Локвуд.

Я смерил его ледяным взглядом.

– Простите, сэр, – смутившись, пробормотал он.

Еще один голубь неуверенно поднялся в воздух и был тут же насажен на вилы. Люди, заметив нас, бросали в нашу сторону настороженные взгляды; вне всякого сомнения, появление компании чужаков не слишком их обрадовало. На память мне пришли подростки, заставившие путешественников любоваться своими задницами.

– Думаю, нам лучше здесь не задерживаться, – сказал я вполголоса.

В этот момент раздались собачий лай и цокот копыт. Мы поспешно отошли в сторону, уступая дорогу двум всадникам, за которыми следовало не менее десятка здоровенных парней, вооруженных мечами и алебардами; замыкали процессию еще двое конных, каждый из которых держал на поводке мастифа. Всадники спешили, привязали лошадей к ограде и двинулись в сторону охотников. Их предводитель, человек лет пятидесяти, приземистый, тучный и краснолицый, угрожающе размахивал мечом.

– Прекратите! – орал он. – Мерзавцы! Ублюдки! Немедленно прекратите убивать моих птиц! За нарушение закона я вас всех упеку в тюрьму! Или сдам в солдаты и отправлю в Шотландию!

– Полагаю, это мастер Леонард Вайтерингтон собственной персоной, – ухмыльнулся Барак.

Вайтерингтон двинулся к деревенским жителям, которые испуганно сбились в кучу. Никто не произносил ни слова в ответ, хотя помещик, в неистовстве размахивая мечом, срубал молодые побеги ячменя. Крестьяне наблюдали за ним, сжимая в руках вилы и грабли, которые в любой момент могли превратиться в смертоносное оружие. Три молодых лучника, уже готовые выпустить стрелы, завидев приспешников Вайтерингтона, опустили луки.

Коротышка остановился перед ними, по-прежнему истошно вопя и брызжа слюной.

– Негодяи, мошенники, подонки! Я вас всех заживо сгною в тюрьме! – разорвался он.

– Закройте-ка свою пасть, мастер Вайтерингтон! – наконец подал голос кто-то из крестьян. – Иначе я насажу вас вот на эти вилы! И ваших псов тоже!

Пожилой мужчина угрожающе тряхнул вилами, которые держал в руках:

– Вам нас не запугать!

Один из крестьян указал граблями на голубятню:

– Сожжем этот чертов птичник!

Люди Вайтерингтона подняли мечи. В ответ крестьянские парни вскинули луки и прицелились. В следующее мгновение из толпы крестьян вышел высокий мужчина средних лет. По контрасту со своими товарищами, тощими и оборванными, он был упитан и хорошо одет – в добротный дублет и кожаные штаны. Вперив взгляд в разгневанного помещика, он произнес громким и четким голосом:

– Мы не хотим враждовать с вами, сэр. Но ваши птицы – это настоящее бедствие для наших полей. А урожай в этом году и так ожидается скудный.

– Вот уж не думал, что ты заодно с этим сбродом, йомен Харрис, – злобно процедил Вайтерингтон. – У тебя ведь, если мне не изменяет память, пятьдесят акров собственной земли. И половину ты купил у меня.

– Но это не мешает вашим птицам уничтожать мои посевы! – усмехнулся Харрис. – Так больше продолжаться не может.

На несколько мгновений повисло молчание. Люди по обеим сторонам, сжимая в руках оружие, ждали. Некоторые, заметив чужаков, бросали в нашу сторону любопытные взгляды.

– А это что еще за птицы? – насмешливо крикнул один из крестьян. – Что им здесь надобно?

Харрис вскинул руку, призывая его замолчать, и направился к нам. На поясе у него висел здоровенный нож.

«Николас был прав, – пронеслось у меня в голове, – похоже, мы попали в серьезную переделку».

Но когда Харрис приблизился к нам, я заметил, что он радостно улыбается.

– Вы ведь члены Комиссии по незаконным огораживаниям? – с надеждой осведомился он. – Нам известно, что лорд-протектор создал такую комиссию. Но мы не ожидали, что вы приедете так быстро.

Итак, Харрис счел нас членами новой комиссии, которую обещал учредить Сомерсет. Спрашивается, за кого еще он мог принять людей в адвокатских мантиях, неведомо зачем явившихся в деревню? Поколебавшись, я все же решил развеять его заблуждение.

– Нет, мы не имеем отношения к этой комиссии, – покачал я головой. – Хотя, разумеется, слышали о ней. Но я прибыл в Бриквелл по частному делу, никоим образом не связанному с незаконными огораживаниями. В вашу деревню мы приехали, чтобы поговорить с мастером Вайтерингтоном.

От толпы крестьян отделился еще один человек и торопливо направился к нам. Он был молод и, в отличие от Харриса, одет в лохмотья, а в руках держал косу. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

– Что ты с ними церемонии разводишь, Харрис! – крикнул он. – Слепому видно, это прихвостни Вайтерингтона. – Он угрожающе тряхнул косой. – Хотят упечь нас в тюрьму за то, что мы спасаем свои поля от этих милых пташек. Смотри, мастер горбун, как бы я не выпотрошил тебя, словно рыбу!

Барак и Николас угрожающе шагнули вперед, но парень не двинулся с места.

– Мне терять нечего! – продолжал он орать. – Два года я торчал в Шотландии, два года кормил блох и ночевал в вонючей казарме с дырявой крышей, а плату получил только за один год! Вернулся сюда, и что я вижу? Семья моя подыхает с голоду, а этот мешок с дерьмом, – он указал на Вайтерингтона, – знай стрижет своих чертовых овец и получает денежки!

– Помолчи, Мелвилл! – Харрис сжал руку парня повыше локтя; взгляд его, устремленный на нас, стал колючим и жестким. – И какое же у вас дело к мастеру Вайтерингтону?

– Я расследую убийство женщины по имени Эдит Болейн, – произнес я, стараясь говорить как можно громче, так чтобы меня слышали все собравшиеся на поле. – Все, чего я хочу, – это задать мастеру Вайтерингтону несколько вопросов.

Услышав это, помещик нахмурился. В воздухе вновь повисло молчание.

– Вас, спору нет, намного больше, чем людей Вайтерингтона, – вполголоса произнес Барак, обращаясь к Мелвиллу. – Но они куда лучше вооружены, и с ними эти жуткие псы. А среди вас есть женщины и дети. Конечно, вам решать. Но на вашем месте, парень, я увел бы своих людей от греха подальше. До поры до времени.

– Он прав, – подхватил Тоби. – Уходите, пока не поздно!

Харрис и Мелвилл переглянулись, потом Мелвилл обернулся к крестьянам и крикнул:

– Они не из комиссии! Но вроде бы и не прихвостни Вайтерингтона! Давайте расходиться! В конце концов, мы сделали, что хотели, – прикончили прорву этих паскудных птиц!

Лучники опустили луки; один из них насадил на стрелу окровавленного белого голубя, валявшегося на земле. Крестьяне разразились одобрительными возгласами, Вайтерингтон побагровел еще сильнее. Тем не менее он позволил крестьянам разойтись, проводив их истошными криками:

– Харрис! Теперь ты конченный человек! Мелвилл, безмозглый баран, попомни мои слова: ты останешься без земли!

Вместо ответа Мелвилл повернулся и показал ему кукиш.

Я перевел дух.

– Слава богу, ты уговорил их разойтись, – сказал я, повернувшись к Бараку. – Иначе пролились бы потоки крови.

– Да уж, крестьянам пришлось бы несладко.

– Но как эти деревенские пентюхи разговаривали с богатым лордом, с ума сойти! – Николас покачал головой, восхищенно и возмущенно одновременно, и расхохотался.

– А вот и он собственной персоной, – заметил Барак.

Вайтерингтон, оставив своих людей, приблизился к нам. В руках он держал меч; круглое красное лицо помещика исказилось от негодования.

– Кто вы такой, сэр? – спросил он, буравя меня глазами. – Я слышал, вы упомянули про Болейна.

– Да, мы расследуем дело об убийстве, в котором обвиняется Джон Болейн. Прибыли сюда, дабы собрать все факты, не упустив ни единого.

– Кто вас послал?

– В настоящий момент я являюсь представителем мастера Копулдейка.

– Не сомневаюсь, что вы исполняете поручение леди Елизаветы, – прищурившись, произнес Вайтерингтон.

Я набрал в грудь побольше воздуха:

– Леди Елизавета всего лишь желает, чтобы мы ознакомились со всеми обстоятельствами дела и удостоверились в торжестве справедливости. Она вовсе не уполномочивала меня любой ценой доказывать невиновность мастера Болейна.

– Обелить преступника у вас в любом случае не выйдет! – Вайтерингтон внезапно разразился издевательским смехом. – Леди Марии не слишком понравится, если она узнает, что ее сестрица сует нос в норфолкские дела. Ну да ладно! Чего вы хотите от меня?

– Всего лишь узнать вашу точку зрения на это печальное событие. И если позволите, расспросить пастуха, обнаружившего тело.

Вайтерингтон пристально взглянул на Барака:

– Что вы такое сказали этим болванам, что они решили разойтись?

Джек выдержал его взгляд и невозмутимо пояснил:

– Сказал, что ваши люди лучше вооружены. И что крестьянам следует подумать о женщинах и детях, которые находятся среди них.

Вайтерингтон повернулся ко мне:

– Разумеется, я сообщу об этом возмутительном происшествии мировому судье. Харрис и Мелвилл по закону ответят за голубиное побоище, которое они устроили. – Голос его вновь задрожал от злобы. – Вы были свидетелями! Вы видели, как они убивали несчастных голубей! Видели, как нагло они держались и как Мелвилл показал мне кукиш! – Он так кипел от ярости, что, казалось, вот-вот задохнется.

– Вы можете связаться со мной, когда сочтете нужным, – ответил я.

Тоби удивленно открыл рот, но Барак подмигнул ему, давая знак молчать. Мой давний помощник прекрасно понимал: Вайтерингтон может мне написать, но это еще отнюдь не означает, что я ему отвечу, а уж тем более дам показания, на которые он рассчитывает.

Вайтерингтон удовлетворенно кивнул. Про себя я отметил, что особым умом он, судя по всему, не отличается.

– Шукбору! – крикнул он, повернувшись к своим слугам. – Живо найди Эдриана Кемпли и приведи его в мой дом. Скорее всего, старикан сейчас дрыхнет в своей хижине. И Ральфа тоже приведи! – распорядился он. – Наверняка им будет любопытно на него посмотреть. Вы двое, отведите домой собак. А все остальные пусть принимаются за работу!

Отдав эти приказы, владетельный лорд двинулся к дороге. Мы следовали за ним, сопровождаемые исполненными недоумения взглядами слуг.

Мы подошли в дому Вайтерингтона; хозяин провел нас в высокий гулкий холл с облицованными камнем стенами. Слуги встревоженно выглядывали из всех дверей. Один из них, набравшись смелости, приблизился к своему повелителю.

– Все хорошо, сэр? – робко проблеял он.

– Все просто замечательно! Если не считать того, что деревенские паскудники истребили несколько десятков моих голубей! – прорычал Вайтерингтон и распорядился: – Принеси в мой кабинет кувшин пива. Вы, господа законники, идите за мной! – бросил он, обращаясь к нам с Николасом.

Оставив Барака и Тоби в холле, мы вслед за хозяином отправились в кабинет, насквозь пропахший псиной; на столе высились пыльные груды старинных книг и документов.

– После того как моя жена умерла, в этом доме черт знает что творится! – проворчал помещик, сдвигая их в сторону.

– Сочувствую постигшей вас утрате, – изрек я.

Вайтерингтон важно кивнул, швырнул меч на стол и опустился в кресло, сделав нам с Николасом знак садиться. Взглянув на нас, он зашелся лающим смехом:

– А славная ручонка у того парня, что остался внизу!

– Он потерял руку в честном бою, – сообщил Николас.

– С шотландскими негодьями?

– Нет, не с шотландскими, – ответил я. – С лондонскими.

– Это верно, в Англии негодяев достаточно, – вздохнул Вайтерингтон. – Вы только что имели возможность в этом убедиться. Господи Иисусе, до чего же настали скверные времена! И всему виной протектор и эти ублюдки, что трещат о каком-то государстве общего блага. Да уж, поневоле пожалеешь о старом короле, при нем порядка было больше. Говорят, на юго-западе дела обстоят еще хуже – повсюду мятежи и бунты. Да и у нас положение скверное. Здешные людишки настолько глупы, что не понимают собственной выгоды. Твердят, что мои новые пастбища оставляют их скотину без пропитания, ну хоть кол на голове им теши! Меж тем я много раз говорил: как только получу кусок земли Болейна, отдам его под общинное пастбище.

– Насколько мне известно, весной у вас тут произошло... серьезное столкновение, – заметил я. – Между крестьянами вашей деревни и крестьянами Болейна.

– Да уж, – прищурившись, проронил Вайтерингтон. – Это было в марте. Я знаю, что земля до сухого русла ручья принадлежит мне по закону, поэтому и попытался занять ее. Но люди Болейна устроили настоящее побоище и вышибли моих прочь.

Попытка захватить землю силой представляла собой вопиющее нарушение закона, но я счел за благо не упоминать об этом и ограничился лишь тем, что сказал:

– Насколько мне известно, ныне дело передано в суд.

– Хотя в этом нет никакой необходимости, – пожал плечами Вайтерингтон. – Если Болейна вздернут на виселицу, земли его отойдут королю, и я смогу приобрести их, обратившись в Ведомство по делам конфискованного имущества.

– Если я не ошибаюсь, в Норфолке это ведомство представляет Джон Фловердью.

– Вроде бы, – осторожно ответил Вайтерингтон.

– По имеющимся у меня сведениям, владения сэра Ричарда Саутвелла граничат и с вашими землями, и с землями Болейна.

– Без сомнения, я смогу совершить сделку, выгодную обеим сторонам, – вновь пожал плечами собеседник.

Судя по всему, пронырливый коротышка уже успел прощупать почву, переговорив с Саутвеллом или Фловердью, решил я. На память мне пришли слова Болейна о том, что Саутвелла ничуть не интересует Бриквелл.

– Никак не возьму в толк, какое отношение мои земельные дела имеют к убийству миссис Болейн, – проворчал Вайтерингтон, складывая на животе пухлые красные руки.

– Я всего лишь пытаюсь представить целостную картину здешней жизни. Скажите, вы были знакомы с миссис Болейн?

– Едва знал ее. Она исчезла через два года после того, как мы с Болейном приобрели бывшие монастырские земли и стали соседями. Как-то раз я пригласил их с мужем на обед. Эта особа сидела за столом, точно в рот воды набрав. Когда я попытался завязать с ней разговор, бросила на меня угрюмый взгляд и не удостоила ни словечком. Больше мы их не приглашали. Я так считаю, у нее с головой было не все в порядке. И эта парочка балбесов, молодые Болейны, – явно пошла в матушку. На своего папашу они ничуть не похожи. – Вайтерингтон презрительно поджал губы. – После того как Эдит исчезла и Болейн поселил у себя в доме шлюху из харчевни, многие думали, что он прикончил свою женушку. Я, впрочем, всегда считал, что у него для этого кишка тонка.

– У вас есть какие-нибудь соображения относительно того, где Эдит Болейн могла находиться в течение последних девяти лет?

– Откуда мне знать? – в очередной раз пожал плечами Вайтерингтон. – Вероятно, она нашла где-то приют. Вдали от здешних мест.

– Все-таки странно, что тело убитой было обнаружено именно на границе между вашими владениями и владениями Болейна, – заметил я.

– Что вы имеете в виду, сэр? – грозно возвысил голос Вайтерингтон.

– Ровным счетом ничего. Просто выбор места преступления меня удивил. И с телом обошлись, мягко говоря, самым странным образом.

– Возможно, Болейн назначил своей жене встречу на мосту. А когда она явилась, вышел из себя и прикончил ее. Хотя он и рохля, однако у него случаются приступы бешенства.

В дверь постучали; в комнату вошел слуга по имени Шукбору, а вслед за ним – исхудавший, убеленный сединами старик. Он робко переминался с ноги на ногу и мял в руках засаленную шапку. Я догадался, что Шукбору служит у Вайтерингтона управляющим и выполняет примерно те же обязанности, что и Чаури в поместье Болейна. На вид ему было лет сорок, он был хорошо сложен и широк в плечах, с квадратным лицом и тяжелым подбородком. Бросив на испуганного старика презрительный взгляд, Шукбору обратился к своему хозяину:

– Я привел Кемпли, сэр. Вы были правы: он спал в своей хижине. По дороге сюда старик имел наглость жаловаться, что ему трудно справляться с таким множеством овец, и просил выделить ему в помощь мальчика-подпаса.

– Если ему трудно управляться с овцами, он может убираться прочь, – бросил Вайтерингтон. И обратился к пастуху: – Ты хочешь бродить по дорогам, собирая милостыню, старый пень?

– Нет, сэр.

– Значит, кончай ныть. Вот эти два джентльмена желают расспросить тебя об убийстве жены Болейна. Хотят узнать, что ты видел в тот день.

– Дык я уже давал эти, как их... показы.

– Показания, – с улыбкой поправил я. – Да, я читал ваши показания. Полагаю, обнаружив тело, вы пришли в ужас?

– Верно, сэр. Было от чего испугаться. Словно сами черти из ада явились сюда поизгаляться над бедной женщиной. Поначалу-то я подумал, что это овца завязла в грязи, – было ведь совсем рано, едва начало светать. Но когда подошел поближе и увидел, что это женщина... – Страшное воспоминание заставило пастуха содрогнуться.

– А следы вы видели? Там ведь должны были остаться следы!

– Как же, сэр, видал! Большие такие следы, от здоровенных ботинок. Они тянулись по грязи от того пастбища, что на стороне мастера Болейна.

– Как вы полагаете, тело оказалось там ночью?

– А когда же еще, сэр? Накануне я торчал там с овцами до самой темноты. Часов до девяти. И у ручья не было ни души.

– Как вы считаете, тот, кто это совершил, был хорошо знаком с местностью?

Кемпсли убежденно кивнул:

– Наверняка, сэр! Ему ведь пришлось идти в полной темноте, да еще и тащить на руках бедную миссис Болейн, да упокоит Господь ее душу.

– Злоумышленник должен был обладать изрядной физической силой. Согласны?

– Да уж конечно, сэр. По правде сказать, меня берут сомнения, что такое можно проверить в одиночку.

– Твои сомнения, домыслы и предположения никого не интересуют, – вмешался Вайтерингтон.

– Напротив, – возразил я, – подобные предположения могут быть нам весьма полезны. Давайте вернемся к следам. Скажите, то не могли быть следы от двух пар ботинок?

– Следов было слишком много, сэр, они все перепутались, так что поди разберись, – сдвинув брови, пробормотал Кемпсли. – Все следы были от больших тяжелых ботинок, ничего другого, сэр, я вам сказать не могу.

– Я вам очень благодарен, любезнейший. Не буду больше вас задерживать. Можете возвращаться к своим овцам.

Управляющий кивнул, и старый пастух поспешно вышел прочь. Вайтерингтон взглянул сначала на Шукбору, а потом на нас:

– Здесь есть еще один человек, с которым, как я полагаю, вам стоит познакомиться. – Он кивнул управляющему, тот вышел и через минуту вернулся, таща за локоть парня лет двадцати. Парень был высок и отличался крепким сложением, однако на лице его застыло отсутствующее выражение, а из уголка рта сочилась струйка слюны. Каштановые его волосы были спутаны, а борода висела клочьями. – Это Ральф, – сообщил Вайтерингтон. – Он работает на моих землях вместе с отцом и братьями. Весной он был среди тех, кого я послал захватить земли, принадлежащие мне по закону. – Помещик зашелся лающим смехом. – Тогда Ральф был сильным парнем и хорошим работником. Теперь-то он малость переменился, верно, Ральф?

Парень вперил в него пустой взгляд.

– Я... Ральф, – пробормотал он. А затем расплылся в улыбке и сообщил: – Я знаю стишок: «Катись, катись, колечко...»

– Заткнись, – перебил Шукбору, сжимая его руку повыше локтя.

Крестьянин послушно смолк.

– Покажи джентльменам свою голову, Ральф, – приказал Вайтерингтон.

– Не хочу! – заупрямился парень.

В следующее мгновение он пронзительно взвизгнул, так как Шукбору заставил его нагнуться и продемонстрировать нам свою макушку. На белой залысине темнел здоровенный шрам; судя по тому, что вокруг образовалась изрядная выемка, беднягу ударили по черепу чем-то тяжелым.

– Не слишком приятное зрелище, согласитесь, мастер Шардлейк? – спросил Вайтерингтон. – Работа Джеральда Болейна. Эти два молодых подонка, сыновья моего соседа, созвали кучу своих друзей – таких же отпетых головорезов, как они сами. Обычно подобные драки заканчиваются разбитыми носами да парой сломанных ребер. Но близнецы были вооружены тяжеленными дубинками, и тот из них, что без шрама на морде, огрел этой дубинкой Ральфа по голове. Удивительно, как он не убил бедолагу. Но мозги он ему отшиб напрочь, сами видите. Уведи его, Шукбору, – махнул он рукой. – А то он того и гляди разорется.

– Если есть свидетели того, что Джеральд Болейн превратил этого человека в калеку, то злоумышленник должен ответить по закону, – заметил Николас после того, как несчастного парня увели. – За такие дела могут и на виселицу отправить.

Вайтерингтон растерянно заерзал в кресле:

– Мне ни к чему поднимать шум. Не хватало еще объяснять, почему мои люди оказались на землях, которые Болейн считает своими. Ральфу все равно уже ничем не поможешь. Род-

ные о нем заботятся, я даю им немного денег. — Он вперил в меня пристальный взгляд. — И должен вам сказать, мастер Шардлейк, я приказал слугам хорошенько охранять дом, особенно по ночам. Мастер Болейн сидит в тюрьме, но его милые сыночки разгуливают на свободе.

Глава 18

В трактир мы вернулись ближе к вечеру. На обратном пути из Бриквелла небо становилось все темнее – «грязнее», как выразился Тоби. Похоже, собиралась гроза.

Подъехав к «Девичьей голове», мы увидели, что в нише у стены лежит какой-то человек, накрытый рваным одеялом. Судя по натекшей вокруг его головы луже рвоты, он был или пьян, или болен. Люди, проходившие и проезжавшие мимо, в особенности те из них, кто был одет побогаче, бросали на лежавшего взгляды, исполненные отвращения.

Оставив лошадей в конюшне, Барак и Николас сообщили, что намерены отправиться в город на поиски Скамблера. Мне не терпелось повидаться с Джозефиной, однако спина моя так разболелась, что перспектива снова оказаться в седле приводила меня в ужас. Заявив, что хочу сегодня лечь пораньше, я предложил незамедлительно садиться ужинать. Перекусив с нами, Тоби мог вернуться к себе на ферму.

В трактире появилось множество новых постояльцев; слуги, нагруженные узлами и тюками с поклажей, сновали туда-сюда; хозяин мастер Теобальд с важным видом отдавал им распоряжения. Я заметил, что все вновь прибывшие хорошо одеты; на некоторых были черные адвокатские мантии. Однако никого из числа своих знакомых я не встретил.

– Законники начинают собираться на выездную сессию, – прокомментировал Барак.

– Да, – подтвердил Тоби. – Скоро сюда съедется куча мировых судей и королевских чиновников.

– Наверное, мы увидим и Ричарда Саутвелла, и Джона Фловердью?

– Уж конечно, – кивнул Тоби. – Я вам непременно их покажу.

– Как-то раз я мельком видел Саутвелла. Он имеет весьма внушительную наружность.

– И грубый нрав, – добавил Тоби. – К тому же он – самый алчный человек в Норфолке.

Мы вчетвером уселись за стол. За окнами стало так темно, что в комнате пришлось зажечь свечи. Время от времени раздавались отдаленные раскаты грома. Разговор наш, естественно, вертелся вокруг сегодняшней поездки.

– Изабелла любит своего мужа, в этом нет сомнений, – заметил Николас. – Чаури, судя по всему, втрескался в нее по уши. Но разве можно остаться равнодушным к такой красотке?

– Да, его можно понять, – согласился я. – Судя по всему, Болейн и Изабелла жили душа в душу. Мне показалось, он с пониманием относился к тому, что она не хотела рожать ребенка до вступления в законный брак, и не принуждал ее к этому.

– Вайтерингтон – человек совсем иного склада, чем его сосед, – изрек Барак.

– Да, отменный невежа и грубиян.

– Этот негодяй уже превратил в пастбище для своих овец поля, которые раньше кормили дюжину фермеров, – вздохнул Тоби. – Теперь на этих землях едва зарабатывает себе кусок хлеба один-единственный старый пастух. В басни о честных и благородных отношениях между землевладельцем и арендаторами теперь никто не верит.

– Вайтерингтон, спору нет, скотина, – кивнул Николас. – Тем не менее среди землевладельцев встречаются честные и порядочные люди, которые сознают свои обязанности перед крестьянами.

– Когда доходит до выгоды, порядочность отступает на второй план, – возразил Тоби. – Ради овец, которые приносят им деньги, богатые помещики готовы уморить людей голодом.

– Как вы полагаете, притязания Вайтерингтона на земли Болейна имеют под собой законные основания? – обратился ко мне Барак, почувствовав, что настало время сменить тему.

В ожидании ответа он ловко кромсал ножом, укрепленным в железной руке, кусок мяса, который лежал перед ним на тарелке.

– Судя по старым земельным актам и карте, которые мы обнаружили в лондонском доме Болейна, шансы Вайтерингтона выиграть тяжбу весьма незначительны. Полагаю, он прекрасно это сознает. Именно по этой причине он и попытался весной захватить земли силой.

– А может, он решил пойти дальше и отправить Джона Болейна на виселицу за убийство жены? – предположил Николас.

– Вдруг у него куча долгов? – подхватил Барак. – И он решил поправить свои дела любой ценой.

– Нет, мастер Копулдейк утверждает, что никаких денежных проблем у Вайтерингтона нет, – покачал головой Тоби. – В отличие от Болейна, финансы которого пребывают в плачевном состоянии, Вайтерингтоном движет исключительно алчность. Своих земель ему мало, хочет заполучить еще и чужие.

– Он отнюдь не производит впечатления умного малого, – изрек Николас.

– Согласен, – кивнул я. – Мне Вайтерингтон тоже показался недалеким и чрезвычайно упрямым. С одной стороны, он настолько глуп, что вполне мог совершить убийство, вообразив, что выйдет сухим из воды. С другой стороны, спорный кусок земли так мал, что даже отпетый дурак не станет из-за него подвергать себя риску быть отправленным на виселицу. Хотя вероятность того, что убийца – Вайтерингтон, нельзя сбрасывать со счетов.

– Итак, мы не продвинулись вперед ни на шаг, – нахмурился Николас. – Все, что мы установили, – это что у Изабеллы и Чаури нет алиби и, следовательно, их тоже можно внести в список подозреваемых.

– Нельзя сказать, что мы совсем не продвинулись, – возразил я. – Мы осмотрели место преступления и кое-что выяснили. Например, то, что убийца – человек явно здешний и хорошо знает местность. И если он действовал в одиночку, то обладает незаурядной физической силой.

– Но вполне вероятно, что преступников было двое, – подхватил Барак.

– Не забывайте, у братьев Болейн имеется надежное алиби, – напомнил я. – Они всю ночь пьянствовали в большой компании друзей.

– Очень может быть, что близнецы припугнули этих самых друзей, заставив их дать нужные показания, – предположил Николас. – Эти милые молодые джентльмены вполне на такое способны.

– Да уж, распутать этот клубок будет непросто, – вздохнул я, морщась от боли в спине. – Было бы неплохо отыскать каких-нибудь родственников Грейс Боун, бесследно исчезнувшей горничной, – обратился я к Тоби. – Неужели за все эти годы о ней не было ни слуху ни духу? Это необходимо выяснить. Что касается железного алиби близнецов, его тоже нужно проверить. Придется поговорить с ними еще раз.

– Вряд ли они будут рады с нами поболтать, – заметил Николас.

– Ничего, мы сумеем выбить у этих молодчиков почву из-под ног, – усмехнулся Барак. – Как-никак нас четверо, а их всего двое.

– Верно, – кивнул я. – Но действовать нужно осмотрительно.

– Да, от них всего можно ожидать, – вставил Тоби.

– По-моему, не стоит особенно бояться пары безмозглых юнцов, – пожал плечами Джек. Раскаты грома, доносившиеся с улицы, становились все ближе.

Гроза разразилась ночью. Меня разбудили оглушительный гром и вспышка молнии, осветившая комнату; в следующее мгновение хлынул дождь. Мне вспомнился нищий бродяга, лежавший в нише у стены.

Утром после грозы воздух был свеж и прозрачен. Еще с вечера мы решили, что Барак присоединится к нам за завтраком, в восемь часов. Хотя было воскресенье, ни у кого из нас не имелось ни малейшего желания пойти в церковь: я догадывался, что Тоби, подобно мне, Николасу и Барак, отнюдь не считает для себя обязательным участие в религиозных ритуалах.

Вчера Джек заявил, что не прочь повидаться с Джозефиной, но я видел, что в нем пробудился охотничий азарт. Впрочем, с завтрашнего дня, то есть с понедельника, он должен был приступить к выполнению своих обязанностей в суде; отчасти я был даже рад этому. Страшно было представить, в какую ярость придет Тамазин, узнав, что я вновь втянул ее мужа в расследование преступления.

Барак появился, когда мы уже сидели за столом. С первого взгляда было видно, что он взволнован.

– По пути я заглянул в контору, которую сняли для клерков, работающих на выездной сессии, – сообщил он. – Из Лондона только что получено известие: мятежники в западных графствах, кому протектор обещал помилование, послали его к чертям. Реформистских проповедников, которых он к ним направил, бунтовщики послали к чертям тоже. Теперь Сомерсет собирается сменить тактику и двинуть против них войска.

– Что еще слышно об этом мятеже?

– Повстанцы недовольны переменами, происходящими в Церкви. Они хотят, чтобы все снова стало так, как при короле Генрихе. Но и землевладельцев они намерены пощипать тоже. В общем, протектор, судя по всему, изрядно напуган.

– Требовать реформ – это одно, а поднимать мятеж, да еще когда страна ведет войну, – совсем другое, – покачал головой Николас. – Бунтовщики за это поплатятся. И поделом.

Тоби, погруженный в задумчивость, хранил молчание.

– Так или иначе, к делу, которым мы занимаемся, это не имеет никакого отношения, – изрек я. – Не будем даром терять времени. Прежде всего попытаемся отыскать этого мальчишку, Скамблера, а потом отправимся к Джозефине – если только она действительно проживает по тому адресу, который у нас имеется. Вы, Тоби, можете вернуться домой после встречи со Скамблером – если хотите, конечно. Наш визит к Джозефине никак не связан с расследованием, а вы совсем не видите своих родителей.

– Благодарю вас, – кивнул Локвуд. – Я удовольствием воспользуюсь вашим разрешением.

Выйдя из дому, мы ощутили, что после грозы вернулась прежняя жара. Воздух, впрочем, был не такой плотный и липкий, как вчера; потоки дождя смыли нечистоты, и скверные городские запахи несколько развеялись. Проходя мимо ниши у стены постоянного двора, я заметил, что бродяга, укрытый одеялом, лежит там по-прежнему. Когда мы поравнялись с ним, он застонал и пошевелился.

– Этот человек наверняка болен, – сказал я. – Надо ему как-то помочь.

Но стоило мне сделать шаг в сторону несчастного, как Тоби, к моему удивлению, схватил меня за руку выше локтя:

– Не приближайтесь к нему, сэр. Если он болен, вы можете заразиться. Сегодня множество людей пойдут в собор на службу. Если хоть для кого-то из них имя Христа не пустой звук, об этом бродяге позаботятся. Впрочем, таких, как сей несчастный, в Норидже сотни, – добавил он с горечью.

Поколебавшись, я неохотно кивнул и зашагал прочь. Мощеную площадь покрывали многочисленные лужи; с крыш домов все еще капала вода; в ярком солнечном свете капли сверкали, как искры. Массивные ворота, ведущие во двор собора, были распахнуты настежь; в проеме виднелись грандиозное здание и окружавшие его разрушенные постройки монастыря. Рядом с разбитыми стенами стояли повозки, груженные всякого рода мусором. Двери собора тоже были открыты; за ними угадывались величественные сумрачные своды. Вслед за Тоби мы двинулись в центр города.

В Норидже царила тишина, нарушаемая лишь звоном церковных колоколов. Локвуд был прав: множество бездомных дремало, прикорнув у дверей домов и лавок; теперь, когда на ули-

цах было малоллюдно, эти бедолаги поневоле приковывали к себе внимание. Проходя мимо древнего замка, возвышавшегося на холме, я подумал о том, не затопил ли ночной ливень подземную камеру Джона Болейна, которую завтра мне предстояло посетить вновь. На рыночной площади несколько человек убирали оставшийся после вчерашнего базара мусор – гнилые фрукты, внутренности животных, рваные мешки. Миновав рыночную площадь, мы оказались на длинной улице, по обеим сторонам которой стояли дома и лавки. Тоби сообщил, что она называется Бет-стрит. Некоторые дома, судя по всему, принадлежали состоятельным горожанам, но во многих, несомненно, ютилось по несколько бедных семейств. Локвуд остановился перед зданием, когда-то выкрашенным в желтый цвет; ныне краска облупилась, обнажив потемневшие доски.

– Одноэтажный желтый дом поблизости от Охотничьего двора. Похоже, это здесь! – провозгласил Тоби и постучал в дверь.

Через несколько мгновений нам открыла низенькая тучная женщина; круглое лицо ее бороздили морщины, из-под черного чепца выбивались седые волосы. Губы были неодобрительно поджаты, а маленькие серые глазки, буравившие нас, полезли на лоб от изумления при виде железной руки Барака.

– Что вам нужно? – проворчала она. – Я не звала в гости законников. И вообще, почему вы сейчас не в церкви, как все добрые люди?

– Нам необходимо поговорить с Саймоном Скамблером, – сообщил я. – Насколько я понимаю, вы, сударыня, доводите его тетей?

Она испустила сокрушенный вздох:

– Что еще натворил этот негодник Грязнуля? Вы не имеете права его арестовать, если с вами нет констебля. А если он опять что-то разбил или испортил, у меня нет денег платить за его пакости.

Она вцепилась в ручку двери, явно намереваясь ее захлопнуть.

– Успокойтесь, ваш племянник ровным счетом ничего не натворил, – поспешно произнес я. – Я расследую дело мастера Болейна, у которого он прежде работал конюхом. Если вы предоставите Саймона в наше распоряжение, мы в долгу не останемся, – добавил я, извлекая из кармана кошелек.

Женщина немедленно протянула руку, в которую я вложил шиллинг. Она плотно сжала пальцы; я заметил, что у нее воспаленные распухшие суставы, – в точности так же, по словам Пэрри, выглядели суставы Эдит Болейн.

– Ладно уж, заходите, – разрешила хозяйка. – Хотя в нашем домишке едва ли хватит места для четверых. Заниматься делами по воскресеньям – значит нарушать закон, установленный Богом, – нравоучительно добавила она, однако провела нас в комнату, все меблировка которой состояла из деревянного стола, где лежало потрепанное Евангелие, шкафа, пары стульев и деревянного сундука, стоявшего у стены. Я заметил, что ставни на окнах покосились и едва держатся в петлях. Подойдя к закрытой двери в соседнюю комнату, дама гаркнула так оглушительно, что я едва не подпрыгнул: – Грязнуля! Иди-ка сюда, шельмец! – Повернувшись к нам, она покачала головой и сообщила: – Этот парень доводится сыном моей покойной сестре. Знали бы вы, как он меня бесит своей бесконечной болтовней и дурацким пением!

Я уселся на один из стульев, предоставив Тоби, Бараку и Николасу тесниться на сундуке. Через несколько мгновений перед нашими взорами предстал подросток, которого мы уже имели случай видеть на рыночной площади. Одет он был в грязную ночную рубашку, из-под которой торчали тощие ноги; каштановые волосы были спутаны, лицо заспано. Стоило парнишке увидеть нас, как у него отвисла челюсть.

– Кто это такие, тетя Хильда? – пробормотал он, повернувшись к даме.

– Вот этот господин хочет расспросить тебя о том, как ты работал у Джона Болейна, – сообщила она и добавила с горьким смехом: – Когда Грязнулю взяли конюхом в Бриквелл, я

уж подумала, что избавилась наконец от тяжелого бремени. Но нет, случилось это проклятое убийство, и теперь он снова притащился сюда обедать свою старую тетку.

Мальчик слушал ее сетования, понутив голову. Тоби, подавшись вперед, негромко произнес:

– Будет лучше, если вы придержите язык, сударыня. Мы заплатили за то, чтобы поговорить с вашим племянником, и совершенно не желаем слушать ваши жалобы и причитания. Ваши религиозные воззрения нас тоже нисколько не интересуют. Так что оставьте нас, сделайте такую милость.

Морщинистые щеки старухи побагровели, а лицо приняло такое выражение, словно она только что проглотила осу. Тем не менее женщина сочла за благо не спорить и двинулась к дверям комнаты племянника.

– Только не тяните долго, – бросила она на прощание. – Сегодня мы должны быть в церкви. И Грязнуля нужен мне, чтобы читать псалмы вслух.

Я ободряюще улыбнулся мальчику, который настороженно разглядывал незваных гостей, как видно прикидывая, какого подвоха от нас можно ожидать.

– Мы с тобой уже встречались, Скамблер. На рыночной площади, два дня назад. Помнишь, какие-то скверные мальчишки поставили тебе подножку и ты уронил тюк?

Мальчик перевел взгляд с меня на Николаса, и лицо его прояснилось.

– Да-да, помню! Вы пытались за меня заступиться! – выпалил он с внезапным оживлением. – Те парни, они вечно меня изводят, еще со школы...

Приглядевшись к Скамблеру, я убедился, что слабоумным его назвать никак нельзя. Теперь, после знакомства с его тетей, можно было не сомневаться – жизнь этого мальчика омрачают не только издевательства других подростков.

– Мастер Болейн рассказал, что ты – единственный, кто мог поладить с его любимой лошастью, – начал я, стараясь говорить как можно мягче.

Услышав это, Скамблер буквально просиял:

– Да, Полдень – это такой умный конь! Если знать к нему подход, он ни в жизнь не станет лягаться...

– Я видел жеребца в конюшне, – вставил Николас. – Он бил копытами без передыху. Если ты знаешь к нему поход, значит ты большой знаток по части лошадей.

– Это верно, с лошадьми я умею ладить! Главное, надо им показать, что ты их любишь и готов им помочь.

– Но насколько нам известно, всех прочих, кроме тебя, Полдень не жаловал. Например, сыновей мастера Болейна.

Лицо Скамблера моментально помрачнело.

– Наверняка прежде, еще до моего прихода, они пытались ему как-то навредить. Наверное, сделали бедняге больно. Вот он и лягнул этого злого Барнабаса.

– А тебе близнецы тоже пытались навредить?

– Еще бы! – устало вздохнул он. – Щипали, толкали, швыряли в меня всякой дрянью. Один раз даже кирпичом запустили. А как-то раз подкараулили меня на дороге и избили до синяков – просто так, без всякой причины.

– Думаю, ты далеко не единственный, с кем они так поступали, – заметил Николас.

– Это уж точно, – кивнул я, вспомнив нищего мальчика, на которого близнецы устроили охоту в Лондоне. – Но так или иначе, мастер Болейн доверял тебе, верно? Ты ведь был единственным, у кого имелся ключ от конюшни, где стоял Полдень?

– Да. Мастер Болейн велел мне всегда держать ключ при себе, чтобы никто не мог его взять. Он очень боялся, что ключ окажется у его сыновей. После убийства я отдал его констеблю, – сказал Скамблер, устремив на меня беспокойный взгляд.

– Может, именно по этой причине близнецы так тебя изводили? – предположил Николас. – Им было завидно, что ты имеешь доступ к лошади, а они нет?

– Людям не нужна причина, чтобы изводить меня, сэр, – покачал головой Скамблер. – Тетя говорит, наверное, на меня навели порчу.

– И ты в это веришь?

– Нет! – ответил парнишка с неожиданным пылом. – Не верю я ни в какую порчу! Все это чертова хрень, да и только! – Он осекся и зажал рот рукой. – Простите, я не хотел сквернословить.

– Ерунда. Мы же не в церкви. А теперь, Грязнуля...

– Прошу вас, сэр, не называйте меня этим дурацким прозвищем. Меня зовут Саймон.

– Отлично, Саймон. Я уверен, ты понимаешь, что в этом деле ключ от конюшни имеет первостепенное значение. Думаю, тебе известно, что именно в конюшне были обнаружены главные улики – ботинки, облепленные грязью, и окровавленный молоток, послуживший орудием убийства. Ты можешь поклясться, что ключ всегда был при тебе?

– Я никогда никому не давал его! – выпалил мальчик.

Однако во взгляде его мелькнуло смущение; я заметил, что он неловко переминается с ноги на ногу. Скамблер никоим образом не относился к числу людей, умеющих скрывать свои чувства; возможно, это обстоятельство изрядно усложняло ему жизнь.

– Ты не ответил на мой вопрос, – мягко возразил я. – Я спросил, всегда ли ключ был при тебе?

Внезапно мальчик закрыл лицо руками и разрыдался, отчаянно всхлипывая.

– Прекрати реветь, как девчонка, и отвечай, когда тебя спрашивают! – нетерпеливо прикрикнул на него Тоби.

Я поднял руку, подавая ему знак молчать:

– Слезами делу не поможешь, парень. Успокойся и расскажи мне правду. Обещаю, тебе за это ничего не будет. Если, конечно, речь идет не о преступлении.

Мальчишка вскинул голову. Слезы оставили на его чумазом лице грязные полосы.

– Никакого преступления я не совершал, сэр.

– Значит, тебе нечего бояться.

Взгляд Скамблера, устремленный на меня, по-прежнему был полон испуга. Помедлив несколько мгновений, он пробормотал себе под нос:

– Вы уже пытались мне помочь. Никто больше не делал этого.

– Обещаю, что помогу тебе и на сей раз, если это будет в моих силах.

Скамблер вздохнул так тяжело, что его худенькие плечи задрожали:

– Я вам рассказывал, что как-то раз близнецы меня здорово отметелили. В тот день я по поручению хозяина ходил в Ваймондхем. Когда возвращался домой, они подстерегли меня на дороге – в том месте, где она идет через лес, примерно в миле от дома. Набросились и принялись мутузить кулаками, да при этом еще и обзывали всякими скверными словами. А потом убежали в лес.

– По твоим словам, никакой причины мстить тебе у них в тот день не было?

– Нет, сэр. Но вы не знаете Джеральда и Барнабаса. Им не требуется причина, чтобы кого-нибудь поколотить. – Скамблер перевел дух и всхлипнул. – А когда я вернулся домой, выяснилось, что ключ от конюшни исчез. Я носил его на шее, на железной цепочке. Наверное, во время драки цепочка порвалась. Понятное дело, я испугался. Мастер Болейн – хороший хозяин, но, узнай он, что я потерял ключ, мне бы здорово влетело. Так что я побежал к тому месту, где близнецы на меня набросились, хотя все тело у меня было в синяках и ссадинах. Надеялся, что ключ так и лежит на дороге или на опушке. Но никакого ключа я не нашел. – Голос Скамблера задрожал. – Уже темнело, и я решил, что вернусь сюда завтра и поищу ключ при солнечном свете. Утром у меня была уйма дел, так что пришел я уже после полудня. И

сразу увидел ключ на цепочке – он лежал в траве у дороги. Цепочка и правда порвалась. Но вот какая странная штука, – добавил парень, сдвинув брови. – Я точно помню, что вечером искал именно в этом месте, но никакого ключа там не было.

Я обвел глазами остальных. Вполне возможно, размышлял я, братья Болейн затеяли драку с одной-единственной целью – украсть ключ. Через день они вернули его, уверенные, что испуганный Скамблер никому ничего не скажет. Судя по виноватому выражению, мелькнувшему на лице мальчишки, подобная догадка не раз приходила ему в голову.

– И когда все это случилось, Саймон? – уточнил я.

– Двенадцатого мая, – ответил он без запинки. – Я запомнил так хорошо, потому что это день рождения моей бедной матушки, упокой Господь ее душу.

У меня перехватило дыхание. Двенадцатого мая! Как раз накануне убийства Эдит, которое произошло в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое.

– Как ты думаешь, ключ украли близнецы? – спросил я, пристально глядя на Скамблера.

– Они, конечно, могли взять его, а потом вернуть. Но зачем?

– А тебе не приходило в голову, что об этом случае необходимо сообщить властям? Ты же знал, что после убийства миссис Болейн в конюшне были обнаружены главные улики?

Мальчик вспыхнул и вновь понурил голову:

– Я боялся. Узнай об этом близнецы, мне бы не поздоровилось. Поэтому я ничего не рассказал констеблю.

– Тебя не просили дать официальные показания?

– Нет. Констебль сказал своему помощнику, что говорить со мной – пустая трата времени. Ведь все здесь считают меня чокнутым.

– После убийства ты по-прежнему работал в Бриквелле?

– Нет. Когда бедного мастера Болейна арестовали, некому стало защищать меня от близнецов. Я решил, что надо уносить ноги. И вернулся сюда, к тете Хильде. – Склонив голову еще ниже, он сцепил костлявые пальцы и пробормотал: – Знаю, сэр, что поступил плохо. Но я никак не мог взять в толк, зачем близнецам понадобился ключ всего на один день.

– А ты не знаешь, случайно, доводилось ли мастеру Болейну обращаться к услугам слесаря? – подал голос Барак.

– Да, слесарь у нас бывал. Вскорости после того, как я поступил на работу в Бриквелл, мастер Болейн решил повесить на амбары новые замки. Из Нориджа приехал слесарь. Ох, до чего занятно было смотреть, как он работает! Никогда прежде я не видел, как вешают замки. Мне хотелось кое о чем расспросить его, но он прогнал меня прочь. А позже я видел, как он пил пиво с Джеральдом и Барнабасом и все трое покатывались со смеху. С ними он поладил.

– А ты не знаешь, прежде мастер Болейн уже имел дело с этим слесарем?

– Думаю, да. Точно, сейчас я вспомнил: управляющий, мастер Чаури, при встрече сказал слесарю, что рад снова видеть его в Бриквелле.

– А как звали этого слесаря, ты, случайно, не знаешь?

– Помню, фамилия у него какая-то чудная, – в замешательстве сдвинул брови Скамблер; в следующее мгновение лицо его просияло. – Вспомнил! Снокстоуб! Ну и дурацкое имечко! – Он рассмеялся, но тут же осекся и вперил в меня взгляд, исполненный ужаса. – Сэр, вы хотите сказать, что сыновья мастера Болейна сделали дубликат ключа?

– Это вполне возможно.

У Скамблера отвисла челюсть.

– Значит, расскажи я обо всем этом констеблю, бедный мастер Болейн не сидел бы сейчас в тюрьме? Господи Иисусе, вечно от меня одни беды.

Ручейки слез вновь потекли по его чумазым щекам.

– Если близнецы действительно похитили ключ, мы выведем их на чистую воду, – пообещал Николас.

– В этом можешь не сомневаться, – уверенно кивнул Барак.

Я лишь испустил тяжкий вздох.

– Саймон, я сдержу свое обещание, – обратился я к мальчугану, который продолжал жалобно всхлипывать. – Никаких неприятностей у тебя не будет. Надеюсь, твой рассказ поможет нам распутать это дело. Но у нас есть к тебе одна весьма важная просьба: никому не говори ни слова о том, что ты нам сообщил. Даже твоей тете.

– Я знаю, сэр, все говорят, что у меня длинный язык, – невесело усмехнулся мальчик. – Но обещаю: буду нем как рыба. А тете я вообще ни о чем не рассказываю, – добавил он с горечью в голосе.

– Эти два шиллинга скрепят наш договор, – произнес я, доставая кошелек.

– Спасибо, сэр. С той поры как я ушел из Бриквелла, у нас нет ни гроша. Тетя прежде пряла шерсть, но сейчас у нее так распухли пальцы, что работать она не может. Мы уж собирались попросить помощи в церковном приходе. Надеялись, может, кто из богатых людей даст нам несколько монет.

– Если вспомнишь что-нибудь еще, непременно сообщи мне. Я остановился в трактире «Девичья голова». Спроси мастера Шардлейка.

– Да, сэр. – Скамблер отвесил мне неуклюжий поклон. – Премного вам благодарен.

Мы покинули жалкую лачугу, сопровождаемые визгливым голосом тетушки:

– Грязнуля! Живо одевайся! Мы уже опаздываем в церковь!

Глава 19

Пройдя немного по Бет-стрит, мы остановились на углу, чтобы посоветоваться. Церковные колокола по-прежнему звонили, и люди спешили в церковь. Несомненно, горожане принарядились по случаю воскресенья, однако в одежде преобладал черный цвет, столь излюбленный протестантами.

– Итак, после того, что мы узнали, список подозреваемых возглавляют братья Болейн, – изрек Барак. – Нужно срочно отыскать этого слесаря.

– Наверняка хозяин «Девичьей головы» знает всех городских слесарей, – предположил Тоби. – Этот трусливый сопляк Скамблер здорово подгадил своему хозяину, – резко добавил он. – Расскажи он о пропаже ключа сразу, Болейн был бы сейчас на свободе. Малолетний паршивец догадывался, что виной всему близнецы, но думал только о собственной шкуре.

– Сомневаюсь, что Скамблер обо всем догадался, – возразил я. – На это у него попросту не хватило бы ума. Ему ведь не больше пятнадцати, верно? И к тому же с головой у парня явно неладно, хотя я никак не могу понять, в чем именно этот беспорядок заключается.

– Что уж тут непонятного? – пожал плечами Тоби. – Чуть что, ревет, как голодный теленок. На вашем месте я бы дал ему хорошую затрещину, чтобы выбить из него дурь.

– Полагаю, затрещин мальчик за свою жизнь получил более чем достаточно и успел к ним привыкнуть. – Я покачал головой, вперив в Локвуда неодобрительный взгляд.

Чем ближе я узнавал этого человека, тем больше убеждался: несмотря на свое свободомыслие, он не способен на сострадание и подчас бывает жесток.

– Кое-что странное в этом парне действительно есть, – заметил Барак. – То проливает слезы, то тараторит как безумный. И тетка жалуется, что он вечно донимает ее своим пением. Похоже, Скамблер совершенно не умеет держать свои чувства в узде.

– И все же чокнутым его назвать никак нельзя, – возразил я. – Кстати, вы обратили внимание, что местный акцент в его речи почти не заметен? И он упомянул, что ходил в школу.

– Наверное, его выгнали оттуда взашей, – предположил Тоби.

– Скорее, у родителей мальчика не было денег, чтобы платить за обучение, – искоса взглянув на Локвуда, процедил Николас. – Если убийство – дело рук близнецов, – продолжил он, – значит им было известно, где находится их мать, вернувшаяся в Норидж. И несмотря на то что все вокруг твердят об их нежной сыновней любви и о том, как они тосковали без мамочки, милые детки хладнокровно прикончили свою обожаемую родительницу. И повесили убийство на отца.

– Вот только вопрос, какая им от этого выгода? – пожал я плечами. – Если их отца казнят, земли отойдут в королевское Ведомство по делам конфискованного имущества. А сами близнецы будут находиться под опекой короля до тех пор, пока им не исполнится двадцать один год.

– Но, как мы выяснили, юнцов собирается взять под опеку родной дед, – напомнил Барак.

– Все, что я пока могу сказать, – завтра нам необходимо отыскать слесаря, которого зовут Снокстоуб.

– Братья Болейн могли обратиться к услугам другого мастера, – возразил Николас.

– Если понадобится, мы обойдем всех слесарей в Норидже. Под предлогом того, что у меня якобы есть дорогой кованный сундук, нуждающийся в починке. А теперь, Тоби, ведите нас в Конисфорд. Настало время повидаться с Джозефиной. Проводив нас, можете возвращаться домой. Завтра ждем вас в «Девичьей голове» в семь утра, как обычно.

Квартал, называемый Конисфордом, раскинулся к югу от замка. На главной улице, Конисфорд-стрит, стояло несколько новых красивых домов, соседствующих с развалинами монастыря, которые окружал поросший сорняками пустырь. По мере того как мы продвига-

лись на юг, дома становились все беднее, а во дворах за ними ютились ветхие деревянные хижины. Тоби провел нас сквозь арку в один из таких дворов, окруженный вонючей сточной канавой. Во дворе, скрытом стенами просторного здания, фасад которого выходил на улицу, теснилось с десятков крохотных лачуг. Несмотря на свой жалкий вид, хижины, судя по всему, были построены недавно; их еще не успели покрасить, ставни на многих окнах отсутствовали, и лишь кое-где их заменяли выцветшие занавески. В грязи разгуливали куры, тут же играли чумазные ребятишки.

– Гляньте-ка, однорукий! – заорал один из них, указывая на протез Барака. – Видать, руку ему оторвали шотландцы!

– Сейчас я не хуже шотландцев отделаю вас, шельмецы! – пообещал Барак, погрозив протезом.

Дети покатались со смеху.

– Вот он, этот двор, – сообщил Тоби. – Теперь вы своими глазами видите, как живут бедняки в Норидже.

– В Лондоне они живут ничуть не лучше, – пожал я плечами.

Впрочем, мысль о том, что нужда загнала сюда Джозефину, привела меня в ужас.

– Спросите у соседей, в каком доме искать Браунов, – посоветовал Локвуд. – Только сразу дайте понять, что вы не имеете никакого отношения к властям. Законников здесь, мягко говоря, не жалуют.

– Я это учту, Тоби. Спасибо, что проводили. Теперь можете быть свободны.

Локвуд, отвесив нам прощальный поклон, поспешил прочь.

– Богом клянусь, паршивое местечко, – пробормотал Барак, озираясь по сторонам.

Как и предупреждал Тоби, наши попытки узнать, где живут мастер Браун и его супруга, встретили у здешних обитателей не слишком доброжелательный отклик. Хозяин первого дома, стоило мне открыть рот, захлопнул дверь перед моим носом. Во втором дверь открыла худенькая молодая женщина с плачущим младенцем на руках. Не успела она и слова сказать, как в проеме возник ее муж.

– Если мастер Рейнольдс послал вас сюда получить у Браунов арендную плату, так прямо и скажите! – процедил он, оттеснив жену в сторону. – Нечего дурить нам голову, иначе мы живо вас вышвырнем!

Оглядевшись по сторонам, я увидел, что двери нескольких лачуг приоткрылись и оттуда выглядывают люди в залатанных блузах и потертых кожаных куртках без рукавов. Выражение их лиц не предвещало нам ничего хорошего.

– Мастер Рейнольдс – владелец этих домов? – спросил я.

Кто бы мог подумать, что здесь я снова услышу имя отца Эдит Болейн и деда близнецов.

– Да, он построил эти вонючие трущобы и много других таких же, чтобы сосать из бедняков кровь, – раздалось в ответ. – Это он вас послал?

– Мы не имеем к нему никакого отношения. Джозефина Браун когда-то работала в моем доме. Я приехал в Норидж по делам и решил повидаться с ней. Мои друзья тоже хорошо знают Джозефину.

– Она ушла из дома мастера Шардлейка, когда вышла замуж, – добавил Барак.

– Так вы приехали из Лондона, как и Брауны? – спросила женщина с ребенком на руках.

– Вон их дом! – сурово сдвинув брови, указал ее муж. – Только знайте, мастер, мы с вас глаз не спустим. И если что не так, вам не поздоровится!

С этими словами он захлопнул свою дверь.

В последний раз я видел Эдварда Брауна два с половиной года назад, как раз перед тем, как они с Джозефиной уехали в Норидж. Тогда он был крепким и жизнерадостным малым лет под тридцать и держался с уверенностью человека, который знает свое дело и не опасается

завтрашнего дня. Когда Эдвард открыл дверь, я увидел, что за это время он похудел по крайней мере на полтора десятка фунтов. Щеки у него ввалились, а тело, казалось, усохло. На нем были поношенная блуза и грязные штаны; судя по всему, Браун давно не умывался и не расчесывал ни бороды, ни волос. Бросив взгляд на его руки, я заметил несколько незаживающих порезов; левый мизинец по какой-то причине скрючился. Глаза его полыхали досадой, которая в следующее мгновение сменилась изумлением.

– Мастер Шардлейк?! Вот уж не ожидал!

Тут появилась Джозефина с ребенком у груди. Некогда пухленькая и круглолицая, сейчас она, как и муж, заметно исхудала. Ее старое серое платье покрывали заплаты, а из-под чепца, тоже знававшего лучшие времена, выбивались сальные белокурые волосы. При виде нас глаза у молодой женщины полезли на лоб, однако она тут же расплылась в радостной улыбке:

– Неужели это мастер Шардлейк? А с ним мастер Николас и Джек Барак! Каким ветром вас занесло в Норидж?

– Мы здесь по делу, – ответил я. – Ты не ответила на мое последнее письмо, Джозефина, и я очень о тебе беспокоился.

– Но как вам удалось отыскать нас?

– В городе у меня есть знакомый, который связался с бывшим управляющим мастера Хеннинга. Он-то и дал нам этот адрес.

– Я говорила тебе: надо написать мастеру Шардлейку и он нам непременно поможет! – воскликнула Джозефина, повернувшись к мужу.

– После смерти мастера Хеннинга и его жены их наследники вышвырнули нас на улицу, – с горечью процедил Браун. – Дом они продали, и им было ровным счетом наплевать, что мы остались без работы и крова. Тогда я решил послать к чертям всех законников на свете. И всех джентльменов тоже.

– Эдвард! – с укором воскликнула Джозефина, готовая вот-вот расплакаться.

– Мы потратили уйму времени, чтобы отыскать вас, – обиженно бросил Николас. – Из вашего последнего письма явствовало, что дела у вас плохи, и мастер Шардлейк очень тревожился. Он всегда был к вам добр. И он не заслуживает подобного отношения.

Эдвард, слегка смутившись, обнял жену за плечи:

– Простите, наверное, я был не прав. – Он испустил сокрушенный вздох. – Милости просим в наш дом, если только можно назвать эту конуру домом.

Мы вошли в комнату с земляным полом, освещенную тусклым светом, падавшим из единственного окна; судя по лужам, натекившим в углах после вчерашнего дождя, крыша в доме была дырявой. У одной из стен стояла грубо сколоченная деревянная кровать, а рядом с ней – самодельная колыбель; на шаткой полке теснилась потрескавшаяся глиняная посуда, на дощатом столе, покрытом многочисленными зазубринами, лежали веретено и куча шерсти. Убогую обстановку дополняли пара ветхих стульев и покосившийся шкаф. Джозефина опустилась на стул, прижимая к груди спящего ребенка – крошечную светловолосую девочку не более трех месяцев от роду.

– Как видите, живем мы небогато, – изрек Эдвард Браун.

– Но как случилось, что вы впали в подобную нужду? – осведомился я.

– Как сказал Эдвард, полтора года назад мастер Хеннинг и его жена умерли, – вздохнула Джозефина. – Их дети выставили нас на улицу, не дав на прощание ни пенни. Работу в Норидже найти трудно, да и мы с Эдвардом всю жизнь служили у джентльменов и не обучены никаким ремеслам. Пришлось мне научиться прясть. Но хотя я просиживаю с веретеном в руках целые дни напролет, так что начинаю дуреть от скуки, много денег этим не заработаешь. Эдвард устроился каменщиком и теперь разбирает стены старого монастыря.

– Получаю четыре пенса за день, – пробурчал Эдвард. – Да еще, бывает, иногда придешь, а тебе дают от ворот поворот – говорят, сегодня нужны только умелые и опытные работники. А

цены каждую неделю растут как на дрожжах. Постепенно я кое-чему научился, и мастера даже стали поговаривать о том, что из меня выйдет неплохой строитель. Но тут мне на руку упал здоровенный кусок камня. Видите, что стало с пальцем? Толком работать я теперь не могу. С апреля в церковных приходах начали собирать деньги для бедняков, но мы не считаемся бедными – у нас же есть работа. Да вот только денег, которые мы за нее получаем, не хватает даже на то, чтобы платить за эту конурку. Владелец трущоб несколько раз присылал своих слуг, чтобы нас запугать. Но мы встали плечом к плечу и прогнали их прочь.

– Ваш сосед сказал, что эти дома принадлежат мастеру Рейнольдсу. Гэвину Рейнольдсу?

– Да, старому негодяю, дочь которого убили несколько недель назад. Если она походила на своего папашу, туда ей и дорога. А вы с ним знакомы? – спросил Эдвард, подозрительно прищурившись.

– Мне довелось встречаться с ним по делу, – кивнул я. – Гнусный старикан.

– Это верно.

– Вы могли написать мне и попросить денег. Я действительно очень за вас переживал.

– Прошу тебя, Эдвард, оставь свою гордыню, – взмолилась Джозефина. – Хотя бы ради Мышки.

– Ее зовут Мышка? – спросил я, посмотрев на малютку.

– Мы крестили дочь как Мэри, – ответила Джозефина, с нежностью глядя на спящее дитя. – Но между собой называем ее Мышка.

– Потому что она, можно сказать, родилась на Маусхолдском холме⁷, – пояснил Эдвард более приветливым тоном, чем прежде. – В марте мы с Джози отправились туда – погулять, подышать свежим воздухом. И вдруг у нее отошли воды. Уж не знаю, как мы в тот день успели вернуться домой, да, милая?

– Еще бы! – вздохнула Джозефина. – Я всегда мечтала иметь детей, хотела окружить их любовью, которую не получала от своего приемного отца. Но теперь боюсь привязаться к дочке слишком сильно. Половина ребятишек в этом дворе умирает, не дожив до двух лет.

– Я сделаю все, чтобы Мышку не постигла подобная участь! – с жаром произнес я. – Если только вы мне позволите вам помочь.

Джозефина посмотрела на мужа. Тот прикусил губу. Я понимал, гордость – это все, что у него осталось. В комнате повисло напряженное молчание. Джозефина перевела взгляд на Барака.

– Твоя бедная рука по-прежнему болит, Джек? – с сочувствием спросила она.

– Временами.

– Вы совсем поседели, мастер Шардлейк.

– Как и все люди, я не молодею с годами.

– А вы как поживаете, мастер Николас? – повернулась Джозефина к моему помощнику, который был так потрясен окружавшим его убожеством, что, казалось, впал в оцепенение.

Услышав вопрос, он вздрогнул и провел рукой по спутанным рыжим волосам:

– Я? У меня все отлично. Надеюсь, что в следующем году стану адвокатом.

– О, адвокату никак нельзя обойтись без супруги, – шутливым тоном изрекла Джозефина.

– Думаю, за этим дело не станет.

– Боюсь, нам нечем вас угостить, – вздохнул Эдвард.

– Ничего страшного. Может, мы все вместе отправимся в какую-нибудь таверну? – предложил я.

– Таверны поблизости такие, что вы, едва войдя, броситесь наутек, – мрачно усмехнулся Эдвард. – Я хочу сказать... – он осекся и перевел дух, – хочу сказать, что очень благодарен вам... э-э-э... за предложенную помощь. Джозефина права: мы должны думать о ребенке. Мы

⁷ Mouse (англ.) – «мышь».

задолжали за квартиру за три месяца. Если вы одолжите нам немного денег, мастер Шардлейк, это будет для нас настоящим спасением.

– Разумеется, я дам вам сколько потребуется.

Взгляд Джозефины устремился на шерсть и веретено, лежавшие на столе.

– Мы были бы рады пригласить вас остаться. Но я должна прясть в воскресный день точно так же, как и в будний. Завтра надо отдать готовую пряжу. Но прошу вас, приходите еще, – с чувством произнесла она.

– Только в следующий раз одевайтесь победнее, – предостерег нас Эдвард. – Наши соседи и к нам-то на первых порах относились с подозрением. Лондонцы для них – чужаки.

Пока я отсчитывал деньги за аренду, Николас и Барак ожидали во дворе, под прицелом множества любопытных взглядов. На прощание я коснулся крошечной ручки Мышки. Она взглянула на меня и расплылась в улыбке.

– Вы ей понравились, – обрадовалась Джозефина. – Она только-только начинает проявлять интерес к миру. Некоторые люди ей нравятся, другие – нет.

Как ни странно, я ощутил, что эти слова и младенческая улыбка задели какие-то чувствительные струны в моей душе.

На постоянный двор мы возвращались в подавленном настроении, почти не разговаривая друг с другом.

– Честные люди не должны так жить, – проронил наконец Николас. – Прежде я думал, что до подобной нужды могут докатиться лишь отпетые бездельники.

– Значит, жизнь преподнесла тебе неплохой урок, парень, – с легкой насмешкой заметил Барак. – Неужели ни разу не видел в Лондоне жутких дворов вроде этого?

– Видел, и очень часто. Но никогда не заходил внутрь.

– Мы с Эдвардом и Джозефиной решили встретиться вечером во вторник в таверне «Голубой кабан», – сообщил я и добавил с горечью: – Надеюсь, их туда пустят.

– Пустят, – кивнул Барак. – А вот вам с Николасом лучше снять ваши мантии.

– Эдвард сказал, что нам не стоит разгуливать по городу после наступления темноты. Это небезопасно.

– Я твержу вам то же самое третий день подряд.

Вернувшись на площадь Тумлэнд, мы услышали пение хора, доносившееся из собора. Человек, скорчившийся в нише у стены постоянного двора, по-прежнему лежал без движения, накрытый одеялом с головой. Подчинившись внезапному порыву, я наклонился и потряс его за плечо. Он не откликнулся. Я осторожно откинул край одеяла и едва не задохнулся от жуткой вони. Передо мной лежал совсем молодой парень, никак не больше двадцати лет от роду. Щеки его ввалились, по волосам сновали вши, взгляд полуоткрытых глаз был неподвижен. Вне всякого сомнения, человек этот был мертв.

– Похоже, бедняга умер с голоду, – заметил Барак.

– Да уж, христианского милосердия на его долю не хватило, – вздохнул я, оглянувшись на величественное здание собора.

Глава 20

На следующее утро Тоби, по обыкновению, явился в «Девичью голову» ровно к семи. Барак не мог к нам присоединиться – на этой неделе все его время поглощали обязанности, связанные с выездной сессией. Был понедельник, семнадцатое июня; следовательно, до суда над Джоном Болейном оставалось три дня. Вечером на постоянный двор должно было прибыть множество судей, и хозяин буквально сбился с ног.

За завтраком я рассказал Тоби и Николасу о наших сегодняшних планах:

– Прежде всего повидаемся с Болейном и узнаем у него про Снокстоуба, а также выясним, доводилось ли ему обращаться к услугам других слесарей. Да, и, учитывая то, что поведал нам управляющий Рейнольдса, следует понастойчивее расспросить Болейна об отношениях с женой. И о том, где же он все-таки был в вечер убийства. Я уверен, до сих пор Джон пытался скрыть от нас правду.

– Возможно, перспектива уже в ближайшую пятницу оказаться на виселице сделает его откровеннее, – пробурчал Тоби.

– Надеюсь, так оно и будет. Впрочем, увидим. После визита в тюрьму мы отправимся к слесарю. Если выяснится, что копии ключей от конюшни ему не заказывали, нам придется обойти всех слесарей в Норидже. Думаю, нам с Николасом такая работа по плечу. И если мы узнаем, что дубликат ключа заказали братья Болейн, дело предстанет в совершенно ином свете.

– А может, близнецы просто исполнили чье-то поручение? – предположил Николас. Он повернулся к Тоби. – Если мне не изменяет память, вы рассказывали, что в здешних краях хватает молодых головорезов, готовых выполнять грязную работу для Ричарда Саутвелла?

– Так говорят, – пожал плечами Локвуд.

– После того как мы побываем в тюрьме, вам, Тоби, придется кое-что сделать, – сказал я. – Попытайтесь отыскать брата Грейс Боун.

– Задача не из легких. Скорее всего, он бедный человек, который не входит ни в одну ремесленную гильдию. Таких в Норидже сотни. Как и ваша Джозефина, они ютятся в трущобах и не имеют никакого желания сообщать властям о своем местожительстве.

– И все же постарайтесь его найти. Вам ведь удалось отыскать Джозефину, – с невольным раздражением бросил я.

Мысль о том, что до суда осталось всего три дня, не давала мне покоя. К тому же образ умершего голодной смертью бродяги, труп которого мы обнаружили минувшим вечером, по-прежнему стоял перед моим внутренним взором.

– Мы так и не выяснили, где Эдит провела последние девять лет. Если Грейс Боун жива и обитает в Норидже, возможно, она поможет нам ответить на этот вопрос. А если мы найдем ответ, то вполне вероятно, что нам удастся распутать все дело.

– Если Эдит действительно тронулась умом, она нуждалась в человеке, который бы ее опекал, – заметил Николас.

– Или караулил, – добавил Тоби.

– А потом случилось одно из двух: либо опекун лишил ее своих забот, либо она сама сбежала, – подытожил я. – И отправилась к леди Елизавете, уповая на ее помощь. Увы, мы понятия не имеем, что произошло в действительности.

– Да и с близнецами пока нет никакой ясности, – вздохнул Николас.

Внезапно на стол упала тень. Оглянувшись, я увидел высокого худого мужчину на исходе пятого десятка; одет он был в точности так же, как и я сам, – в черную адвокатскую мантию и сержантскую шапочку. Напряженно улыбаясь, он приподнял шляпу и отвесил мне поклон:

– Да ниспошлет вам Господь доброго утра, сэр. Я и не знал, что в выездной сессии будут принимать участие другие сержанты юриспруденции.

Поднявшись, я в свою очередь поклонился и представился:

– Мэтью Шардлейк из Линкольнс-Инн, к вашим услугам.

– А я – Джон Фловердю из Хетхерсета. В последнее время большинство дел, которые находятся в моем ведении, связано со здешними краями, ибо я являюсь представителем Генри Майна, главы Ведомства по делам конфискованного имущества.

Он вновь раздвинул губы в улыбке, фальшивой и неискренней; темные глаза его под кустистыми бровями оставались при этом холодными и настороженными. Узкое лицо с крупным римским носом, вне всякого сомнения, когда-то было красивым, но теперь его избородили глубокие морщины.

– Вы тоже остановились в «Девичьей голове»? – осведомился я.

– Да. Буду здесь квартировать на протяжении всей сессии. А какое дело привело сюда вас?

– Я прибыл, чтобы дать несколько советов юридического характера мастеру Джону Болейну, обвиняемому в убийстве собственной жены.

Взгляд Фловердю стал еще более холодным и жестким.

– Да, об этом убийстве ходит много толков. Судя по всему, Болейну не избежать виселицы. После казни его земли поступят в распоряжение нашего ведомства.

– Насколько мне известно, вы уже встречались с миссис Болейн?

– Эта особа по-прежнему именует себя миссис Болейн? – саркастически расхохотался Фловердю. – Да, я с ней встречался. Предупредил, что ей пора собирать свой скарб. Если земли Болейна отойдут королю, ей придется убраться прочь.

Я ограничился тем, что молча вскинул бровь.

– Вы намерены нынешним вечером присутствовать на церемонии торжественной встречи судей? – спросил Фловердю.

– Возможно, – кивнул я.

– Я буду там непременно, – кивнул он в свою очередь; краткость моих ответов несколько его озадачила. – На сегодня у меня назначена встреча с мировыми судьями, – добавил он.

– Простите, сэр, но не располагаете ли вы какими-либо известиями о волнениях в западных графствах? – вступил в разговор Николас.

Фловердю слегка нахмурился:

– Говорят, мятежники осаждают Эксетер. В самом скором времени туда будут посланы войска. У этого сброда хватило дерзости направить королю петицию и потребовать отмены церковных реформ, прекращения войны с Шотландией и бог знает чего еще.

– Да, все эти беспорядки – весьма серьезная проблема, – проронил я.

– Говоря откровенно, дела в стране обстоят хуже некуда. В сравнении с нынешним мятежом заваруха в марте, с которой сельские сквайры справились собственными силами, представляется сущим пустяком. Правда, я слышал, что в Хэмпшире волнения уже улеглись, а протектор помиловал бунтовщиков. Помиловал! Старый король вздернул бы всех негодяев на виселицу! Как можно быть таким сердобольным? Да ведь после этого прочие простолюдины вообразят, что отныне могут безнаказанно вытворять любые безобразия.

– Весьма сомнительно, что прочие простолюдины узнают об этом помиловании, – возразил я.

Фловердю взглянул на меня с недоумением, словно поражаясь моей глупости.

– Судя по тому, что дезертиры, сбежавшие из Шотландии, и прочие бунтовщики устраивают беспорядки по всей стране, английские простолюдины уверены в своей безнаказанности! – процедил он. – Хорошо еще, что во время выездной сессии приняты особые меры предосторожности. Многие судьи приехали в Норидж в сопровождении вооруженной охраны. Но все равно эти бараны из городского совета настолько напуганы, что решили в этом году не

устроить традиционный торжественный обед. Верьте моему слову: мэр Кодд – это какая-то снулая рыба.

Отвесив мне поклон, он повернулся и удалился.

– Этому господину палец в рот не клади, – изрек Николас, глядя вслед его развевающейся мантии.

– Представляю, что будет, если он попытается выселить сыновей Болейна из отцовского дома! – заметил Тоби с издевательской ухмылкой. – Они не дадут друг другу спуска, это уж точно!

День снова выдался жаркий, и, едва добравшись до замка, я почувствовал себя усталым. Спина мучительно ныла; я уже начал опасаться, что поездка верхом из Лондона в Норидж нанесла моему хребту серьезный вред. Мы вновь оказались под мрачными сводами замка, где, несмотря на солнечный день, царила промозглая прохлада; тюремщик опять провел нас вниз по гулкой железной лестнице. Повсюду виднелись лужи, оставленные недавним дождем; от гниющей воды исходил скверный запах. Остановившись у дверей камеры Джона Болейна, я попросил своих спутников подождать в коридоре, ибо хотел обсудить с арестантом несколько деликатных вопросов.

Болейн лежал на своем тюфяке, устремив неподвижный взгляд в пространство. Его волосы и борода были спутаны еще сильнее, чем в прошлый раз; мне показалось, что за эти дни он отошал и усох. Лицо его слегка просветлело, когда я протянул ему корзинку с едой, приготовленную Изабеллой. Достав из корзинки глиняный горшок, он обхватил его ладонями, бормоча:

– Милая Изабелла... Я так скучаю по ней, так скучаю...

– Не падайте духом, мастер Болейн! – бодрым голосом произнес я. – Мы располагаем некоторыми новыми сведениями и, надеюсь, сумеем доказать вашу невиновность.

Глядя на понурого Болейна, я с трудом удержался от искушения сообщить, что в ближайшее время ему нечего опасаться виселицы. Даже если суд признает его виновным, казнь наверняка будет отсрочена, ибо леди Елизавета уполномочила меня подать просьбу о помиловании. Однако я помнил, что это обстоятельство следует держать в строжайшей тайне до вынесения вердикта; к тому же просьбу о помиловании я мог подать лишь в том случае, если сочту решение суда несправедливым. Так что я ограничился тем, что рассказал Болейну о встрече со Скамблером и о загадочном исчезновении ключа от конюшни. Выслушав меня, он покачал головой:

– То, что мои сыновья поколотили Грязнулю, меня ничуть не удивляет. Но я никогда не поверю, что они могли убить собственную мать.

– Тем не менее, сэр, у нас появилась новая зацепка, которую необходимо проверить.

– Да, конечно, – вздохнул он. – Надо признать, Джеральд и Барнабас не испытывают ко мне никаких сыновних чувств. Ни разу не соизволили навестить меня здесь.

– Скажите, вам доводилось обращаться к услугам слесаря по фамилии Снокстоуб?

– Да, в течение нескольких лет. Впрочем, не могу сказать, что близко знаком с ним. Обычно с людьми подобного рода имел дело Чаури.

– Вам известно, где он живет?

– В каком-то переулке поблизости от площади Тумлэнд, если мне не изменяет память.

– Превосходно. Думаю, мы сумеем его найти. Я так понимаю, с другими слесарями вы дела не имели?

– Нет. У Чаури был целый список ремесленников, которых он приглашал для тех или иных работ. – Лоб его пересекла складка. – Честно говоря, мне кажется, что вся эта история с ключом выеденного яйца не стоит. В первый раз Грязнуля просто не заметил ключ, тем более

что уже смеркалось. Этот парень отличный конюх, но вы сами наверняка поняли: в голове у него гуляет ветер.

– Есть еще один вопрос, который я вынужден вам задать, – произнес я, набрав в грудь побольше воздуха. – Предупреждаю, это вопрос личного характера, и он касается ваших отношений с Эдит.

– Когда речь идет о жизни и смерти, о деликатности приходится забыть, – горько усмехнулся Болейн.

– Я нанес визит мастеру Гэвину Рейнольдсу. И встретил там ваших сыновей, Джеральда и Барнабаса.

– Да, с дедом они всегда неплохо ладили. Наверное, причина заключается в сходстве характеров. – Болейн вперил в меня пристальный взгляд. – Старый Рейнольдс спит и видит, как меня вздернут на виселицу. Полагаю, для вас это не тайна.

– Нет. Он сразу дал понять, что не намерен помогать нам. Скажите, а вы знакомы с его управляющим, неким Воувеллом?

– Даже не представляю, как он выглядит, – покачал головой Болейн. – Не забывайте, сэр, я не бывал в доме Рейнольдса с тех пор, как Изабелла поселилась в Бриквелле. Близнецы часто гостили у деда, но для меня двери его дома были закрыты.

– Воувелл не слишком доволен своим хозяином...

– Да уж, служить этому сварливому старику и его угрюмой жене, которая вечно смотрит так, словно укуса хлебнула, – работенка не из приятных, – сардонически изрек Болейн. – А теперь, когда в доме поселились еще Джеральд и Барнабас...

– Так вот, Воувелл украдкой сообщил мне кое-что важное, – перебил я. – По его словам, несколько лет назад Эдит явилась к своему отцу и пожаловалась, что вы... говоря без обиняков, силой принуждаете ее к выполнению супружеских обязанностей. Отец отослал ее прочь, заявив, что она сама выбрала свою долю и он не намерен вмешиваться в чужие семейные дела.

Болейн отвел глаза.

– Вы верите, что я способен на подобное? – произнес он едва слышно.

– Вы должны рассказать мне, как все обстояло в действительности.

Джон вскинул голову и взглянул мне прямо в глаза:

– Даже если бы я хотел воспользоваться своими супружескими правами, то никогда не стал бы принуждать Эдит силой. Поверьте, я ни разу ее пальцем не тронул. Но явиться к отцу и возвести на меня напраслину – это поступок вполне в ее духе. – Он яростно затряс головой. – Под конец нашей семейной жизни моя жена лишилась рассудка, мастер Шардлейк. Она впала в совершенное безумие.

– Простите, сэр. Но, услышав рассказ Воувелла, я вынужден был задать вам этот вопрос. Болейн понимающе кивнул. На несколько мгновений в воздухе повисла тишина.

– Остается еще вопрос с вашим алиби, – прервал я молчание. – Вы по-прежнему утверждаете, что в тот злосчастный вечер с девяти до одиннадцати были в своем кабинете?

– Да, я был в кабинете, – ответил он после недолгого замешательства. – Просматривал документы в полном одиночестве.

– Если вы по какой-то причине находились в другом месте, то в ваших интересах не скрывать этого. Сие обстоятельство весьма важно и для вас, и для вашей жены.

В ответ Болейн молча покачал головой.

– Буду откровенен, сэр, – продолжал я. – Уверен, вы скрываете от меня правду. Поверьте, упорствуя, вы лишь вредите себе.

Болейн, казалось, колебался. Однако через несколько мгновений он упрямо повторил:

– Я был в своем кабинете.

– Что ж, предупреждаю: если мне удастся выяснить, что вы находились в другом месте, мой долг – сообщить об этом суду, – вздохнул я. – Сейчас я намерен отправиться на поиски

слесаря. А после побеседую с вашими сыновьями, расспрошу их, почему они набросились на Скамблера.

– Будьте осторожны, сэр. От них можно ждать самых диких выходов.

– Я это уже понял. Мы также попытаемся найти Грейс Боун, горничную, покинувшую ваш дом девять лет назад, незадолго до исчезновения Эдит. Если она жива, то, полагаю, может сообщить нам немало любопытных сведений. А если умерла, возможно, кое-что известно ее родственникам. Насколько я помню, она оставила ваш дом внезапно, никого не предупредив заранее?

– Да, ушла, даже не получив причитавшегося ей жалованья за последнюю неделю! – Болейн покачал головой. – Девять лет назад Грейс так и не сумели найти. Сейчас она, скорее всего, мертва. – Вы предполагаете, что ее тоже могли убить? – спросил он, буравя меня глазами.

– Какая бы участь ее ни постигла, нам необходимо это выяснить. Согласитесь, практически одновременное исчезновение хозяйки и горничной вряд ли можно счесть случайным совпадением.

– Я всегда считал, что ей просто-напросто осточертели выходы Эдит, – усмехнулся Болейн. – Хотя, надо признать, Грейс пользовалась расположением своей хозяйки. Одно могу сказать: мои сыновья тут ни при чем. Им в ту пору едва исполнилось девять. – И он погрузился в унылое молчание.

– Полагаю, мы с вами увидимся завтра, – произнес я, поднимаясь. – В крайнем случае послезавтра.

– А уж на суде точно увидимся, – буркнул Джон, растянув губы в подобие улыбки.

– Болейн по-прежнему упорствует в своей лжи, – сообщил я, присоединившись к Николасу и Тоби. – Нет никаких сомнений: вечер, в который была убита Эдит, он провел вовсе не в своем кабинете. Возможно, он с кем-то встречался и у него имеются веские причины это скрывать.

– Возможно, он встречался со своей женой, которую в конце концов и убил, – равнодушно бросил Тоби.

– Впервые я склонен с вами согласиться, – кивнул Николас. – Сэр, не забывайте, наша цель – расследовать совершенное преступление, а не оправдать Болейна, – обратился он ко мне.

– Ты прав, нам поручено отстаивать справедливость, а не интересы Болейна, – ответил я после недолгого раздумья. – Но это отнюдь не означает, что он виновен. Тем более существует множество обстоятельств, которые нам необходимо прояснить. И первым делом следует отыскать слесаря.

– Вайтерингтон считает Болейна безвольным рохлей, – напомнил Тоби. – Он даже вообразил, что сможет безнаказанно отнять у своего соседа земли. Однако получил отпор, да еще какой. Слабый человек никогда не решился бы бросить вызов общественному мнению, приведя в свой дом трактирную служанку. Люди, которые хорошо знают Болейна, в один голос утверждают, что нрав у него вспыльчивый.

– Вы передали Джону рассказ Майкла Воувелла? – спросил Николас. – Как он к этому отнесся?

– Заявил, что все это ложь и наговоры. По его словам, он никогда и пальцем не тронул Эдит. При этом не отрицает, что жена его могла явиться к отцу и возвести на мужа напраслину. Говорит, Эдит впала в совершенное безумие. Но вот какой вопрос меня мучает. Всякому ясно, что Болейн обожает Изабеллу и тревожится об ее участи. А участь эта может быть весьма плачевной. Не далее как нынешним утром Фловвердью сообщил нам: если Болейна повесят, Изабеллу выгонят на улицу. При этом Болейн даже не пытается составить себе убедительное алиби. Возможно, правда, которую он так упорно скрывает, способна повредить Изабелле? –

Помолчав несколько мгновений, я воскликнул в отчаянии: – Господи Иисусе, каждый вопрос лишь порождает новый, и ничего более!

Мастер Теобальд, хозяин «Девичьей головы», как и всегда, был рад оказать нам услугу. Побеседовав с ним, мы выяснили, что слесарная мастерская Снокстоуба находится в переулке, который тянется между площадью Тумлэнд и Элм-Хиллом.

Заведение мы нашли без труда, тем более что над дверями висела вывеска, изображавшая пару перекрещенных ключей. Внутри царил полумрак, в воздухе стоял острый запах железа. За прилавком никого не было, однако из соседней комнаты доносился стук.

– Эй, есть кто-нибудь? – подал я голос.

На мой зов явился высокий и тощий парнишка лет шестнадцати, в синей блузе и шапке подмастерья.

– Доброе утро, – приветствовал его я. – Нам нужен мастер Снокстоуб.

– Он понес заказчику готовые ключи. Наверное, скоро вернется.

– Тогда мы подождем.

Юнец не сводил настороженного взгляда с наших с Николасом мантий.

– Вы хотите заказать ключ или замок? – решился спросить он. – Или... у вас дело, связанное с законом?

Вместо ответа я сам приступил к расспросам:

– Насколько мне известно, твой хозяин много лет подряд выполнял заказы мастера Болейна, помещика из Бриквелла?

– Да, вроде того, – уклончиво промямлил мальчишка, недоверчиво глядя на нас. – Это вы толкуете про того Болейна, что сейчас сидит в тюрьме и дожидается суда?

– Именно про него. Мы расследуем дело об убийстве его жены и беседуем со всеми, кто знает мастера Болейна. Я – барристер Мэтью Шардлейк. А тебя как зовут?

– Уолтер, сэр, – пробормотал парнишка, беспокойство которого росло с каждой минутой. – Но вам лучше поговорить с хозяином.

– Разумеется, мы побеседуем с ним. Скажи, а сыновья Болейна, Джеральд и Барнабас, сюда заглядывали? – осведомился я как бы между делом. – Насколько мне известно, они недавно обращались к услугам твоего хозяина.

– Прошу вас, поговорите об этом с мастером Снокстоубом, – потупив глаза, повторил Уолтер. – Нехорошо с вашей стороны приставать ко мне с вопросами. Если хозяин узнает, что я болтал о его делах, мне достанется на орехи!

– Он хочет сказать, что хозяин побьет его! – перевел Тоби, сочтя последнее выражение непонятным для нас.

Взглянув на испуганно переминавшегося с ноги на ногу парнишку, я смиростивился:

– Ладно, Уолтер, если ты не хочешь с нами общаться, то и не надо.

Подмастерье мигом юркнул обратно в мастерскую и затаился там. Какое-то время мы провели в ожидании, разглядывая связки ключей, висевшие на стене за прилавком. Наконец дверь отворилась, и внутрь вошел низкорослый тощий человечек в кожаном фартуке; длинные сальные волосы рассыпались по плечам, а красный распухший нос выдавал завязавшего пьяницу. Подобно Уолтеру, увидев нас, он слегка подался назад. И настороженно спросил:

– Чем могу служить?

– Мастер Снокстоуб, если я не ошибаюсь?

– А вы кто такой?

Многолетний мой опыт доказывал: подобный вопрос, как правило, задают люди, которым есть что скрывать. Тем не менее я представился по всей форме и обстоятельно рассказал о деле, которое привело меня в мастерскую слесаря.

– Почему это я должен обсуждать с вами своих заказчиков? – угрюмо процедил Снокстоуб, скрестив руки на груди.

Я решил, что уже хватит с ним миндальничать:

– Потому что молчать не в ваших интересах. Если вы откажетесь говорить, то в четверг вас вызовут в суд и вам придется отвечать перед судьями.

Угроза, несомненно, произвела на Снокстоуба впечатление. Отбросив гонор, он принялся объяснять со всей возможной обстоятельностью:

– Я выполнял заказы Джона Болейна в течение нескольких лет. Много раз бывал у него в Бриквелле. Сами понимаете, на ферме часто приходится чинить замки – скотина постоянно их сбивает.

– Вы изготовили ключи и замок для конюшни, где он держал своего любимого жеребца по кличке Полдень?

– Страшный зверь, – усмехнулся Снокстоуб. – Так и норовит лягнуть кого-нибудь копытом. Да, несколько лет назад я сделал замок для его конюшни. И ключи, разумеется, тоже.

– А недавно, я слышал, вам пришлось сделать еще один ключ.

– Кто это вам наплел? – подозрительно прищурился слесарь.

– Тот, кому это известно, – с ухмылкой ответил Тоби.

– Я слышал также, что вы хорошо ладите с сыновьями мастера Болейна, – заметил я. – Не всем это удается.

– Они неплохие парни. По крайней мере, с ними весело. Когда в городе устраивают травлю медведей, мы с ними всегда там встречаемся. И на петушиных боях тоже.

«Кто бы сомневался, что забавы такого рода нравятся близнецам», – подумал я, вспомнив, как в Лондоне они охотились на несчастного маленького оборванца.

– В прошлом месяце братья Болейн заказали вам копию ключа от конюшни? – спросил я напрямик.

– Нет, ничего они мне не заказывали, – отрезал Снокстоуб, и лицо его приняло непроницаемое выражение. – Уолтер! – заорал он во всю глотку, обернувшись в сторону мастерской. – Скажи, парень, кто-нибудь из молодых Болейнов был здесь в этом году? – спросил он, когда подмастерье неохотно высунул голову.

– Нет, сэр, могу поклясться чем угодно, – с нескрываемым облегчением выпалил Уолтер. – Если хотите, могу даже присягнуть на Евангелии.

– Слыхали? – повернулся к нам слесарь. – Да будет вам известно, Уолтер – мальчонка набожный. Едва у него выдается свободная минутка, бухается на колени и читает молитвы. Или бежит в церковь слушать бесконечные проповеди отца Уотсона.

Несомненно, оба – и хозяин, и подмастерье – что-то от нас скрывали. Но уличить их в обмане у меня не было возможности.

– Что ж, в самом скором времени мы выясним правду, – пообещал я, грозно обведя их глазами. – Сейчас мы уходим, но непременно вернемся. С официальным вызовом в суд. Возможно, даже с двумя.

У Уолтера отвисла челюсть, а Снокстоуб, напротив, сжал губы в тонкую линию.

– Разумеется, без этого можно будет обойтись, если вы добровольно расскажете все, что знаете, – добавил я.

– Нам нечего рассказывать, – буркнул Снокстоуб, вновь скрестив руки на груди.

– Что ж, значит, увидимся в суде, – произнес я и сделал своим спутникам знак уходить.

– Надо было припугнуть их посильнее, – сказал Тоби, когда мы оказались на улице. – Может, братья Болейн к ним в мастерскую и правда не заходили. Но слепому видно: они что-то скрывают.

– Разумеется. Но я не могу вытянуть из них признание клещами. Думаю, стоит им увидеть вызов в суд, как у обоих мигом развяжутся языки. Николас, иди в судебную контору, отыщи

Барака и получи официальную бумагу. Там должно быть сказано, что слесарь Снокстоуб вызывается в суд для дачи показаний и что ему следует внести денежный залог, гарантирующий его присутствие на заседании. Не сомневаюсь, это возымеет действие. Тоби, а вы можете приступить к розыскам Грейс Боун или ее родных.

– Да, сэр.

Поклонившись, Локвуд повернулся и зашагал прочь. Николас двинулся в другую сторону, по направлению к замку. Некоторое время я стоял неподвижно, погруженный в размышления.

«Подобно утопающим, мы цепляемся за соломинку, – вертелось у меня в голове. – Но лучше иметь в руках соломинку, чем совсем ничего, – возразил я сам себе. – В любом случае в историю с ключом необходимо внести ясность».

Глава 21

Заметив, что каменные ворота, ведущие на территорию собора, открыты, я направился к ним. Возможно, говорил я себе, стоит мне посидеть и поразмышлять в тишине церковного придела, как на меня снизойдет озарение. К тому же все утро я никак не мог отделаться от неприятных воспоминаний о бродяге, умершем от голода. Тело его, как я заметил, уже успели убрать.

Внутренний двор являл собой соединение величия и разрухи. Передо мной возвышалось впечатляющее здание собора, подобно замку, возведенное из белого камня; его узкие стрельчатые окна были устремлены в небо, огромную колокольную венчал невероятно высокий шпиль. Справа, на том месте, где некогда располагался монастырь, тянулись полуразрушенные стены корпусов, в которых прежде жили монахи. Множество рабочих в кожаных безрукавках разбивали стены, сортировали камни по форме и размеру и грузили их на повозки, стоявшие неподалеку от развалин. Я долго смотрел в ту сторону, выглядывая Эдварда, мужа Джозефины, но так и не увидел его.

Главная дверь собора была распахнута настежь; грандиозное пространство, в котором я очутился, переступив порог, поистине не знало себе равных. Вестминстерское аббатство и даже Йоркский собор бледнели перед величием Нориджского кафедрального собора. Хотя в ширину он был невелик, чрезвычайно высокие арочные своды производили удивительное впечатление. Подняв голову, я увидел, что потолки украшают дивной красоты росписи. Однако разрушение не обошло собор стороной. Несколько человек разбирали часовню в одном из боковых приделов; в другом приделе рабочие, вооружившись молотками, пытались разбить на куски пышную гробницу; по всему храму стояли стук и скрежет. В дальнем конце главного нефа по-прежнему возвышалось огромное распятие; витражи в окнах тоже пока были целы, однако можно было не сомневаться: они обречены на уничтожение. Около дальней стены были сооружены шаткие деревянные леса, и рабочие, стоя на них, замазывали фрески белой краской. На память мне пришла церковь в Ветстоуне, тоже лишившаяся своих росписей. Я с удивлением подумал, что был там всего двенадцать дней назад; казалось, с той поры миновала целая вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.